

Внез ге Вурхуер

Трактат
од
Бзие и Сому

Спектр об Огне и Соне

**РЕДКОЕ И ПРЕВОСХОДНОЕ
произведение
господина БЛЕЗА ДЕ ВИЖЕНЕРА
Бурбонца, найденное среди бумаг
после его смерти**

*перевод со старофранцузского
Владимира Ткаченко-Гильдебрандта*

ПАРИЖ

**У ВДОВЫ АВЕЛЯ АНЖЕЛЬЕ,
у первой колонны Большой дворцовой залы**

1618

С ПРИВИЛЕГИЕЙ КОРОЛЯ

Киев, 2012

К ЧИТАТЕЛЮ

Среди трудов покойного господина де Виженера, подобных произведениям, увидевшим свет после его кончины и попавшим в целях публикации в руки уже умершего книготорговца Анжелье, нашелся "Трактат об Огне и Соли", который показался нам весьма любопытным исследованием на столь изумительную тему и о столь малоизвестном учении, хотя автор и не поставил в нем окончательной точки и не сообщил ему повсеместно изысканности стиля. Но и в таком виде произведение достойно быть представлено вам. Прочитав его, вы сможете составить о нем справедливое суждение. Итак, приняв во внимание все вышесказанное, вы убедитесь, что у Виженера, как и на портрете Венеры, намеченной в общих чертах Апеллесом, превосходство граней лишает надежды вполне достойно завершить его произведение.

ТРАКТАТ ОБ ОГНЕ И СОЛИ ГОСПОДИНА БЛЕЗА ДЕ ВИЖЕНЕРА

Первая часть

ПИФАГОР, который, несомненно, единственный из всех язычников, по общему убеждению и признанию, мог с наибольшей достоверностью проникнуться тайнами и божества, и естества, полными глотками насыщал себя из живого источника традиций Мозеса. Среди символов, когда Пифагор буквально касается вещи, мистически подразумевая под ней и видя в ней иную вещь (в чем подражает египтянам и халдеям, или, скорее евреям, произошедшим в свою очередь от первых) он полагает следующие два: *“Не говорить о Боге без света”* и *“Использовать во всех своих жертвоприношениях и дарах Соль”*. Это Пифагор слово в слово позаимствовал у Мозеса¹, о чем мы затем сделаем вывод, поскольку наше намерение — рассуждать об Огне и Соли.

Именно на стихе *Мк. IX, 49* был построен настоящий трактат: *“πας η πυελ αλιζοισαι και πασα*

¹ Мозес — מֹשֶׁה, греч. Μωϋσης, Μωσης, но также и Моше, тогда как Моисей переведено неверно. — *Прим. ред.*

δυσία οἱ ἀλιζήοισαι” — “Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится”. Отсюда происходят четыре своеобразных вещи: человек и жертва, Огонь и Соль, которые, тем не менее, сводятся к двум, подразумевающим две другие (человека и жертву, огонь и соль) для высшего соответствия, которое они составляют в совокупности.

В начале Бог создал Небо и Землю, как повествует Мозес в самом начале своего Бытия. На этом основывается Аристовул Иудей и некоторые язычники, желающие доказать, что Пифагор и Платон читали книги Мозеса, откуда почерпнули большую часть своей самой сокровенной Философии. Они ссылаются на следующее: когда Мозес говорил, что небо и земля были сотворены первыми, как Платон в своем Тимее, а после в Тимее Локрском высказывался о том, как Бог собрал первоначально огонь и землю, дабы из них построить эту вселенную (сие мы отразим ниже и более ощути-мо на примере огарка зажженной свечи из Зогара, ибо все слагается из света, который является первотворением всего). Упомянутые Философы предполагали, что мир состоял, как и есть на самом деле, из четырех элементов, существующих столь же высоко в Небе, сколь и глубоко в Земле, но по-разному: два высших элемента — воздух и огонь — разумеются в названии Неба и эфирной области, ибо αἶθρ происходит от глагола αἶθω, светить, воспламеняться, что присуще обоим элементам. Под словом же земля понимаются два низших элемента — земля и вода — сосредоточенные в

одном земном шаре. Но поскольку Мозес полагает небо прежде земли (обратите внимание, что на протяжении всего Бытия он касается только ощущаемых вещей, а о сверхчувственных сообщает лишь по случаю), можно говорить о наибольшем единомыслии между евреями и христианами.

Гомилия первая святого Иоанна Златоуста гласит: “Посмотрите хотя бы немного, с каким достоинством божественная Природа спешит просветить своим образом действия творение вещей. Ибо Бог, в отличие от строителей, возводя свое здание, распространил изначально вокруг всего небо, а затем уже внизу насадил землю. Он сначала создал кровлю и после перешел к фундаменту”. Но способ изложения евреев таков, что когда они хотят сказать не об одной вещи, то помещают последнюю вещь в порядке, каковым предполагают связать ее с первой. То же очевидно и здесь, где небо поставлено перед землей, которую затем принимаются непосредственно описывать: “In principio creavit Deus caelum et terram; terra autem erat inanis et vacua” — “В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий витал над водою”. Быт. I, 1, 2. Подобным приемом пользовался святой Матфей в своем Евангелии: Книга родословия Иисуса Христа, сына Давида, сына Авраама²... Авраам родил Исаака и т. д. Ведь известно, в какое время до

² Авраам — אַבְרָם, но Авраам в русском переводе Библии переведено неверно. — Прим. ред.

Давида жил Абрахам. Впрочем, Мозес казалось бы хотел отдельно доказать, что земля была создана прежде неба именно в творении человека, являющегося образом и отражением горного мира, поскольку Бог сотворил человека из праха земного, то есть создал его тело, которое и характеризует человека. Потом он дунул в его лицо, вдохнув в него дух жизни, который соотносится с небом. Как это соответствует тому, что сказано у апостола Павла: *“Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба”*; *“Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий”*. 1 Кор. XV, 47, 45. Подобным же образом сообщается порождение твари, которая в течение шести недель после своего зачатия представляет собой лишь бесформенную телесную массу до тех пор, пока душа, проникнувшая в тело, не оживотворит его.

Впрочем, четыре элемента, на которых все основано, заключают в себе четыре качества: теплое и сухое; холодное и влажное; причем, каждое из качеств составляет пару с противоположным. Известно, что земля бывает холодной и сухой; вода холодной и влажной; воздух влажным и теплым, а огонь — горячим и сухим. Все соединяется с землей, поскольку элементы подчинены круговороту, как того желает Гермес, и каждый из них окружен двумя другими, коим он соответствует одним из своих качеств, ему присущих. Например, земля взаимодействует с огнем и водой, производя с огнем сухость, а с водой — холод. Так и остальное.

Человек является образом горного мира, и отсюда он именуется микрокосмом или малым миром, состоящим из четырех стихий и созданным по подобию своего архетипа, называемого горным человеком; посему микрокосм обладает своими небом и землей. Душа и разум суть его небо; тело и чувственность — это его земля. Только познав человеческие небо и землю, можно достичь полного знания вселенной и природы вещей. От познания чувственного мира мы идем к постижению мира умозрительного: *“Per creaturam Creator intelligitur”*, или *“В творении познается Творец”*, по слову блаженного Августина. Огонь дает телу движение; воздух — чувство; вода — пропитание; и земля — существование. Сверх того небо обозначает умозрительный мир, а земля — чувственный; каждый из них еще подразделяется на два (в данном случае я говорю согласно с Зогаром и древними раббинами), когда умозрительный мир соответствует раю и аду, а чувственный — небесному и элементарному мирозданию.

Блестяще рассуждает по этому поводу Ориген (О началах, VII, 17), касаясь вступления Книги Бытия: *“Изначально Бог сотворил небо, или умозрительный мир, исходя из того, что сказано в книге Ис. LXVI: “Так говорит Господь: небо — престол мой, а земля — подножие ног моих...”* Скорее это Бог, в котором пребывает мироздание, но не мироздание, являвшееся обителью Божества: *In ipso enim vivimus, et movemur, et sumus*³; ибо истинным престолом и

³ Им живем и движимы и существуем. — Прим. пер.

уделом Бога есть его собственная сущность". И прежде сотворения мира, как излагает в своих главах рабби Елиазар, не было ничего, кроме сущности Божества и его имени, которые составляют одну и ту же вещь. "Итак, после неба, или умозрительного мира, — продолжает Ориген, — Бог создал небесный свод, то есть чувственный мир, ведь всякое тело было известно только как твердое и уплотненное, когда всякое уплотненное предстает телесным. И поскольку Бог замыслил создать плотное из духа и тела, поэтому и написано, что Бог в начале сотворил небо, иными словами, всякую духовную субстанцию, на которой он восседал как на некоем подобии трона. Небесным сводом, на наш взгляд, является тело, которое Зогар именует храмом, а вслед за ним и Апостол: *Templum Dei estis vos* (Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?). 1 Кор. III, 16. И небо, которое духовно есть наша душа и человек внутренний. Небесный свод есть человек внешний, каковой зрит и познает Бога только чувственно.

Таким образом человек предстает двойным: (*est corpus animale, et est spirituale*, или "сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное", один — внутренний, духовный, невидимый, тот, которого святой Марк здесь обозначает собственно человеком; другой — внешний, телесный, душевный, в котором он видит жертву, который совсем не ведает о вещах, исходящих от Духа Божия, но духовный человек распознает все. 1 Кор. XV, 44. До такой степени, что внешний

человек сравним с грубыми животными, из которых берутся жертвы для жертвоприношений ("Человек, который в чести и неразумен, подобен животным, которые погибают". Пс. XLVIII, 21). "*Comparatus est iumentis insipientibus, et similis factus est illis. Nil enim habet homo iumento amplius*" (Еккл.): плотскому и душевному человеку нужно понимать, что представляет из себя это видимое тело, которое умирает, подобно животным, разрушается и возвращается в землю (дословно: "Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все — суета! Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах". Еккл. III, 19, 20).

О бренном теле прекрасно сказал Платон: "οὐκ εἶναι ἀνθρώπος α ὁρῶνδρον", или "то, что мнится человеком, не есть еще собственно человек". О нем наиболее четко выразился и Алкивиад: "ἐτερον ὡς α ἄνθρωπος οὐστ του εαυτου Σωματος", или "человек есть нечто иное, нежели его тело"; он — именно душа, о которой идет речь дальше. Это Цицерон позаимствовал из сновидения Сципиона: "*Tu vero sic habeto; te non esse mortalem, sed corpus hoc: non enim tu es quem forma ista declarat, sed mens cuiusque is est quisque, non ea figura quae digito demonstrari potest*"⁴. И философ Анаксарх, когда кипрский тиран Никокreon

⁴ Ты воистину обладаешь этим, и смертен ты лишь в своей телесной оболочке, и не она являет твой подлинный образ, и разум дан тебе не этой предоставленной тебе плотью. — Прим. пер.

взялся дробить его внутри большой мраморной мельницы, кричал громким голосом: *“Дроби сильнее, дроби оболочку Анаксарха, ибо не того ты дробишь”*.

Будет ли позволено мне привести здесь примеры *переходных состояний*, Metubales⁵. Все сущее является либо невидимым, либо видимым — умозрительным или ощущаемым; активным или пассивным; формой и материей; духом и телом; человеком внутренним и внешним; огнем и водой; то, что зрит и то, что желает. Но зрящее гораздо лучше и достойнее того, что желает; оно есть то, что видит даже невидимое там, где желание остается слепым. Почему вода является тем самым подходящим субъектом, на который огонь или дух могут распространять свое воздействие? Он испаряет ее для своего жилища и пребывания, ибо, проникая в воду, огонь ее поднимает вверх естеством воздуха, соприкасающегося с ним, незримый дух которого (*Spiritus Domini ferebatur super aquas*; или скорее *incubabas aquis*⁶) созерцает видимое, двигает неподвижное. Ведь вода, в отличие от воздуха и огня, не

⁵ Metubales — старофр. слово, происходит от греч. *Μεταβαλλω*, *Μεταβολη*, что значит переменяться, перемена. Прим. пер.

⁶ *“Spiritus Domini ferebatur super aquas”*; или скорее *“incubabas aquis”* — *“и Дух Божий витал над водою”*. Быт. 1, 2. В русском переводе Библии вместо слова “витал, покоился” стоит слово “носился”, что не просто неправильно переведено, но это слово вообще не может относиться к Богу, но только к человеку, в котором, безусловно, не присутствует гармонии и мудрости Создателя, и потому мы “носимся” со своим мирком и еще смеем подобным же награждать Творца. И в данном случае, увы, очередное изобретение переводчиков, многократно искажавших святое Писание. — Прим. ред.

обладает сама в себе никаким движением; этот дух говорит на немом языке, наподобие того, как наше дуновение или дыхание наполняет флейту, и мы заставляем ее звучать, сколь бы немой она ни была. Тело и дух, воду и огонь мы обозначим Каином и Хабелем⁷, порожденными от семени мужчины и женщины. И своими жертвоприношениями, из которых жертвоприношения Каина, происходя от плодов земли, являлись телесными, мертвыми и неодушевленными, а, следовательно, лишенными веры, зависящей от духа, и растворяемыми огнем в водяном паре, они спешат обрести огонь в его сфере и жилище, дабы вновь предаться ему. Но жертвоприношения Хабеля были духовны, одушевлены, полны пребывающей в крови жизни, набожности и поклонения.

Одинаково об этом говорят Абен-Ездра и автор *Fasciculus myrrhae* (Вязанка мирры): огонь нисходил сверху, чтобы обрести жертвоприношения Хабеля; этого не случалось с жертвоприношениями Каина, которые погло-

⁷ Хабель — *הביל*, Быт. IV, 2, имя, которое переводится как *дыхание, дуновение*, а Абель (Авель) *אביל*, Суд. XIII, 33, означает *траурный, горюющий* (от слова, *печаль*), название многих городов и местностей в Израеле. Имя же Каина, происходит от слов или, *траурная песнь*. Отсюда понятно, почему адепты герметической науки и христианства стремились изучать священное Писание на родном языке, чтобы не искажать смысл Божьего Слова. Неверный перевод имен в Библии на русский язык искажает в корне смысл, предназначение двух братьев, в результате два брата Каин и Хабель (русс. Авель) стали “печальными” и “траурными”, или другими словами как бы одной сущностью. Но один брат — первый убийца на земле, а другой любим Господом. — Прим. ред.

щал странный огонь, что означало внешнего, чувственного и душевного человека, обязанного просолиться солью, и Хабеля — человека внутреннего, духовного, что должен просолиться огнем. Последний является двойным: материальным и сущностным, настоящим и потенциальным, будто бы зажженным. Все чувственное и зримое очищается в настоящем; невидимое и умозрительное очищается в духовном и потенциальном. Святой Амбросий в трактате “Об Исааке и о душе” восклицает: *“Что есть человек, его душа или тело, или же соединение их обоих? Ибо одно дело одевание, и совсем другое то, что в него облачено”*. В действительности есть два человека (здесь я оставляю Мессию в стороне), Адам, сотворенный по образу Божьему в теле из праха земного и затем получивший от него дух жизни; если бы он уберег себя от заблуждения, то стал бы равным ангелам участником вечного блаженства, чего был лишен из-за своего греха. Другой человек тот, кто появляется на свет от совокупления мужчины и женщины, который за свое первородное прегрешение стал подвержен смерти, печалям, трудам, злу, а посему ему необходимо вернуться туда, откуда он произошел. И поскольку его душа дана от Бога, он может пользоваться своей свободной волей: если он желает принадлежать Богу, то в состоянии войти в удел его детей: *“Qui non ex sanguinibus, neque ex voluntate carnis, neque ex voluntate viri, sed ex Deo nati sunt”*, или *“Которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились”*. Ин. I, 13.

Таковым был и Адам перед своим первым отступлением.

Значит Душа является внутренним, духовным и подлинным человеком, который живет, ибо тело не имеет само по себе ни жизни, ни движения, поскольку оно не что иное, как оболочка и облачение внутреннего, согласно с Зогаром, ссылающемся здесь на священное Писание: *“кожею и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня”*. Иов. X, 11. Это весьма совпадает со словами священного Писания, где нам указывается, что душа для нас должна быть в большем почете, нежели тело, как наиболее достойная и драгоценная, по словам самого СПАСИТЕЛЯ: *“Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что вам пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?”* Мф. VI, 25. Следовательно, душа более тела, ведь тело только покров души, который подвержен дряхлению и разрушению (*omnes sicut vestimentum veterascent*⁸; и апостолом Павлом сказано о том, что *человек внешний распадется, но внутренний возродится однажды в ином*. 1 Кор.). Ибо, как продолжает Зогар, он умывается огнем, подобно Саламандре, а внешний водой с мылом и щелочью, которая образует все соли.

Таковы два способа очищения, о чем сказано в Ветхом Завете: *“И все, что проходит через огонь, проведите через огонь, чтоб оно очистилось, а кроме того и очистительною водою*

⁸ Всякое облачение стареет. — Прим. пер.

должно очистить; все же, что не проходит через огонь, проведите через воду". Чис. XXXI, 23. Последнее явилось прообразом того, что говорит Иоанн Креститель: "Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем". Мф. III, 16.

Но вот как об этом по-особенному ведется речь в Зогаре: "Если так, то кто же сам по себе Адам? Вы говорите, что он лишь кожа и плоть, кости и нервы, хотя Адам вовсе не из этой породы. Сказать по правде, человек не что иное, как заключенная в нем бессмертная душа. Кожа, плоть, кровь, кости и нервы суть одеяния, в которые он облачен, наподобие того, как еще недавно родившийся ребенок пребывает в пеленках в своей колыбели. Это только орудия и приспособления, даруемые детям женищинами, но никак не человек, не Адам. Ведь когда Адам был взят от мира сего, он избавился от своих орудий, коими был облачен и обустроен. Именно облакающая сынов человеческих кожа вместе с плотью, костями и нервами составляют сокровенную тайну Премудрости, как учил Моисей о завесах Ковчега, образующих внутреннее облачение или внешний Ковчег". О том же говорится у святого апостола Павла: "Ибо знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище; только бы нам и одетым не оказаться нагими". 2 Кор. V, 1-3.

Что касается тела Адама, то оно — воспроизведение чувственного мира, а его кожа соотносится с небесным сводом (*extendens caelum sicut pellem*⁹). Подобно тому, как небо покрывает собой и охватывает все вещи, так и кожа покрывает всякого человека, на котором выведены и отражены свои звезды и знаки, а именно — черты и линии рук, чела, лица, что проявляется у мудрых людей, которые, ведая об этом, способны определить склонности своего естества, запечатленного изнутри. Всякий, кто не догадывается об этом, сродни тому, кто, видя пасмурное небо, или то, что заслоняло бы его взгляд, не может и заподозрить о существующих там созвездиях.

Мудрецы и сведущие в этих вещах люди черпают отнюдь не то, что внешне обозначено в данных чертах и линиях, но внутреннее их содержание. Ибо наружность лишь частный случай, на которой проявляются только углы, не составляющие даже малого секрета и тайны, поскольку они стираются в смерти, будучи светильником при жизни в виде волос, глаз, носа, губ и всего остального у человека. И поскольку Бог сотворил Солнце, Луну и звезды (*Быт. I*), дабы показать их в большом мироздании не только в смене дня и ночи, времен года, но и во временных сдвигах, а также во многих признаках, которые должны проявиться на Земле; таким же образом создал он и малый мир или человека, отметив его определенными чертами и линиями, вставшими на место звезд и

⁹ От небес распростерта его кожа. — Прим. пер.

светил: благодаря им человек способен достичь познания великих, неизвестных всем и образующих тайну секретов. Протекая по ним, будто по неким каналам, иерархии высшего мира распространяют свое влияние, с последствиями которого либо приходится бороться, либо исполнять его волю здесь внизу, наподобие того, как стрелы, выпущенные из туго натянутого лука, поспешат войти в стрельбищный вал, где и остановятся.

Но продолжая разговор о двойном человеке и его облачении, обратимся к святому апостолу Павлу: *“Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных. Иная слава Солнца, иная слава Луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное”*. 1 Кор. XV, 40-44. Здесь нетленное тело относится к огню, а тленное к соли.

Об этих облачениях еще представится случай поговорить поподробнее, дабы лучше уразуметь, что должно быть просолено огнем, а что солью, выраженной в жертве, с которой соотносится внешний телесный человек, что становится понятным из слов святого апостола Павла: *“Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением*

ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная”. Рим. XII, 1, 2. Этого не произойдет, если тело нечистое, неопрятное, невозддержанное, ибо оно не сможет стать обителью Духа Святого: *“Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?”* 1 Кор. VI, 19. Этот Дух обыкновенно обозначается в Писании огнем: им мы должны быть внутренне просолены, то есть, предохранены от разрушения, растления в грехах, которое разлагает нашу душу.

Ориген в VII книге “Против Цельса”, говоря об этих облачениях души, считает, что она, будучи сама по себе телесной и незримой, в каком бы месте телесно не находилась, нуждается в теле, соответствующем природе того места, где пребывает. С тех пор, как душа существует в этом элементарном мире, ей необходимо также вещественное тело, каковое она получает, воплотившись в утробу женщины, чтобы от нее родиться и затем жить в этой низшей жизни в обретенном ей теле до установленного срока. По истечении этого срока она освобождается от ветхого облачения, предаваемого обязательно земле, откуда последнее и взялось (согласно сказанному Богом Адаму: *“... ибо прах ты и в прах возвратишься”*, Быт. III, 19), чтобы самой облачиться нетленным, коего непрестанная обитель на Небесах: *“Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие”*. 1 Кор. XV, 53.

Итак, душа сбрасывает с себя первоначальное земное облачение, обретая иное наиболее

превосходное в вышине эфирного пространства, состоящего из огненного естества. И до сих пор трудно найти более созвучного с Оригеном, чем завершение “Золотых стихов”¹⁰ Пифагора:

Νν δ' ἀπολειψας σωμα ες αιθερ ελεθερον ελθης,
Εσσεαι αθανατος αμβροτος, ουκ ετι θνητος.

После того, как очистишь душу свою совершенно, Станешь ты богом бессмертным, смерть раздавившим стопою. Хотелось бы сказать, что после того, как тленное материальное тело избавится от своей земной и нечистой оболочки, которая полностью смешается с грязью и нечистотами, оно устремится ввысь в объятия Бога, чего невозможно сделать, прежде не очистившись и не прояснившись в огне. О том же самом говорит и Зогар: “Когда элементы распадаются, эфирное тело встает на их место и покрывает их, или, говоря точнее, эфирное тело, покрытое элементами, освобождается от них”. Об этом нам повествует Библия, где говорится: “На третий день Эсфирь (перестав молиться, сняла одежды сетования) оделась по-царски, и стала она во внутреннем дворе царского дома, перед домом царя, царь же сидел тогда на царском престоле своем, в царском доме, прямо против входа в дом. Когда царь увидел

¹⁰ Золотые стихи Пифагора. Пер. Е. П. Казначеевой. АУМ. №2. Синтез мистических учений Запада и Востока. М., 1990. С. 7-12 (из журн. “Изида” №1, октябрь 1910, с. 5-6). — Прим пер.

царицу Эсфирь, стоящую на дворе, она нашла милость в глазах его”. Есф. V, 1. Малик¹¹ (царь) обозначает здесь Святой Дух, а Эсфирь — разумную душу, одежды которой являются облачениями Царства Небесного, а вид их, как сказано в Писании, подобен сыну Божию, который увенчивает праведников, украшая их царскими одеждами, дабы вести их пред очи Царя Царей во дворец Блаженства, овеваемый сверху воздухом, что выдыхает Святой Дух. Дан. III. 92.

Ориген во 2-й Гомилии на Псалом XXXVI пишет: “Таков метод Святого Писания, ведущего речь о двух сущностях в людях, а именно — внутренней и внешней, каждая из которых нуждается как в собственном месте, состоящем из своих облачений, так и в пропитании. Внешний телесный человек поддерживается бренной плотью, что ему характерно и свойственно, испытывая помимо своего естества всякую необходимость в соли”.

Однако есть плоть и у внутреннего человека, о чем сказано: “Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих”. Втор. VIII, 3. И упоминая о питии, апостол скажет: “Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестидись в Мозеса в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и

¹¹ Малик — מלך, понятие, соответствующее привычным для нас титулам короля или царя, но у евреев и арабов титулу царь не существовало, что также подтверждает священное Писание. — Прим. ред.

то же духовное питание; ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос". 1 Кор. X, 1-4. *Иоанн Богослов устами Христа говорит об этом питье следующее: "А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную".* Ин. IV, 14. *Во взгляде на внутреннего человека следует различать два его облачения. Если он грешник, как сказано в псалме, "да облечется проклятием, как ризою, и да войдет оно, как вода, во внутренность его и, как елей, в кости его; да будет оно ему, как одежда, в которую он одевается, и как пояс, которым всегда опоясывается".* Пс. CVIII, 18, 19. *И наоборот, по слову Апостола: "не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос. Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение".* Кол. III, 9-12.

Это как раз те облачения, которые Зогар называет добродетелями и брачными ризами души; они омываются и очищаются только огнем (*Quia in igne revelabitur uniuscuiusque opus; et quale sit ignis probabit*, или "Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть"). 1 Кор. III, 13. Эти ризы, не ухудшаясь и не истребляясь, про-

тивятся огню до тех пор, пока облаченная ими душа не освободится от нечистой накипи, способной запечатлеть на них несколько пятен, что на завершающем этапе должны пожираться и стираться в огне.

Но что же тут за огонь? Это огонь, о котором сказано в священном Писании: "*Domínus Deus tuus est ignis consumerens*" — "Ибо Господь, Бог твой есть огонь поядоющий, Бог ревнитель". Втор. IV, 24¹². Иреней толкует, что сие понадобилось, дабы внушить израэльтянам страх и трепет. Апостолом Павлом сказано: "Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огонь поядоющий". Евр. XII, 28, 29. Ибо они прекрасно понимали, что первый раз мир был уничтожен всемирным потопом, и Бог более не станет прибегать к подобной мере, поскольку мир воспримет свое конечное уничтожение через огонь. Насколько 33 закон Моисея, названный из-за своей суровости и строгости огненным законом, вложенным в десницу Всемогущего, исполнен угрозами, ужасом и трепетом, настолько Христианство создается здесь кротостью и милосердием: *In dextera illius ignea lex*¹³. Это то же самое, что толкует халдейский парафраз в 4 стихе о законе, явленном в средо-

¹² В синодальном издании Библии, Втор. IX, 3, говорится: "Знай же ныне, что Господь, Бог твой, идет пред тобою, как огонь поядоющий". — Прим. пер.

¹³ В его деснице огненный закон. — Прим. пер.

точии огня на горе Хорев¹⁴, и связанном с ним страхе: “Господь вещал ко мне, сказав: *“Собери там, внизу, народы, дабы они внимали мои слова и разумели их в трепете. Тогда вы приблизились к подножию горы, пылающей до Небес, и Господь говорил вам из средоточия огня”*. И далее Бог явил пред Моисеем неопалимую купину, которая не угасала. Исх. III, 2.

Об этом поядающем огне Зогар говорит в соответствии с изречением, взятым из натур-философии: *“Ибо большее пламя пожирает и гасит меньшее”*. Что мы можем ощутимо заключить о зажженном факеле, притупляющем солнечные лучи, и о нагревательном приборе, положенном вблизи большого огня, который его истощает и всячески притягивает к себе. И Мозес говорит об этом: *“Не зажигайте огня во всех жилищах ваших в день субботы. (Я Господь.)”*. Исх. XXXV, 3. “С какой стати, — вопрошает раббин Симеон, — было указано так, и почему стало непозволительно возжигать огонь в седьмой день? Да потому что когда зажигают огонь, он постоянно устремляется из своего логовища, сдвигая на своем пути всякую вещь, удаляя то, что описано в Писании, где она уподоблена огню: *“Она есть дух разумный, свя-тый, однородный, многочастный, тонкий, удобоподвижный, светлый, чистый, ясный, неврединительный, благолюбивый, скорый, неустойчивый, благодетельный, человеколю-*

бивый, твердый, непоколебимый, спокойный, беспечальный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие духи. Ибо премудрость подвижнее всякого движения, и по чистоте своей сквозь все проходит и проникает”. Прем. VII, 22-24.

Огонь, будучи подвижным и чистым, обладает двумя свойствами, не представляющими никакой непристойности; однако движение является одним из видов действия или деятельности, строго запрещенных в день Субботний. Итак, огонь, устремляясь вверх, захватывает туда с собой нечистоты, обозначенные в священном Писании (Лев. X) странным огнем, пожираемым другим, исходящим от присутствия Господня. Настолько, что странный огонь может привлечь к себе самому там осуждение за прегрешения, которое никак не должно возобновляться в празднование Субботы из страха, чтобы огонь гнева Господня не пожрал бы этот огонь за наши беззакония, а вместе с ним и нас, если прежде он не был очищен более сильным огнем, уничтожающим и пожирающим меньший и слабый огонь.

Именно это рассматривается Зогаром, когда на изречение из святого Писания, Втор. IV — *“Deus tuus ignis consumens est”* — он говорит: *“Существует двойной огонь: один более сильный, поглощающий другой. Кто это желает знать, тот наблюдает пламя, которое исходит и поднимается от зажженного огня или от лампы и факела: огонь никогда бы не поднимался, если бы не был воплощен в некую тленную сущность, и не соединялся бы с возду-*

¹⁴ Хорев — 27П, Исх. III, 1, перевод Хорив как показывает оригинальный текст священного Писания, увы, неточен в русском переводе этого названия Божьей горы. И автор трактата пишет верно — Horeb. — Прим. ред.

хам, из коего черпается. Но в этом восходящем пламени существуют два света: один — белый, который светит и освещает, обладая своей голубой природой; другой — красный, связанный с деревом, нагаром, что выжигает. Белый поднимается прямо вверх; внизу постоянно пребывает красный, не отделяясь от материи, указывая от чего пылать и светить другому.

Оба огня спешат затем соединиться и слиться: один — пылающий, другой — горящий; дабы обратиться в преобладающий и господствующий огонь, а именно в тот же самый белый, никогда не изменяющийся и не превращающийся, что делает другой, порой чернея, после становясь красным, желтым, цвета индиго, морской волны, лазоревым, сосредотачиваясь вверху в белом пламени, а внизу — в черноте материи, которая его обеспечивает источником горения и которую он под конец пожирает. Ибо это лазоревое, красное и желтоватое пламя стремится всегда уничтожить и разрушить то, что его питает и поддерживает: так действуют и беззакония, когда сознание, приютившее их, хочет навязать погибель и руину всему тому, что его окружает внизу, дабы самому затем угаснуть; там же, где сознанием овладевает белый свет, не наблюдается никакого исступления, и оно свободно восходит ввысь, возвращаясь в свою собственную обитель после того, как исполнило свою миссию в нижнем мире, не обретя никакого иного цвета, кроме белого. Это сравнимо с деревом, имеющим корни в земле, откуда оно доставляет свое пропитание.

Также и питанием зажженной свечи служат сало, воск или масло, которые заставляют ее гореть. Стебель, от корня берущий себе сок и вещества, является той же самой свечой: в нем огонь поддерживается привлекаемой им питательной жидкостью, а белое пламя суть ветви и отростки дерева, покрытые листьями, цветами и плодами. Они образуют его конечную завершенность и представляют белым пламенем, чем все и ограничивается. Вот почему Моисей верно сказал, что "...Господь, Бог твой есть огонь поядающий, Бог ревнитель", ибо огонь уничтожает и пожирает все находящееся ниже него, на что переносит свое воздействие. Это особо присуще египетскому тексту: ЭЛОХЕНУ, твой Бог, но не АДОНЕНУ, твой Господь, поскольку Пророк пребывал в белом возвышенном свете, который не пожирает и не пожираем.

Но израильтяне представляли собой голубой свет, пытающийся достигнуть и слиться с белым в своем законе. Ведь обычно от этого голубого света уклоняются большие в затемненный, нежели в белый, поскольку белизна, образуя собой сердцевину, способна уничтожить и разрушить то, что охватывает собой и к чему прикасается. Когда грешники покорны белому свету, он скажет АДОНЕНУ (Adonenu), наш Господь, но не ЭЛОХЕНУ (Elohenu), наш Бог, так как последний преобладает и пожирает. Голубое пламя обозначено малой и последней буквой Phe в священном Тетраграмматоне יהוה Jehova, которая сливается и соединяется с тремя первыми буквами יהו jehu, что значит

Триединый белый свет, сияющий в очень ясной простоте, который властвует над затемненным, красноватым, сине-зеленым и лазоревым светом в малой Γ he, являющейся человеческим естеством, состоящим из четырех элементов, что иногда представлены четверичной Γ daleth, четвертой буквой алфавита, обозначающей число четыре”.

Я процитировал, скажете вы, пространный фрагмент Зоги. Сознаюсь в этом вам и всякому, кто нуждается в более полном растолковании, ибо существуют великие скрытые за строками Зоги тайны, которые старается передать всем нам этот превосходный раббин в своих глубоких абстрактных и возвышенных над всем медитациях, подъяв умы в уподоблении свету к познанию духовных вещей. И это никак не выходит за рамки нашей главной темы об огне и его последствиях. Об этом белом свете и сопутствующих его явлениях говорят и другие рабины, в том числе Камбан Герундензий: *“В каббале, как на обратной стороне белого огня, засиявшего чудесами, мы познаем писание, бывшее темным и смутным огнем”*. Это огонь Святого Духа, говорят другие, пожирающий наши беззакония, отмеченные жжением алого и голубого пламени, а также пламени цвета индиго: последние и составляют странный огонь, о чем прекрасно толкует святой Амбросий в письме к Симплициану: *“Странный огонь является горением похоти, возжелания, алчности, ненависти, злобы и зависти. От сего огня человек никак не искупится и не очищается, а только весьма успешно пылает. Если кто-то желает*

предстать в Божественное присутствие, то небесный огонь пожрет сего человека, что случилось с Надабом¹⁵ и Абику¹⁶.

Но кто хочет очиститься от своего греха, должен подвергнуть себя этому странному огню, и тогда он избавится от прегрешений, о которых сказано в святом Писании: *“Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен”*. Ис. VI, 6, 7. Святой Дионисий Ареопагит *“О Небесной Иерархии”*, гл. 13. Прежде было сказано, что весь дом наполнился курением, похожим на гарь и дым от огня, которые возникают либо перед тем, как он зажигается и воспламеняется, либо перед тем, как истощается и гаснет, откуда образуется сажа, и нет ничего более унылого и слабого перед глазами, поскольку она заключает в себе неслгораемую часть продукта распада, доставлявшего огню пропитание и корм. Сие можно увидеть при перегонке сажи, когда в ней проявляется заметное число воспламеняемого масла, еще способного заставить сажу возгореться: от подобного горения произойдет дым, который опять преобразуется в сажу, как и прежде подлежащую сожжению, хотя и не в той мере.

¹⁵ Надаб — נָדָב, 3 Цар. XIV, 20, в русск. пер. Библии переведено неверно — Нават. — Прим. ред.

¹⁶ Абику — אֲבִיקוּ, Исх. VI, 23, в русск. пер. Библии переведено неверно — Авиуд. — Прим. ред.

Это остатки греха, от коего задержалось несколько запечатленных на душе пятен до тех пор, пока она последовательно и окончательно не была подвержена очистительному огню, достигнув степени полной чистоты, о чем сказано в стихе Писании: *“Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!”* Песн. IV, 7. Последнее указывает уже на белый пламень и наивысшую степень свечения. Это знают хорошо те, кто управляет огнем, ибо, когда печь начинает растапливаться, огонь поначалу темнеет, затем, набрав силы, краснеет и, наконец, белеет по мере достижения наивысшего и последнего уровня жара, где он все больше и больше упорствует в своей белизне. Таковы действия огня.

Однако тут скрыты великие таинства: чтобы показать преимущество и превосходство белого цвета над красным. Христианская вера отождествляла себя с белой водой (*“и перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу...”* Откр. IV, 6. XV), а иудейский закон — с красным, пылающим строгостью и суровостью огненным столпом, сопровождавшим ночью израэльтян в пустыне, хоть белый облачный столп сопровождал им днем. Исх. XIII. В тайной иудейской теологии красный цвет всегда обнаруживает суровость, *gheburah*; а белый — милосердие, *ghedulah*. Элиа¹⁷ был взят и восхищен на

огненной колеснице (4 Цар. II), запряженной огненными конями, но во время Преображения СПАСИТЕЛЯ одежды последнего сделались белыми как снег. Мф. XVII. В книге Откр. III избранные одеты в белое. Далее речь идет о святых мучениках за веру, каждому из которых ИСКУПИТЕЛЬ дал великолепные белые одежды. Откр. VI. Немногим ранее Ангел, коему была уготована победа и венец, сел на белого коня (в главах XIX и XX говорится о престоле Господнем, убранном в белое), но Ангел, севший на красного коня, имел большой окровавленный по рукоять кинжал, дабы истреблять им направо и налево. Хотя наиболее выразительно в святом Писании сказано так: *“Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны как пурпур, — как волну убелю”*. Ис. I, 18.

Мне могут возразить: дескать, здесь и так много вещей, которые постепенно уведат в сторону от нашей главной темы, являясь просто экстравагантными отступлениями. Разумеется, но вознамерившись преодолеть восхождение по крутому склону, необходимо, не стесняясь, оглянуться вкратце и миновать расселины и пропасти; подобно сему и мы вынуждены порой делать небольшие замечания и отступления, дабы облегчить содержание нашей темы. Разве не представляются самыми удобными для сплава реки, текущие от верховьев вниз? Дай Бог, чтобы все послужило на пользу нашей теме. Ведь красное и белое являются огнем и водой: ночным огненным столпом и дневным огненным столпом, в кото-

¹⁷ Элиа — *אֵלִיָּא*, или Элиаху, *אֵלִיָּהוּ*, имя означающее “Мой Бог — Господь”, но не Илья (*אֵלִיָּהוּ*, *кудюк*) в русском переводе Библии. Наглядный пример того, почему в Средние века просвещенные, духовные личности стремились читать и понимать Ветхий Завет на языке оригинала, опасаясь исказить смысл священного Писания. — *Прим. ред.*

ром, по слову апостола, был крещен весь народ иудейский. 1 Кор. X, 1, 2. *Ибо в этом облаке Божественная Премудрость воздвигла себе престол.* Здесь закон Моисея и закон милосердия: огонь и соль.

Зогар, говоря о двух первых скрижалях Моисея, разбитых из-за идолопоклонства иудеев золотому тельцу, описывает два столпа: один — огненный, представляющий собой естественное тепло, животворящее все вещи; другой — водяной, олицетворяющий изначальную влажность, которая поддерживает жизнь. К этому близок Апокалипсис, где сказано: “И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем...”. Откр. XV, 2. В нем изначальная влага обратилась и видоизменилась в поток благодаря всеобщему наводнению столь сильному, какового не было прежде; и оно завершится лишь в конце века финальной катастрофой.

Первый потоп проявил определенное милосердие, и род человеческий полностью не пресекся, поскольку его остатки спаслись в лице Ноя с семейством. Второй раз этого не повторится: все будет сметено суровой силой огня. Кстати, из данных двух субстанций ассирийцы и другие восточные народы поклонялись огню, ибо он представлял собой естественное тепло, а египтяне со всеми южными племенами боготворили Нил, являвшийся изначальной влагой, который впадал в море, смешанное с солью, чтобы в нем сохраниться от гниения. Вот почему так устроена всякая жидкость животного тела: кровь, пот, моча и

все остальное предстает соленым, без чего все бы в мгновение ока разрушилось.

Взгляните, какая существенная разница между нашими святыми писаниями, чуткими к сокровенным таинствам, и суетной мудростью ослепленного язычества, кружащей на поверхности, способной постигать, только идя вслед за ложным и сомнительным смыслом, не вступающей в отношения с божественными вещами, где все должно утверждаться в духовности. Сия мудрость подобна страусу, который старательно машет крыльями и будто то желает взмыть в небеса, но его ноги никак не отрываются от земли.

Финикийская теология признавала лишь один элемент — огонь, являвшийся началом и концом всего, производителем и разрушителем всяких вещей. Это весьма близко к тому, что СХVIII псалом называет *ignitum verbum*¹⁸, благодаря которому были созданы века. Гераклит одинаково полагал огонь за первооснову, все преобразовавшую, из которой взята активная сила всех вещей, высших и низших, небесных и земных. Ибо теплое и холодное, влажное и сухое не являлись сущностями, но свойствами и акциденциями, из которых натурфилософы создали четыре элемента там, где лишь одна истина; и по причине того, что она принимает сообразные качественные свойства, даются ей и различные наименова-

¹⁸ Ignitum verbum — огненным глаголом. См. “Евреям Письмо Святого Апостола Павла”, глава 1, стих 7: “Об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь”. — Прим. пер.

ния: если тепла, то ее называют воздухом; влажности — водой; сухости — землей. Хотя все три свойства представляют собой только огонь, скрывающийся под разными обличьями. Как огонь распространяется повсюду, так и все вещи стремятся к нему как к центру; его по праву можно называть бесконечностью и безграничной энергией Природы, или, скорее, животворящим, поскольку без него ничего невозможно ни понять, ни объять взором, ни постичь сверху донизу.

Огонь, который освещает, является небесным огнем; который жарит и варит — воздушным; а горящий — земным. Последний не может существовать без грубой земной материи, полностью растворяемой в нем, когда горящие вещи превращаются в пепел, в котором, после изъятия соли, остается лишь чистая земля. Соль есть потенциальный огонь, то есть земная вода, перемешанная с огнем, откуда образуются все виды минералов, обладающих водным естеством. Можно провести эксперимент с разделяющей водой, полностью составленной из минеральных солей и квасцов, а также селитры, которые вспыхивают от огня, производимого теплыми и сухими выделениями, легко воспламеняющимися и возбуждаемыми дуновением воздуха. Кремень выделяет огонь при помощи железа, дерева, рассеченных костей, а одинаково и костей льва, сообщает Плиний. Отсюда можно заключить, что все обладает огнем в потенции.

Неслучайно поэтому Пифагор вслед за Моисеем заставлял не говорить о боге и о божес-

твенных вещах, если нет огня, ибо из всех чувственных вещей наиболее соотносимых с божеством, чтобы символизировать его, есть только огонь. Обращаясь к Александру, Аристотель писал, чтобы тот обучился у брахманов, обладавших пятым элементом или сущностью, представляющей собой огонь, где пребывает божество, ведь данный огонь наиболее благородный и чистый из всех элементов: он, согласно Зороастру, очищает все вещи (*Флавий Филострат в "Жизни Аполлония Тианского", кн. 3, гл. II*). Плутарх указывает, что этот огонь есть дух некоего умозрительного огня, который не имеет формы, но преобразует собой все, к чему он привязывается, и сам преобразуется во всем, как делал египетский гений Протей:

*"Omnia transformat sese in miracula rerum"*¹⁹
(4 из *"Теогик"*).

И от сего огня, согласно Зороастру, произошли все вещи. Это свет, который обитает, по словам Порфирия, в эфирном огне, поскольку тот элементарно рассеян повсюду. Но точнее о нем выражается святой Дионисий Ареопагит в XV главе своей книги *"О небесной иерархии"*: *"Огненность являет, как я думаю, высшую степень богообразности небесных умов. И священные богословы часто ведь описывают сверхъестественную и невообразимую сущность в виде"*

¹⁹ Стал превращаться опять в различные дивные вещи. *"Теогик", IV кн., ст. 441. Пер. С. Шервинского. — Прим. пер.*

огня, как имеющего многое, с позволения сказать, свойственное Богоначалию словно в зримых образах.

Воспринимаемый чувствами огонь присутствует ведь, так сказать, во всем и сквозь все проходит, не смешиваясь, от всего обособленным; и, будучи ярким, при этом он и как бы сокровенен; непознаваемый сам по себе, если нет вещества, на котором он бы показал свое действие, неуловимый и невидимый, он самодержец всего; и то, в чем он оказывается для своей деятельности, он изменяет; он передает себя всем как-либо к нему приближающимся; он возобновляется от жара искорки и все освещает проявляемыми сияниями; неодолимый, беспримесный, разделяющий, неизменный, устремленный ввысь, быстро бегущий, высокий, не терпящий никакого снижения под ноги, вечно движущийся, одинаково движущийся, двигатель других, объемлющий, необъемлемый, не имеющий нужды в ином, незаметно возрастающий и показывающий воспринимающим его веществам свое величие, предприимчивый, могущественный, всему невидимо присущий, оставаемый без внимания, кажущийся несуществующим; при трении, как бы вследствие некоего изыскания, внезапно по-родственному, дружески являющийся и вновь недостижимо отлетающий; не уменьшающийся при всех щедрых себя раздаяниях. И еще многие свойства огню особенности можно раскрыть как доступные чувствам образы энергии Богоначалия. Именно это зная, богомудры создают образы небесных существ из огня, —

показывая их боговидность и, в меру возможного, богоподражательность”²⁰.

Дионисий Ареопагит вместе с другими прекрасными исследованиями об универсальном огне наставляют нас в познании божественного огня. Ибо материальный огонь является как бы его облачением и покровом, а соль, в свою очередь, есть покров материального огня, который в нее сгущается, примиряясь с водой, своим врагом, подобно тому как земля, смешанная с селитрой, будучи прямой противоположностью воздуха, примиряется с ним посредством воды, находящейся между двумя стихиями, ведь, возгораясь, селитра присутствует как в естестве серы и огня, так и в растворяемой в воде соли. Геберговорит: *“proprium enim, salium et aluminum est in aqua solui, cum ab illa oriantur”*²¹. Но об этом поговорим позже и в своем месте.

Чтобы подняться от вещей чувственных к познаваемым, немаловажно поразмыслить об этих покровах и облачениях, ибо они охватывают друг друга наподобие энциклии или лунного покрывала. Зогар делает вышеназванные облачения двойными: когда одна часть облачения поднимается ввысь, то освобождается от другой (*deponire veterem, et induite novum*), поскольку всякая духовная вещь, нисходя, производит определенное облачение (Еф. IV; *Vos sedete in Hierusalem, quod usque induamini virtute*

²⁰ Дионисий Ареопагит. Сочинения. Издательство “Алетейя”. СПб, 2002. “О небесной иерархии”, глава 15, С. 183-187. — Прим. пер.

²¹ Собственно соль и квасцы пребывают в одной воде и от нее побуждаются. — Прим. пер.

ex alto, или “... вы же оставайтесь в городе Иерусалеме, доколе не облечетесь силою свыше”. Лк. XXIV, 49). И в этом случае тело охватывает и облачает дух, дух — душу, душа — интеллект, интеллект — храм, храм — престол, и престол — *Шехину*, или славу и присутствие Божие, изливающее свет на дарохранительницу. Нисходя, эта слава имеет своим средоточием престол и Ковчег Завета, который пребывает внутри дарохранительницы или интеллекта; дарохранительница находится в храме, который представляет собой наша душа (*templum Dei estis vos*), а храм — в Иерусалеме, являющемся нашим жизненным духом.

Иерусалем расположен в Палестине, то есть в нашем теле, и Палестина лежит посреди земли, из которой составлена наша плоть.

Поскольку Бог, будучи чистым Духом, лишен всякой телесности и материальности (с тем большим основанием наша душа должна являться сотворенной по его образу и подобию), то в этой простой абсолютной нагоде он способен понять и постичь все свои творения только посредством определенных качеств, обретаемых им и представляющих собой облачения, которые каббалисты разделяют на десять сефирот или счислений: три в интеллигибельном мире и семь в небесном, протекающих и завершающихся Луной или Малкут, последней из нисходящих сефирот и первой восходящей ввысь от элементарного мира, откуда начинается путь в небеса. Вот почему пифагорейцы называли Луну небесной землей, а небо земным светилом, ибо всякое естество в

элементарном мире соответствует небесному, а небесное умозрительному.

Об этом же говорит Зогар, считая небесное начало женским и подчиненным, как и Луну по отношению к Солнцу: насколько Луна удаляется от Солнца, вплоть до противостояния с ним, настолько ее свет уменьшается в своей верхней части для нашего взора. Когда же, наоборот, она идет навстречу Солнцу, ее верхняя часть полностью освещена, что показывает нам следующее: сколь более наш рассудок нисходит к чувственным вещам, столь более удаляется он от вещей интеллигибельных, и наоборот. Это и стало причиной того, что Адам, помещенный в земной рай для созерцания божественных вещей, когда уклонился в чувственное и преходящее, возжелав вкусить плод с древа познания добра и зла, расстался с вечной жизнью, будучи подвержен смерти и изгнан из рая. В связи с этим Зогар полагает, что оба облачения приходят к нам в эту преходящую жизнь с неба. Одно — формирующее, белое, блистающее, мужское, отеческое и активное, ибо все действительное содержит основание формы от мужа и отца; оно идет к нам от огня и ясности звезд, чтобы собой освещать наш разум. Другое — красное, материнское, женское предназначено для души и нисходит от небесной субстанции, более разреженной, нежели небесные тела. Облачение разума находится в мозгу, а души — в сердце.

Интеллект или разум является частью мыслящей души, сотворенной и сформированной по образу своего Творца; сама по себе душа

есть *нефеш*²² (*nephesch*) — дыхание, растворенное в крови. И поскольку небо вмещает звезды, постольку она вмещает в себя интеллект, что обще у нас с дикими животными, но интеллект или мыслящая душа свойственна и присуща лишь людям; она способна обрести достоинство либо пасть, так как нуждается в очищении и удалении от пороков, которые привлекает и воспринимает благодаря облакающему ее телу, следуя Писанию: “... *помышление сердца человеческого — зло от юности его...*” Быт. VIII, 21. Когда же встает вопрос об очищении этого облачения, состоящего из огненного естества, то нужно дабы оно совершалось также посредством огня, ведь из опыта мы знаем, что один огонь изгоняет другой, о чем уже говорилось выше: итак, если что-то опалается, значит нет более удобного приема, как поджечь то же самое место, усилив насколько возможно жар огня, который обнаруживает в себе неистовое воспламенение, быстрее погружаясь в спирт (живую воду, “*eau de vie*”), обладающий растворенным кальцинированным купоросом, из-за которого хирурги не сумели найти совершенного лекарства, избавляющего от огнестрельных ранений (ст. фр. идиомы *le feu des haquebuzades*), предохраняя их от истиомены, гангрены и всего того, что творят два слившихся вкупе огня.

Но огонь, обязанный в течение жизни очищать наши души, является огнем, о коем гово-

²² נֶפֶשׁ — дыхание. Это слово также означает нечто, делающее живым тело или как в книге Быт. I, 20: *живая душа* (נִפְשׁוֹת חַיִּים). — Прим. ред.

рит святой Августин в проповеди “*de verbis Apostoli*”²³, пусть в ней потом идет речь и об ином огне: “*Зажгите в себе искру доброй и милосердной возвышенной любви, вдыхайте ее и выдыхайте ею, ибо, когда она возрастет в большое пламя, то истребит в вас сухую траву, древесину и солому всех ваших телесных вожделений. Вещество, от которого этот огонь должен возгораться, суть молитвы и добродетели: ими он всегда должен пылать на вашем алтаре. Это огонь, о котором сказал СПАСИТЕЛЬ: ОГОНЬ ПРИШЕЛ Я НИЗВЕСТИ НА ЗЕМЛЮ, И КАК ЖЕЛАЛ БЫ, ЧТОБЫ ОН УЖЕ ВОЗГОРЕЛСЯ!*” Лк. XII, 49. Впрочем, есть два огня: один скверный, исходящий от телесного вожделения; другой — благой, являющийся милосердием, истребляющим все зло и оставляющим только добро, которое он поднимает ввысь в фимиаме благовония. Ведь сердце каждого человека представляет собой как бы алтарь Бога или его недруга. И огонь, разожженный от пламени милосердия постоянно должен умножаться в добродетелях, дабы он насыщался в себе жаром, который наш СПАСИТЕЛЬ соблаговолил бы в нем возжечь; дабы посредством этого исполнилось бы сказанное апостолом: “*Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющей*

²³ “Об апостольской проповеди”. — Прим. пер.

пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна". Еф. V, 25-27.

Итак, если Церковь в общем и главном обращена к Богу, то сознание каждого из нас обращено к нему в частном, и когда оно искренне и надлежащим образом к тому уготовано, тогда его фундамент возводится из золота, серебра и драгоценных камней, основываясь на крепкой вере, знании и исповедании в сопровождении добродетелей, без которых вера мертва и заживо погребена. Здесь все по подобию и под покровительством Небесного Иерусалема, описанного в XXI главе Апокалипсиса и являющегося одинаково образом Церкви и мыслящей души, где нужно всегда сохранять огонь на алтаре, и тогда, повиная примеру благоразумных дев (Мф. XXV), мы будем иметь наш светильник наготове, хорошо разожженным и снабженным всем надлежащим для поддержания света в ожидании Жениха, следуя наставлению СПАСИТЕЛЯ. Лк. XII.

Впрочем, Зогар делает это очищение души двойным, что не слишком удаляется от нашей веры. Одно очищение, когда душа еще находится в теле, оно называется, сообразуясь с мистическим толкованием, совпадением Луны с Солнцем. Так как для нашего взгляда снизу Луна никак не освещена, ибо, когда душа соединена с телом, она весьма мало пользуется своим светом, заслоненным плотью, как если бы она была заточена в некоторый мрачный и темный затвор. И заключается это очищение в раскаянии за свои преступления, их искуплении и обращении к лучшей жизни в постах, милосердии, молитвах и прочих подобных покаяниях, творящихся в сем

мире. Другое очищение происходит после отделения души от тела, когда душа подвергается очистительному огню, существование коего никогда не ставили под сомнение ни иудеи, ни магометане, ни язычники.

*Даже тогда, когда жизнь их
в последний час покидает,
Им не дано до конца от зла,
от скверны телесной
Освободиться: ведь то, что глубоко
в них вкоренилось,
С ними прочно срослось — не остаться
надолго не может.
Кару нести потому и должны они все —
чтобы мукой
Прошлого зло искупить. Одни, овеваемы
ветрам,
Будут висеть в пустоте, у других пятно
преступленья
Выжжено будет огнем или смыто в пучине
бездонной*²⁴.

Здесь отмечено три очистительных элемента — воздух, вода и огонь. Но не надо думать, говорит святой Августин в 3-й проповеди об усопших, что этим преходящим огнем могут быть очищены преступления и смертельные пороки, главные прегрешения, если в них не совершалось покаяния в течение земной жизни, чтобы уготовать искупление на другом плане, где остаток их предается огню. Убийства, прелюбодеяния, ложные свидетель-

²⁴ Публий Вергилий Марон. "Энеида", книга шестая, стих. 735-743; перевод С. Ошерова. М.: Издательство "Художественная литература", 1971. — Прим. пер.

ства, взяточничество, насилие, грабежи, беззакония, неверность, ложное упрямство и другие подобные преступления, прямо противоречащие божественным повелениям и заповедям, а вместе с ними набор проступков, называющихся простительными грехами и включающих в себя: обжорство, чрезмерное питье, суесловие, дурные желания, не возымевшие последствия порочные вождения, не оказание милосердия, к чему нас призывают любовь и сострадание; а равно другие слабости, за которые мы не приносим покаяния в сем мире, будут очень сурово очищены огнем в мире ином.

Между прочим, евреи различают три вида грехов. *Хатаот* (חַטּוֹת, *Chataoth*) суть те из них, что мы совершаем против самих себя, не причиняя больше вреда никому: это чревоугодие, похотливость, лень, праздность, гневливость и досада. *Авонот* (אֲוֹנוֹת, *Auonoth*) — грехи, совершаемые нами по отношению к нашему ближнему; они не стираемы и прощаются только посредством своего исправления. И *Першаим* (פְּשָׁעִים, *Perschaim*) — отступления, нарушения долга и нечестия, обращенные прямо к Богу. О них упоминается в Писании: *“сохраняющий (правду и являющий) милость в тысячи родов, прощающий вину и преступление и грех, но не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода”*. Исх. XXXIV, 7. И более того также сказано: *“Pecravimus, inique fecimus, impie egimus”*, или *“Согрешили мы с отцами нашими, совершили*

беззаконие, соделали неправду”. Пс. CV, 6. И в далее написано: *“Chatana, veauinu, vebirsanna”*. Дан. IX.

Есть грехи, говорит Зогар, запечатленные в вышине, другие — внизу, а третьи как в вышине, так и внизу. Первые — это грехи против Бога, вторые — против нашего ближнего, а третьи — против себя самих, поскольку наше тело и богатство, как тело и богатства и нашего ближнего, обозначают низ, тогда как душа характеризует вершину, сотворенную по образу и подобию Божию (Иисус Христос после своего Воскресения распространяет дыхание на Своих учеников: *“Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся”*. Ин. XX, 22, 23. *“Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе”*. Мф. XVIII, 18.

Но возвращаясь к облачениям, следует сказать еще о том, что высшее всегда одето внутренним; мир интеллигибельный — миром небесным, являющимся как бы его отражением; и мир небесный элементарным миром. Но может показаться все наоборот благодаря замещающей фигуре, используемой в Пс. XVIII, 5, где говорится, что *Бог поставил свою дарохранительницу Солнцу*²⁵, то есть Он вложил Солнце в свою дарохранительницу, являющую-

²⁵ В русском переводе: *“Он поставил в них жилище солнцу.”* Пс. XVIII, 5. — Прим. пер.

ся небом. Ибо Бог не пребывает в мире, а скорее мир пребывает в Боге, объемлющем весь мир: *In ipso enim vivimus, movemur, et sumus*. И поскольку интеллигибельный мир должен быть облачен в небесный, а небесный в элементарный, это доказывает, что мы можем успешно постичь столь удаленное от нас Небо, предавшись познанию своих чувств здесь внизу, то есть не в обособленных мыслях, а через ощущаемые вещи. *"Non est in intellectu quia prius fueris in sensis"*²⁶, говорит философ, а апостол скажет: *"Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны"*. Рим. I, 20. Это целиком соответствует Зогару. *"Тебе, — сообщает он в молитве Элии, обратившегося к Богу, — нет никакого подобия, ни любого внутреннего и внешнего образа; однако ты сотворил Небеса и землю, произвел из них Солнце, Луну, звезды и знаки зодиака; на земле насадил деревья и травы, а посреди нее сад наслаждений со зверями, птицами и рыбами и, наконец, людьми, дабы оттуда могли познаваться высшие вещи, и от высших низшие, а вместе с ними и исток, коим одни и другие управляемы"*.

Плутарх в трактате об Осирисе повествует, что в египетском городе Саисе в храме Минервы, рожденной из головы Юпитера и представляющей собой Премудрость Отца, находилась следующая надпись: *"εὔη ἐπὶ πάντο"*

²⁶ "Ничего нет в сознании, чего не было раньше в ощущении". Принцип Аристотеля. — Прим. пер.

γεῦσας, καὶ οὐκ, καὶ ἐσθιόντων, καὶ τὸν ἐμπούτετον οὐδεὶς πα γυνὸς ἀπεκαλύψον", или *"Я есть все что было, все, что есть и все что будет; до сих пор ни один из смертных не должен снимать мой покров"*. Ибо божество настолько укрыто мраком, что его невозможно увидеть в течение дня:

"αὐτὸν ἧ'οὐ'χ' ὁρω, θεὶ οὐδ' ἐφ' ἡμέτερον"

"Я не вижу его, ведь оно заслонило от меня слишком плотным облаком", говорит Орфей и ему вторит Писание: *"Qui posuit tenebras latibulum suum"*, или *"И мрак сделал покровом Своим, сению вокруг себя мрак вод, облаков воздушных"*. Пс. XVII, 12. Более того, в Писании сказано: *"Вы приблизились и стали под горою, а гора горела огнем до самых небес, и была тьма, облако и мрак"*. Втор. IV, 11. Потому как во взгляде на нас Господа свет и тьма являются одной и той же вещью: *"sicut tenebrae eius, ita et lumen eius"* (Скажу ли: *"может быть, тьма скроет меня, и свет вокруг меня сделается ночью"*). Пс. CXXXVIII, 11). Далее в Писании сказано: *Pone quasi noctem umbram tuam in meridie* (*"осени нас среди полудня, как ночью, тенью твоею, укрой изгнанных, не выдай скитающихся"*). Ис. XVI, 3). И все же через утверждение и отрицание, равноценное тьме, мы можем лучше уразуметь нечто в божественной Сущности, хотя самое утверждение здесь блестяще оспаривает рабби Мозес Египтянин в 57-й главе первой книги своего *Морея* (More). Ибо божественный свет невыносим для любых даже наиболее совершенных существ, как о том говорит апостол: *"единый имеющий бессмертие, Который оби-*

тает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь". 1 Тим. VI, 16. Вот почему свет сей предстает пред нами в темном виде, наподобие того как и сияние Солнца для летучих мышей, сов и иных ночных птиц, у которых сумрак является покровом и определенной гранью, оградой от света.

Представьте себе какой-нибудь прожектор, поставленный на вершину горы, вокруг которого, как от центра окружности, будет равномерно распространяться свечение до своих возможных пределов; иссякнув, в конце концов, его охватит мрак, ибо сама по себе темнота является только отсутствием и недостатком света. Всякий внешний, плотский, душевный человек есть оболочка, то есть потемнение человека внутреннего духовного, наподобие фонаря, сработанного из дерева, камня или из всякой другой непроницаемой материи, которая объемлет заключенный в себе свет, и он уже не может распространяться снаружи. Фонарь символизирует тело; сосредоточенный внутри него свет — душу. Но если тело утончено эфирным естеством, как если бы фонарь состоял из чистого хрусталя или прозрачной кости, то благодаря свойствам души свет от него вовне раскрывается беспрепятственно.

Поскольку внутренний человек связан с огнем, относящимся к душе, а внешний с солью, представляющей тело, постольку жертва или душевный человек является облачением духовного человека и огня, а облачением огня будет

соль, в которой огонь сосредоточен в потенции, потому что соль складывается из огненного естества, как бы рождаясь от него: *"Ex omni enim re combusta fit sal"*²⁷, говорит Гебер. Следовательно, принимая участие своими качествами, заключающимися в очищении, осушении, приостановлении распада и обжигании — их можно обнаружить во всех просоленных вещах, которые словно наполовину обожжены — все сохраняется намного дольше, будучи сырым; а всевозможные воспламеняющиеся снадобья представляют не что иное, как соль.

Дозволено ли нам здесь привести один фрагмент Разеса из книги о тайне Тройственности? Это незаурядное число, на чем мы настаиваем по причине трех огней и трех солей, которые намерены исследовать. Кроме того, в числе три присутствует определенная тайна, и о ней нельзя забывать, ибо она заключена в действии, исполнителем коего является огонь. Ведь 1, 2, 3 в сложении образуют шесть. За шесть дней Господь, творя мир, завершил все свои труды, а на седьмой день Он отдыхал. *"Существует, — говорит Разес, — три природы; и первая из них может познаваться и постигаться только в возвышенной медитации. Это всемилостивый и всемогущий Бог, творец и первопричина всех вещей. Другая природа — вполне видимая и ощущаемая, хотя бывает и наоборот — небо в своей разреженности. Третья — элементарный мир, заключающий в*

²⁷ Все вещи горючими делает соль. — Прим. пер.

себе все, что находится ниже эфирного пространства, а также воспринимается и познается нашими чувствами. Впрочем, Бог, существующий прежде всякой вечности, у которой перед сотворением мира было только ее собственное имя, известное одному Ему и Его Премудрости, создал в первую очередь воду, и в ней поместил землю: на ней должно было произойти все, чему предназначалось свершиться здесь внизу.

И оба этих грубых и плотных элемента, восприимчивых нашим чувствам, располагают двумя иными более тонкими и разреженными — воздухом и огнем. Составляя собой четыре тела, если телами и можно их называть, они соединены между собой такой смесью, из которой их невозможно выделить в чистом виде. Два элемента — земля и огонь — являясь сухими и крепкими, предстают устойчивыми; два других — вода и воздух — летучими, поскольку суть влажные и текущие. Следовательно, каждый элемент сопрягается со вторым, которым он ограничен и связан, посредством чего содержит в себе оба: один — распадающийся; другой — нерушимый, участвующий в божественном естестве. Так, есть два вида воды: одна — чистая, простая и элементарная; другая — обыкновенная, которую мы пользуемся из озер, колодцев, источников и рек, после обильных дождей и других климатических явлений.

То же самое обстоит и с землей: есть грубая, дикая и смрадная земля, а есть девственная кристаллическая, ясная и светящаяся,

содержащаяся и заключенная в средоточии всех элементарных соединений, где она пребывает одетой и покрытой несколькими оболочками. И до нее можно добраться только путем постепенной их огненной сепарации. Одинаково существует огонь, который будто бы поддерживает самого себя: в столь малом питании он нуждается и посему бывает более ясным и светлым; и другой — темный, чадающий, пылающий и истребляющий все, к чему привязывается, а под конец и самого себя. Один воздух чистый и свободный от примеси; другой — с легкостью разрушающий все, поскольку любые элементы быстро распадаются при соприкосновении с ним. Причиной их разложения являются противостоящие и несовместные друг другу субстанции, перемешанные с элементарными телами.

Вот почему необходимо, чтобы чистое и нетленное было бы отделено от своего противостоящего качества — нечистого и тленного. А это возможно лишь посредством отделяющего и очищающего огня. Но три текущих элемента — вода, воздух и огонь — неотделимы один от другого, ибо если бы воздух отделился от воды, огонь, который имеет в нем свою основную поддержку и пропитание, внезапно бы угас; и если бы вода отделилась от воздуха, то все воспламенилось бы. Как если бы воздух все увлекал из воды настолько, что благодаря своей легкости не мог бы ее удерживать, то все потонуло бы. Равным образом, если бы огонь отделился от воды, то наступил бы потоп. Однако эти три элемента могут хоро-

шо отделяться от земли, все же доставляя ей часть для придания крепости телу, делая его осязаемым посредством весьма неуловимой и легкой своей доли, каковой они облекаются друга в друга вне пребывающей внизу грязи. Это мы можем явно увидеть на примере стекла, которое при искусной обработке огнем очищается от помутнения, приобретенного из-за шлака, дабы достичь прозрачной ясности естества, состоящего из устойчивой и неразстворяющейся соли, сопровождаемой твердым и сильным уплотнением, не обладающей ни испариной, ни порами”.

Но почему бы нам не прибегнуть здесь к прекрасным рассуждениям Зогара, когда в нем все подчинено одному и тому же предмету толкования? Ибо сказано: *“И создал Господь Бог человека из праха земного...”* Быт. II, 7. Или по-еврейски: *вылепил Господь Бог Адама из праха земного*. Слово “вылеплять” относится в прямом смысле к гончарам, которые формуют глину столь хорошо, сколь им это представляется. Итак, говорит Зогар, рассмотри три вещи и ты не впадешь в отступление. Познай, что ты вышел из дикого и соленого вещества, куда ты и должен под конец вернуться (то есть в прах и гниение) прежде чем дашь отчет и оправдаешься в своих делах и поступках перед высочайшим Судьей, который не оставляет безнаказанным ни одного злодеяния и вознаградит ни одной добродетели. Следовательно, Адам со всем своим потомством был сотворен из праха земного, увлажненного источником или водными парами, поднимавшимися вверх от лучей

Солнца, дабы орошать землю и растворять ее. Ибо земля сама по себе оставалась бы сухой и холодной, скудной и бесплодной, если бы на ней не отразилось воздействие влаги и тепла, от коих происходит всякое плодородие. Подобно тому и Адам создавался из смешанных земли и воды, и эти элементы определили двоичную суть в нем и двоичное творение: одно телесное — для мира сего, второе душевное — для мира иного.

Вода означает небесную медитацию, куда может мыслью воспарить наш дух, а неподвижная земля самое себя, не способную из-за своей крайней сухости оторваться от поверхности, если раньше добровольно не смешается с тремя летучими элементами. Земля только усиливает действие огня, делая его более строптивым и непокорным в смысле жесткого и мятежного противоречия между телом и духом, когда земля извергла воду, сварившуюся внутри нее. Этого не могло бы произойти при текучей влажности воздуха, вторгшегося сюда, пронизывающего собой воду в ее наиболее удаленных частях. И воздух сей, запечатленный в воде, противостоит земле, облекая ее самым собой и заключая в себя, как если бы он пытался овладеть узником и через то неким пространством, будто мужчина женщиной, ведь всякая высшая вещь занимает мужское место в иерархии и степени по отношению к низестоящей и подвластной себе вещи.

Но если объемлющий и соединяющий влажное и теплое воздух отсутствует, став, замещенным и изгнанным, то земля в своей

крайней сухости и холодности старается всей силой извергнуть воду, придя к первоначальной сухости, которую можно узреть на примере песка, не вбирающего воду, сколь она не пыталась бы в него проникнуть. Вот почему земля всегда упряма и склонна к своему ослаблению как посредством воды, так воздуха и огня. Подобным образом и Адама благодаря сформировавшей его земле одолел дух противоречия и непослушания, когда он и его подруга по наущению змея, наиболее земного из всех существ, столь легко нарушили заповеданный им запрет не пробовать плода с дерева познания добра и зла. В наказание за это было сказано змею: *“... ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей”*. Быт. III, 14. Чему подводит итог Писание: *“Pulvis panis tuus”*, или *“... а для змея прах будет пищею...”* Ис. LXV, 25. Для Адама же теперь земля производила лишь тернии, волчцы и колючки, и он должен был возделывать ее в поте лица своего до тех пор, пока бы сам не возвратился туда, откуда был взят, ведь являясь прахом, ему предназначалось возвратиться в прах.

Но вода, обозначающая божественное умозрение, желая смешаться и соединиться со всеми вещами, которым дает начало, возвращая и умножая их, представляет собой проводника или облачение духа, ибо сказано об источке творения, что Дух Божий витал над водами, поскольку еврейское слово *марашефет* (*marashephet*) есть врата, реющие над водами, поддерживающие и животворящие их, подобно тому как курица высиживает цыплят своим

естественным теплом. Вот почему слово *Элохим* — для меня неизвестно как — имеет значение тепла и огненности. Благодаря воде дух был способен прислушаться к гласу интеллекта, вкравшегося в Адама, и благодаря земле стать в нем строптивым и уверенным, вознамерившимся снести основание.

Но поскольку земля была самым презренным элементом из всех других, вода ею пренебрегает, извергая ее и не опускаясь до нее, как в случае с осадком и испражнениями, если чистый и свободный дух находится в воде и там его обиталище. Ибо из трех веществ земли вода наименее всего соединима с двумя другими, а именно с песком из-за его крайней сухости, обеспечивающей сыпучесть частиц, и глиной, чтобы стать укрощенной и маслянистой. И только с одним илом у нее возможно определенное смешение и образование пасты, когда вода, по-прежнему пребывая внизу, наводняет его и являет собой соединение противоположных веществ: одного — неподвижного, плотного и сжатого; другого — текучего,двигающегося, струящегося будто кровь по венам, в которой пребывают души, способные легко подниматься, чтобы обретать огненное качество, всегда стремящееся к противоположному. Так как вода, знаменующая собой внутренний дух, старается избавиться от внешней коагуляции (всякая коагуляция есть вид смерти, а разжижение — жизнь), и ей не хочется больше ни с чем сочетаться по причине своего происхождения. И только лишь державный владыка и Господь *Адонам*, мысленно распространяя вещи — ведь

ему понравилось поддерживать собственным существом прекрасное произведение рук своих — скрепляет обе стихии, землю и воду, согласуя непременно их посредством своего Ангела и правителя, господствующего в воздухе.

Человек, впрочем, полновластно обладает свободной волей: “... и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою”. Быт. III, 16. Иными словами, если воля принадлежит земле, или плотским устремлениям и вожделениям, к чему больше склоняется, то она станет творить только зло. Быт. VIII. Если же духу, отмеченному водой, то ее деяние принесет добрый плод: *Flumen Dei replem est aquis* (“... поток Божий полон воды...” Пс. LXIV, 10). И у пророка сказано: “ибо Я изолью воды на жаждущих и потоки на иссохшее; излию дух Мой на племя твое и благословение мое на потомков твоих”. Ис. LXIV, 3. До тех пор пока вода нисходит и пребывает воедино с землей, дух добрый остается с человеком, о чем нас предупреждает мудрец в изречении 5: *пить воду из нашей меры, и ручьи, текущие из нашего источника*.

Но когда земля своей мятежной и противящейся сухостью извергает воду, она становится лишь вместилищем жесткого и строптивого упрямства до тех пор, пока благодаря воздуху, соединяющий и сливающий их воедино дух, не сделает ее снова размягченной и растворимой. Вот почему и мы обладаем добрым духом спасительной воды, о коем сказано: *Aqua salutaris potabit illum*, или “... и водою мудрости напоит его”. Прем. XV, 3. Нам необходимо остерегаться обезвоживания, творя всякую

землю сухой и песчаной, *quiae non satiatur aqua* — ненасыщаемой водой, и ничего лишнего не предпринимать для сего.

Но каждый из нас скорее прибегнет к Евангелию, в котором наш Спаситель, являющийся неиссякаемым источником, посредством живой плодоносной воды низводит в наши сердца Духа Святого, растворяющего жестоковейность нашей земли, орошающего и поливающего ее, дабы произвести в нас зрелые плоды добродетели и милосердия (“... но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную”. Ин. IV, 14). На ту же воду явно указывали пророки, а равно и Давид: “*Quoniam apud te est fons vitae; et in lumine tuo videbimus lumen*”, или “ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет”. Пс. XXXV, 10. Обратите внимание на то, как соединяется вода со светом, представляющим огонь, пусть даже это отступление и покажется несколько дерзновенным. Итак, в святом Писании сказано: “И в радости будете почерпнуть воду из источников спасения”. Ис. XII, 3. Более того, далее сказано: “Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды”. Иер. II, 13.

Читая Зогар, понимаешь не только главные таинства и действия огня, но даже его пассивной противоположности — воды. “*Nam actus activorum in patientis sunt dispositione*”²⁸, гово-

²⁸ Ибо подлинные деяния пребывают в состоянии покоя. — Прим. пер.

рит Философ, ибо следствия не могут лучше распознаваться, чем когда они действуют. Впрочем, огонь имеет три свойства, но сейчас стоит обратиться к вещи более возвышенной.

Итак, все сущее было разделено на три мира или неба (нет ничего странного, когда мы неоднократно повторяем о вещах, от коих зависит все тайноведение). Нижний мир подвержен постоянному изменению и превращениям жизни и смерти; выше него — небесный, расположенный над лунным кругом, неразрушимый как в своей самости, чистоте, единообразии сущности, так и в собственной протяженности и равномерном движении, в котором ничто друг друга не превосходит. Оба эти мира образуют собой ощущаемое пространство. За его пределами простирается познаваемый мир, чуждый всякой телесности и материальности, названный апостолом третьим небом, куда он был восхищен в теле или без него, о чем знает один Бог, ибо не только мир и небо основаны друг ради друга, но и небо восставлено для человека: *“Caeli enarrant gloriam Dei”*, или *“Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа, Бога нашего, хвалимся”*. Пс. XIX, 8.

О чем толкуют и Отцы Церкви — человек одинаково создан и для неба — и излагает Ориген в XXV главе “Толкования на “Евангелие от Матфея””: *“Сердце человеческое духовно называется небом и престолом даже не славы Божией, каковой является храм, но самого Бога. Ведь храм славы Божией есть вместительница, в котором как в зеркале лицезреем тайну,*

но небо с престолом, которые выше этого Божия храма, находятся повсюду, где воочию видишь Бога”. Это почти слово в слово передает “Книга Бахир” в Зогаре и другие древние каббалисты, из которых он в основном и состоит. Более того, иногда небеса положены для самого Бога, о чем сказано в Писании (*“Audite caeli quae loquor”* — *“Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих”*. Втор. XXXII и 3 Цар. VIII), а исходя из еврейского предания, в молитве Саломона, на храмовой надписи: *“Exaudi o caelum”*²⁹.

В этом третьем небе или мире, о котором говорит апостол, хоть Бог и пребывает повсюду, но именно здесь, а не в ином месте, находится специально установленный престол его божества с отдельными ангелами, исполняющими Его повеления. *“Благословляйте Господа все Ангелы, сильные в добродетели, вершащие сказанное им, слушающие глас его слов”*. Вот почему теологи именуют его Ангельским миром вне времени и места.

И Платон в своем “Федре” говорит, что, не имея смертного человека, сей мир был весьма сходен с его превосходством и достоинством, происходит от света, распространяясь и изливаясь из него, как из одного неиссякаемого источника на все виды творений. Это соответствует изложенному о свете в древней финикийской теологии и отсылает к “Молитве Солнцу” императора Юлиана Отступника: *“Что свет телесный истекает от бесте-*

²⁹ Внемлите небесам! — Прим. пер.

лесного естества". Небесный мир состоит из тьмы и света, от коих он обретает все свои качества и доставляемые ими добродетели. Элементарный мир произошел из тьмы, обозначенной по причине своей нестабильности водой. Познаваемый мир — из огня, благодаря его чистоте и свету, и небесный — из воздуха, где соединены огонь и вода. Земля в данном контексте остается для преисподней, ибо поистине земная обитель является подлинным адом.

Но Мозес чрез небо объял умозрительный мир и чрез землю чувственный, отнеся воздух и огонь, два наиболее возвышенных элемента, к небу, ведь они устремляются всегда вверх; а к земле — воду и собственно землю, которые из-за своей тяжести падают вниз.

Но все это было им скрыто, как свидетельствует Зогар, в восхитительном творении Ковчега Завета — и не имелось ничего более духовного — в котором образующие его золото, серебро и драгоценные камни представляли собой чувственный мир, а *Бецалель* (בְּצַלְאֵל, Bezalel, Исх. XXXI, 1-6), руководивший работой по его строительству — мир познаваемый, поскольку Бецалель — архитектор, исполненный божественным духом, мудростью, разумом, знанием и наиболее совершенным учением, когда даже имя его *Беца-эль* обозначает *Бецал* (בְּצַל) — *тень*, и *Эль* (אֵל) — *Бога*.

Поэты профаны делили мироздание на три части, поскольку не заботились вникать в умозрительное, определяя высшую из них вверху за лунным крутом и простирающуюся

до Юпитера; низшую, уходящую от земной тверди к Плутону; и срединную, идущую от земли к Луне и Нептуну. Ее платоники именуют производящим свойством из-за влаги, запечатленной солью, вызывающей порождение, что и означает слово *salacitas*, как об этом излагает Плутарх в 4-м вопросе о естественных причинах и в трактате "Об Осирисе". Вот почему указанные поэты связывают наиболее плодотворное потомство с Нептуном, нежели со всеми иными своими богами.

Впрочем, каждый по отдельности из трех миров обладает собственным двойным знанием: с одной стороны, заурядным и обыкновенным; с другой, мистическим и сокровенным. Постигаемый мир располагает теологией и каббалой; небесный — астрологией и магией; элементарный — физиологией и алхимией, через превращения и разделения огнем, раскрывающей все самые сокровенные и оккультные тайны Природы, существующей в трех видах: "*Compositionem enim rei aliquit scire non poterit, qui destructionem illius ignoraverit*"³⁰, — говорит Гебер.

Но три божественных науки (каббала, магия и алхимия — В. Т.- Г.) были по развращенности невежественных и порочных умов столь дискредитированы, что едва о них осмелишься заговорить, как сразу можешь навлечь на себя славу безбожника, колдуна и фальшивомонетчика. Мы говорим вслед за Эмпедок-

³⁰ Состав всякой вещи познать невозможно, если пренебрегать ее распадением. — *Прим. пер.*

лом и Анаксагором: *"Singula haec nostra ratio disputat per iter compositionis et revolutionis, ultro citro, susque deque gradiens"*³¹. Ибо всякое элементарное знание состоит в смешении и сепарации элементов, что совершенствуются огнем, которым облекается вся алхимия, о чем откровенно свидетельствует Авиценна в своем трактате "Альмахад или разделение знаний". И Гермес говорит о том же в своих семи главах: *"Intelligite, filij sapientum, quator elementorum scientiam, quorum occulta apparitio nequaquam significatur nisi prius dividandur, et componatur, quia ex elementis nihil fit utile absque tali regimine: nam ubi natura desinit suas operationes, ibi ars incipit"*³². Возьмите какую угодно элементарную смесь — траву, дерево, либо им подобное, на чем можно испытать действие огня — и положите ее в колбу или реторту. Сначала из смеси выделится вода, а затем масло, в том случае если огонь умеренный. Когда же он стремительнее и сильнее, то оба покинут смесь разом, но масло будет держаться на поверхности воды, а затем довольно легко осядет на стеклянной воронке колбы. Эта вода, которая сама по себе чистая и целостная,

³¹ И только наш разум пытается о пути соединений и превращений, и даже сверх того, что из чего складывается. — Прим. пер.

³² Гермес Трисмегист: "Уразумей, сын премудрости, четыре элемента познания, даже если они не воплощены и пребывают только в духовной потенции, элементы, которые некогда были обозначены неделимыми и составными частями в тайном проявлении, и всякий из них делается полезным именно в таковом строении: воистину Искусство начинается там, где естество запечатлевает свои деяния". — Прим. пер.

зывается Меркурием, а масло — обожженной и смрадной Сульфуром, разрушающим всякую смесь. В глубине сосуда останется зола, из которой с помощью определенной стиральной процедуры можно выделить соль, скрывающую прежде водой и маслом, после того как в так называемой бане Марии вытопится вода. Ибо ни жирная маслянистость, ни тем более соль, ни нерастворимая земля, полностью лишенная своей влаги и способная превращаться в стекло, не образуются на данной стадии огня. Гебер говорит: *"Omne enim privatum propria humiditate nullam nisi vitrificatoriam praestat fusionem"*³³. Следовательно, есть два быстро улетучивающихся и текучих элемента: это — вода и воздух, представляющий собой масло. И поскольку все текучие субстанции обладают ускользающим естеством огня, то первую из них он поднимает вверх, а другую воспламеняет.

Однако они не суть сухие и плотные, какими являются соль, содержащаяся в огне, и чистая земля, заключенная в стекле. На них огонь не в силах оказать иного воздействия, кроме как расплавить и усовершенствовать оба вещества. Вот четыре сдвоенных элемента, названные так Гермесом, которые Раймонд Луллий называет великими элементами. И от того, что каждый из элементов содержит в себе по два свойства, они сдвоены. Меркурий, сера, соль и стекло состоят из двух простых

³³ Все, что не лишено собственной влажности, не в состоянии остекловываться в плавке. — Прим. пер.

элементов, а точнее говоря, из всех четырех, ибо каждый из них обладает в большей или меньшей мере другими.

Меркурий больше слагается из воды, которой она присуща; масло или сульфур — из воздуха; соль — из огня; и стекло — из земли, которая становится полностью чистой среди всех элементарных соединений и обретшей свободу от всех других. Ведь благодаря воздействию огня посредством отделения воспламеняющихся земных нечистот мы избавляемся от всего хлама и зловония, приводя в дальнейшем вещи к чистоте нетленной сущности. *"Tota enim intentio operantis versatur in hoc, — говорит Гебер, — ut grossioribus partibus abjectis, opus cum levioribus perficiatur"*³⁴. Это означает подняться от низшей тленности к чистоте небесного мира, где элементы пребывают в более чистом и эфирном состоянии, в каком-то преобладает огонь, который здесь сильнее всех других вещей. Вот что касается алхимии и в чем она заключается.

Магия для небесного мира некогда являлась святым и почтенным знанием, которое Платон в своем "Хармиде" называет подлинной медициной души. В первой главе Алкивиада он излагает, что она была преподаваема старшим из великих монархов Персии, дабы научить их богопочитанию, сотворив преходящее господство персов на поддержании порядка во вселенной. В чем, по словам

³⁴ Вся действительная энергия сосредоточена в нем, когда даже грубейшие низменные части совершенствуются вместе с возвышенными. — *Прим. пер.*

Орфея, определенная форма брака звездного неба с землей, когда небо посылает свои влияния, исходящие от присутствующих там духов, которые запечатлевает земля, применяя активные добродетели к пассивным, чтобы обрести восхитительные результаты, превосходящие общий строй Природы. И это без содействия по большей части злобных, лукавых и обольстительных демонов, а только по наитию первых духов, благодаря которому веришь, что три мудрых монарха-волхва пришли издали восславить Иисуса Христа без всякой к тому необходимости.

Третья из наук именуется каббалой или восприятием, потому что передавалась устно и тайно от одних к другим. Она делится на две части. Первая — *Beresith* (בְּרֵאשִׁית, *beresith*, *начало*), то есть творение, состоявшееся в чувственном мире, на чем и остановился Мозес, не говоря ни о мире познаваемом, ни об обособленных сущностях. Вторая — *Меркаба* (מֶרְכָּבָה, *merkabab*) или престол Божий, о чем главным образом и толкует Иезекиель³⁵ (יְחֶזְקִאל), представляя сие видение почти полностью огненным. Ибо огонь по святому Писанию присущ Божеству, как один из его наиболее совершенных и близких символов среди обозначений чувственных вещей, посредством которых мы поднимаемся, устремляясь по лестнице Якова или золотой цепи Гомера, к познанию духовного и умозрительного: *"Invisibilia enim Dei a creatura mundi per*

³⁵ Иезекиель — перевод имени как "Иезекиль" неверен. — *Прим. ред.*

ea quae facta sunt intellecta conspiciuntur, sempiterna quoque eius virtus et divinitas”, или “Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны”. Рим. I, 20. Ведь мир с сущими в нем творениями является как бы портретом Божества. По слову святого Августина: “*Per creaturam enim creator intelligitur*”, или “В творении познается его творец”. Ибо согласно Гермесу Трисмегисту, Бог создал по своему образу и подобию две вещи: мир, дабы о нем радоваться и ликовать в бесконечности благих совершенств, и человека, в ком пребывала бы его исключительное утешение и удовольствие. Это сокровенно выразил нам и Мозес. Быт. I, II.

Когда стоял вопрос о сотворении мира, небес, земли, растений, минералов, животных, солнца, луны, звезд и всего остального, Господь отдавал только словесные повеления: “*Quoniam ipse dixit, et facta sunt; ipse mandavit, et creata sunt*”, или “ибо Он сказал, — и сделалось; Он повелел, — и явилось”. Пс. XXXII, 9. При сотворении же человека, Бог наделяет его преимуществом над всем прочим: “Сделаем, — говорит он, — человека по нашему образу и подобию”. И он сотворил мужское и женское, вдохнув в лицо человека дух жизни, вложив в него душу живую. Кирилл отмечает, что здесь идет речь о четырех или пяти особенностях. И поскольку образом Бога является мироздание, то образом последнего есть человек; и у него такое же божественное отношение к своим

творениям, ведь их невозможно хорошо постичь без него самого.

Зогар полагает, что всякое чувственное естество по отношению к умозрительному сродни Луне, отражающей солнечный свет. Таким же образом отражается свет лампы или свечи, откуда исходит огонь, связанный с фитилем, питаемым грубой, клейкой и плавкой материей, без которой сияние и свет и не смогли бы сообщаться нашему взору, а равно и наш взор не сумел бы их ухватить. Подобную славу и сущность Божества евреи именуют *шехиной* (*sequinah*), и ее можно увидеть лишь в материи этого чувственного мира, являющейся как бы скрыванием и образом. Именно об этом Господь говорит Моисею: “*Facies meas videre non poteris, posteriora videbis*”, или “... лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых”. Исх. XXXIII, 20. Божий лик есть истинная сущность в умозрительном мире, *quam nemo vidit unquam*³⁶, за исключением Мессии, о Котором написано: “*Providebam Dominum in conspectu meo semper*”, или “Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь”. Пс. XV, 8. И последующие части этой сущности предстают отражениями в чувственном мире. Душа способна ее различить и познать только благодаря своей деятельности, совершаемой в теле, пока она с ним соединена.

³⁶ Которую никто никогда не видит. — Прим. пер.

Вот почему Платон и удостоился знания о том, что души не могли содержаться вне тел, ибо после длительных вековых коловращений они вновь возвращались к земным воплощениям. В этом убежден и Вергилий, когда в шестой книге “Энеиды” пишет:

*“Времени бег круговой отмерит десять
столетий, —
Души тогда к Летейским волнам божество
призывает,
Чтобы, забыв обо всем, они вернулись
под своды
Светлого неба и вновь захотели
в тело вселиться”.*
(“Энеида”, перевод С. Ошерова)

Здесь автор вкратце говорит о палингенезе и пифагорейском метемпсихозе, от чего не уклонялся и Ориген, что можно видеть в его *περί αρχών* или “О началах”, а также в письме святого Иеронима к Авиту. Хотя Порфирий — нечестивец, враг и клеветник христианства, но он более откровенно полагает, что для вящего блага душ им нужно избегать и бежать всякого тела. Это происходит до тех пор, пока они не очистятся от всех телесных страстей и не вернуться к своему Творцу в своей изначальной простоте, свободные от зависти, зла и обмана сего века, когда бы сами добровольно избавились от этих пороков. *Святой Августин*, “Град Божий”, книга XXII, глава 26.

Итак, от познаваемого мира происходит небесный, а из него — элементарный. Все это

может постичь человеческий разум в познании восхитительных явлений Природы, которым по мере своих сил подражает Искусство. И в раскрытии ее прекрасных тайн благодаря действию огня проявляется слава и величие того, кто есть первопричина и создатель. Ибо согласно Гермесу, человеческий рассудок — обыкновенное зеркало, где собираются и преломляются блески и яркие лучи Божества, представленного для наших чувств Солнцем в вышине и огнем, соответствующим ему здесь в дольном мире. Они воспламеняют душу жгучим желанием познания и почитания своего Творца и, следовательно, любовью к нему, ведь любят не только то, что знают.

Значит, каждый из этих трех миров, обладающих своими собственными знаниями, имеют также присущие себе соль и огонь, которые оба соотносятся следующим образом: огонь — с небом у Моисея; и соль по причине своей твердой и плотной конституции — с землей. Что такое соль, могут спросить любого химического философа. Это арсеникальная и обожженная земля, а также вода, сгущенная жаром потенциально заключенного в ней огня. В дольном мире огонь является оператором для произведений искусства, подобно тому, как и Солнце или небесный огонь предстает таковым для творений естества. В мире интеллигибельном это Дух Святой, именуемый евреями *Бина* (*Binah*) или разумение, которое Писание по обыкновению обозначает огнем. И сей духовный огонь или огненный дух вместе с присущей Сыну *Хокмой*

(*Chobmah*), Словом или Премудростью (*omnium artifex me docuit Sapientia*, или "Познал я все, и сокровенное и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего", Прем. VII, 21, суть посредники Отца: "*Verbo Domini caeli firmati sunt et spiritu oris eius omnis virtus eorum*", или "Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их". Пс. XXXII, 6. От этого не удаляется и изречение перипатетиков: "*Omne opus naturae est opus intelligentiae*", или "все дела природы являются трудом разума".

Вот три огня, о которых мы намереваемся говорить. Из них наиболее близкий нам огонь нашего нижнего мира, грубый, сложный и материальный, то есть всегда связанный с определенным веществом. Однако наименее изучено то, что в нем заключено: откуда он исходит и куда уходит. Став в мгновение ока ничем с той же стремительностью, с какой огню начинает недоставать горючего материала, без которого он не способен возникнуть даже на миг, и одинаково исчезнуть, как и прийти, сосредоточившись в ничтожнейшей из своих частей. Так ему под силу из самого малого умножиться до бесконечности и в сем же малом уничтожиться, ибо одна маленькая свеча зажжет столь много великих костров, сколь можно себе представить, ничего не утратив и не уменьшив в своей сущности.

*Mille licet capiant, deperit inde nihil*³⁷. И в Новом Завете говорится: "*Parvus ignis quam*

grandem succendit materiam", или "...Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает!" Иак. III, 5. Взгляни же, как единственная маленькая искорка может моментально повлечь за собой огонь, который способен вызвать ужас во вселенной, если попадет в пушечный порох или в нефть, а потом столь же быстро исчезнуть. Стало быть, из всех веществ он наиболее близок душе, творящей огонь, как говорит Плотин. И Аристотель в IV главе "Метафизики" полагает, что вплоть до его времени большинство философов, не могло должным образом познать огонь, а равно и воздух, и постигнуть чувство в нашем понимании. Но скажем, что и Аристотель, и другие греки, его современники, знали не намного лучше огонь с его эффектами, пока долгое время спустя арабы не изобрели алхимию, от которой и зависит всякое познание огня.

Египтяне представляли огонь очаровательным и ненасытным животным, которое пожирало все, что, умножаясь, рождается и, в конце концов, после того, как смогло наесться досыта, и когда ему уже нечем было поживиться и прокормиться, съедает самого себя. Обладая жаром и движением, огонь не мог пройти мимо пищи и вдыхаемого им воздуха, по недостатку которой в завершении он уменьшался. Эти вещи присущи всем оживотворенным и одушевленным сущностям: жизнь всегда сопровождается теплом и проистекающим от него движением, а не наоборот (теплом от движения), в каком-то соответствии между

37 "Не убывает оно, сколько его не бери". Публий Овидий Назон, "Наука любви", III кн. ст. 90. Пер. М. Гаспарова. — Прим. пер.

собой они бы не находились, поскольку одно не может существовать без другого.

Однако Суидас устанавливает следующее противоречие: не только животные, но и все, что, размножаясь, нуждается в пропитании, стремится к определенной цели, достигнув которую, не выходя за ее пределы, оно останавливается там, где ни питание, ни пылкое размножение уже ничем не ограничены и не детерминированы. Ибо сколь более они господствуют над тобой, столь неистовее желание испытывается в них, увеличиваясь дальше еще сильнее. Вот почему ни одно, ни другое не могут себя ничем ограничить, и здесь прямая аналогия с животными, до уровня которых опускаться недопустимо. Значит, движение огня должно скорее называться порождением, нежели пропитанием и умножением, ибо есть лишь один питаемый и увеличивающийся элемент. И если даже в большом количестве вы соедините воду с водой, или землю с землей, все равно не достигнете того же эффекта, что и с огнем: увеличить его в размере можно лишь с помощью материи, которую он, обвяв, способен пожрать. Это — дерево с подобными себе вещами, каковые благодаря силе огня превращаются в его естество: именно так огонь умножается и возрастает.

Поэтическое предание гласит, что Прометей похитил огонь на небе, чтобы передать его смертным, и за это был сурово наказан богами и в течение тридцати лет находился прикованным к одной из скал Кавказской гряды, где гриф усердно пожирал его внутрен-

ности, которые снова поочередно возрождались. Но неужели можно себе вообразить, будто столь благожелательные к роду человеческому и любящие его боги хотели лишить людей этой необходимой части естества, без которой условия их жизни были бы хуже, нежели у диких животных, когда невозможно было бы готовить мясо, согреваться и сушить, пользуясь бесконечным множеством иных удобств? Более того, поскольку огонь устремляется через печную трубу, будучи небесного происхождения, куда и желает возвратиться, то, кажется, что он принадлежит именно человеку.

*И между тем как, склоняясь, остальные
животные в землю
Смотрят, высокое дал он лицо человеку
и прямо
В небо глядеть повелел, подымая
к созвездиям очи³⁸.*

Другие живые существа почти все бегут от огня. Вот почему Лактанций, желая видеть в человеке божественное животное, приводит веские доводы того, что одному человеку среди иных тварей дано пользоваться огнем. И Витрувий во II книге полагает, что первоначальные повадки людей исказились благодаря всеобщему применению огня для согревания. И боги возревновали к людям, стало быть, от

³⁸ «Метаморфозы», книга первая, стих. 84-86. Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. Перевод с латинского С. В. Шервинского. М., Художественная литература, 1983. — *Прим. пер.*

того, что посредством огня человечество могло проникать в самые глубокие и сокровенные таинства Природы, которую можно понять и постичь не последовательным образом (столь ловко она действует), а через его противоположность, называемую греками *διαλυσις*, разложение и отделение элементарных частей. Это производит огонь, откуда порождаются почти все искусства, изобретенные человеческим духом. Ибо примитивные люди не обладали никаким иным инструментом или орудием, кроме огня, что нам ныне и довелось увидеть по открытиям в Вест-Индии.

Гомер в гимне Вулкану считает, что огонь помогал Минерве, обучившей людей мастерству и прекрасным искусствам, прежде имевшим свое жилище в пещерах и долинах между скал по образу диких животных, но восхотевшим получить от богини Минервы искусства и науки, а от Вулкана огонь, их воплощающий. Вот почему египтяне по обыкновению объединяли между собой эти два божества, желая тем самым показать, что от разума происходит обретение всех искусств и ремесел, исполняемых затем огнем, полагающим их из потенции в действие: *"nam agens in toto hoc mundo non est aliud quam ignis et calor"*³⁹, говорит Иоанникий. И Гомер:

οὐκ ἦφαίστος δέδραεν, κί παλλὰς Ἀθηνῆ.
Вместе с Афиной Гефест обучал.

³⁹ Поистине активными в этом мире являются лишь огонь и тепло. — Прим. пер.

Как можно видеть у Филострата в рождении Минервы, огонь явился причиной того, что она покинула родосцев, приносивших ей жертвы без огня, чтобы уйти к афинянам. Согласно Диодору, Вулкан был первым, кто благодаря произошедшему удару молнии, объявшему пламенем дерево, открыл египтянам преимущества в использовании огня. Ибо внезапно явившись сверху, исполненный светом и жаром он, поддерживая себя, питался иной материей, и все время приходил лечить народ, который по этой причине его и обожествил. С этим соглашается и Лукреций:

Каждую вещь означать при помощи звуков
различных!
Во избежанье с твоей стороны молчаливых
вопросов,
Знай же, что смертным огонь принесен
на землю впервые
Молнией был. От нее и расходитя всякое
пламя.
Видим ведь много вещей, огнем небесным
объятых,
Блещут, ударом с небес пораженные,
вспыхнув от жара⁴⁰.

Греки его связывают с Форонеем, считая, что это случилось возле Аргоса, и огонь, нис-

⁴⁰ Лукреций. Из поэмы "О природе вещей", книга 5, ст. 1090-1096; перевод Ф. А. Петровского, Хрестоматия по античной литературе. В 2-х т. Для высших учебных заведений. Т. 2. Н.Ф.Дератани, Н.А. Тимофеева. Римская литература. М., "Просвещение", 1965 — Прим. пер.

шедший там с небес, с тех пор хранился в святилище Аполлона. А чтобы он не угас, греки возжигали его вновь от солнечных лучей, как это делали в Риме в храме Весты, а в Персии священный огонь, которому здесь поклонялись более, нежели всем иным божествам, почитая его наравне с Солнцем, проносили там, где монаршая особа шествовала лично. Ибо персы знали, что в нижнем мире огонь есть образ Солнца. Они сопровождали его с великолепием и торжественностью, вывозя на превосходной колеснице, запряженной четверкой прекрасных белых скакунов; за ней следовали 365 молодых жрецов по количеству дней в году, в которые Солнце совершает свой бег, одетых в желто-золотые ризы, наподобие сияния Солнца и огня, и воспевающих гимны в их честь. И не было по отношению к огню более страшного и непростительного преступления, чем бросить в него какой-нибудь труп или что-то нечистое, а равно и задуть его своим дыханием и развеять, убоявшись обжечься, как и погасить в воде, ибо в нем все исходило только от жизни.

Плутарх, в своем трактате о первом холоде, рассказывает, что когда кто-то совершал тяжкое преступление, ему в ответ на просьбу о помиловании позволялся самый надежный способ искупления: он должен был проплыть в бурлящем потоке со светильником в руке, не загасив его водой; и, по достижении желаемого, преступник переставал караться лишь за содеянное зло, но не за бесчестие, которое мог совершить мысленно. Отсюда пошла зна-

менитая поговорка, упоминаемая у Суидаса: *"Persa sum, parentibus Persicis natus. Persane indigena? Utique, domine. Ignem autem inquinare est nobis saeua morte acerbius"*⁴¹. Но все, что может создаваться огнем или при помощи его, тогда еще не было открыто и познано людьми. Имеется ли нечто более удивительное и простое в изготовлении, чем пушечный порох, состоящий только из грубых ингредиентов: серы, селитры и угля? Кажется, именно их египтяне таинственно обозначили тремя небесными силами, с которыми они связывали раскаты, громы и молнии, наводимые и управляемые Юпитером, Вестой и Вулканом. Вулкан, к примеру, отвечал за серу, Юпитер за селитру, являющуюся самой воздушной и выветривающейся, как полагает Раймонд Луллий, весьма познавший ее природу и воздействия, когда пожелал их открыть. За уголь же, а одинаково за его нерушимость и связь с порождающей землей — Веста.

Тысячи лет уголь способен залегать в земле, не претерпевая изменений, что и стало причиной закладки из него лежа и основания фундамента храма Дианы в Эфесе. Селитра присуща воздуху, который занимает срединное место в естестве между морской водой и огнем или серой. С последней он взаимодействует настолько, насколько воспламеняем; с другой стороны, он сгущаем, обращаясь во влагу и воду, что делают соли, благодаря кото-

⁴¹ Перс есмь, рожденный от родителей персов. Перс коренной? Как бы то ни было, Господи. Огнем украсить — нашей смерти обычай суровой". — *Прим. пер.*

рым он обладает горечью и остротой. Следовательно, воздух, сосредоточенный и удерживаемый в облаках, вырывается наружу и грохочет в неукротимом раскате грома, что производит селитра, а сера является причиной вспышек молнии. И это может произойти, как и в первом случае, только при помощи солей. Кто, впрочем, сумеет изготовить порох, составив его из определенных пропорций серы и селитры и подменив уголь сурьмой из земной грязи, выделяемой в частой и непрерывной промывке теплой водой, тот без преувеличения достигнет искусственного огня, создав порох, который не будет создавать много шума, будучи менее взрывоопасным и сильным, нежели общеизвестный. Относительно изобретения пушечного пороха, опираясь на древние китайские хроники, донесения из Китая гласят: он был здесь в употреблении уже более пятнадцати веков, как и типографский станок.

Знаменитый английский философ Роджер Бэкон более трехсот лет назад в своей книге о восхитительной силе Природы и искусства написал о том, что Геден, круша и ужасая своих врагов, использовал определенный состав, имитирующий грома и молнии. Хотя это и не стало приметным, как и запечатленное в VII главе "Книги Судей", а Бэкон писал за сто двадцать лет до открытия пушечного пороха. Вот его слова: *"Praetera possunt fieri lumina perpetua, et blanca ardentia fine; nam multa cognovimus quae non comparantur, sed purificatur. Praeter vero haec sunt alia stupenda*

naturae et artis: nam soni velut tonitruum possunt fieri in aëre, imo maiori horrore quam illa quae fiunt per naturam. Et modica materia adaptata ad quantitatem unius pollicis, sonum facit horribilem, et coruscationem ostendit vehementem. Et hoc fit multis modis, quibus omnis civitas et exercitus destruat, ad modum artificii Gedeonis, qui lagunculis fractis, et lampadibus igne saliente cum fragore ineffabili, Madianitarum destruxit exercitum, cum duntaxat hominibus⁴²". Это могли быть гранаты и зажигательные снаряды; впрочем, ничто лучше и не может характеризовать пушечный порох, и упомянутые выше добропорядочные личности, предвидя какое разрушение способно причинить данное средство, обладали слишком великой ответственностью, чтобы о нем разгласить. Кстати, о вечном или, по крайней мере, почти непрерывном огне рассказывает в своих примечаниях к Плинию Гермолай Барбар (Hermolaus Barbarus). Оказывается, в его время при открытии древней гробницы на территории Падуи был обнаружен небольшой ларец, в котором имелся еще горевший сосуд, подобный лампе,

42 "Прежде могли вызывать возникновение непрерывного огня и белого пламени; и в самом деле, многие знают, что этот огонь не сгорает, но очищается. Прежде это являлось чудом Природы и искусства: казалось, будто гром гремел где-то в воздухе, и ужасом он поражал Природу. И вот невзрачное вещество, сведенное к малому количеству, сулит совершить ужасный гром, излучая вокруг мощные вспышки. И тотчас вслед за ним происходит разрушение всех городов по мере искусства Гедона, который небольшими взрывными сосудами и светильниками с устремляющимся огнем и невыразимым громом поразил мадианитян и большое число народа". — Прим. Пер.

и, если верить сохранившейся там надписи, его зажгли более пятисот лет назад.

Учитывая изложенное, не является вовсе невозможным создание неугасающего огня, что мы наблюдаем в определенных видах такового, называемого “греческим”, о котором некогда Аристотель написал трактат. Этот огонь нельзя затушить с помощью воды, в особенности морской, из-за содержащейся в ней вязкой и маслянистой соли, каковую он схватывает и воспламеняет. И сколь бы мало мы не касались здесь любой вещи, все равно мы ставим вопрос об огне. Вымоченные в вине, а затем высушенные желуди подвергают прокаливанию, пока из них не выделяется жидкость, в коей присутствуют масла, прошедшие через негашеную известь, пемзу, тальк, кальцинированные квасцы, даже мелкий песок и подобные вещи, удерживающие посторонние примеси на дне сосуда. Между тем, масло в процессе возгонки светлеет, становясь чище и менее возгораемым, и нуждается в хорошем огне. Сделайте подходящий для него фитиль из хлопковой нити, предварительно выщелоченной, после окуните его в масло или винный осадок, посыпав кристалликами квасцов, пропитанными легким слоем камеди или канифоли. Такой огонь, горящий очень долго, показался бы нам сказочной вещью, если бы мы не удостоверились в его существовании, у нескольких подлинных творцов сей знаменитой лампы, висевшей в храме Венеры, где непрестанно пылал камень асбест, некогда зажженный и более неугасаемый.

Но могут сказать, будто это всего лишь сказка. Предоставлю решать другим и скажу, что, согласившись однажды не искать ничего кроме этого, обнаружил субстанцию, ведущую к необходимому результату благодаря постепенным усовершенствованиям огня. Она тщательно запечатывается в стеклянной колбе и скреплена печатью Гермеса: туда не проникает воздух, сохраняя ее более тысячи лет, если можно так выразиться, в морских глубинах. Открыв ее после длительного хранения, когда заблагорассудится, в ней внезапно обнаружится огонь и, почувствовав воздух, она вспыхнет как спичка. В первых двух главах второй книги “Маккавеев” мы читаем, что при переселении из Вавилона⁴³ левиты, спрятав свой священный огонь на дне колодца, семьдесят лет спустя нашли там густую и беловатую воду, которая неожиданно, соприкоснувшись с лучами Солнца, устремилась вверх и воспламенилась.

Впрочем, два вышеназванных олицетворяющих огонь божества, Паллада и Веста, обе целомудренные девственницы; они представляют собой два огня чувственного мира: Паллада — небесный, а Веста — земной, элементарный огонь. Этот второй, бесспорно, более груб и овеществлен, нежели небесный, но стремится всегда к своей противоположности, как если бы он старался смешаться с тленной субстанцией, коей связан, лишь для того, чтобы возвратиться

⁴³ Вавилон — בָּבֶל, Babel, Babilon, в русск. пер. Библии неверно переведено Вавилон. — *Прим. ред.*

свободным и избавленным от всех превратностей к своему изначальному происхождению, подобно душе, заточенной в теле.

*Душ семена рождены в небесах и огненной
силою
Наделены — но их отягчает косное тело,
Жар их земная плоть, обреченная гибели
гасит⁴⁴.*

Другой, наоборот, что ни на есть утонченный и сущностный, ниспадает к земле, как если бы оба огня желали непрерывно встречаться и идти один пред другим, наподобие двух пирамид, первая из которых имела бы свое посаженное основание в зодиаке, где Солнце совершает свой бег через двенадцать знаков. И от ее вершины спешит проистечь все, что в ней преобразовано и сущее, в соответствии с учением древних астрологов Египта: ничего не происходит на земле и в воде, когда оно не засеяно с неба. Оно представляет собой хлебопашца, культивирующего посеянное и запечатлевающее тепло здесь внизу в эффективности своих влияний, приводящего все к своему полному совершенству и зрелости, что также подтверждает Аристотель в своих книгах *“De ortu et interitu”*⁴⁵.

⁴⁴ Энеида, книга шестая, ст. 730-732.

⁴⁵ “О возникновении и уничтожении”, название этого сочинения Аристотеля по-гречески Περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς (Блез де Виженер опирается на архаическую редакцию перевода данного труда Аристотеля на латинский язык). Например, см. *“In libros Aristotelis de ortu et interitu seu de generatione et corruptione: in libros de anima, parvorum naturalium, & metaphysicorum opus.”*; опубликовано *Philippi Mariae Mancini (Romae) 1670. — Прим. пер.*

Но земной огонь, наоборот, имеет свое основание в пирамиде, связанной с землей: она образует одну из сторон куба, который пифагорейцы благодаря его форме считали самой устойчивой фигурой. От вершины этой пирамиды поднимаются вверх тончайшие пары, служащие питанием Солнцу и всем прочим небесным телам, о чем вслед за другими пишет и Фурнут (Phurnutus). Он говорит, что *“неугасимый огонь отдан Весте, вот почему мировой огонь берет отсюда свое пропитание, коим поддерживается и образуется Солнце”*. Это равнозначно тому, что желал передать в своей “Изумрудной скрижали” Гермес (Трисмегист): *“Quod est inferius, est sicut quod est superius; et e converso, ad perpetranda miracula rei unius”*⁴⁶. И раббин Йозеф, сын Карнитоля, в своих Вратах истины: *“Основания всех дольних зданий, а также их венец или вершина здесь внизу не что иное, как перевернутое дерево. Так и человек есть лишь духовное дерево, насаженное своими корнями и волосами в раю наслаждений, которым является земля живых существ, о чем сказано в Писании: “Comae capitis tui sicut purpura Regis iuncta canabilis”, или “... и волосы на голове твоей, как пурпур; малик увлечен твоими кудрями”*. Песн. VII, 6.

⁴⁶ “То, что находится здесь внизу, подобно тому, что находится сверху. И то, что находится сверху, подобно тому, что находится внизу, дабы можно было осуществить чудесные вещи в одной единственной вещи”. Изумрудная скрижаль. Гермес Трисмегист в книге “Терметический венок из роз”. К. 2008. — Прим. ред.

Распознаваемые таким образом два огня, высший и низший, были не менее известны и поэтам: так, Гомер в 18-й главе “Илиады” попал из кузницы Вулкана на восьмое звездное небо, где сопровождался его ремесленниками, одаренными исключительным благоразумием, они ведали всеми видами кузнечного дела, которым научались бессмертными Богами, когда работали в присутствии поэта. Вергилий в 8-й главе “Энеиды” помещал эту мастерскую внизу, на земле, на острове, называемом Вулканий:

*Здесь — Вулкана чертог, и Вулканией остров зовется*⁴⁷.

Чем он желал показать, что огонь, пусть и разный, есть в обеих царствах — небесном и элементарном. Сверх того образуется еще четыре вида огня: огонь умозрительного мира, состоящий целиком из света; небесный — слагающийся из тепла и света; дольный элементарный — из света, тепла и пыла; и inferнальный — в противоположность умозрительному, производимый без света, но только пылом и пожаром. Примеры последнего можно видеть в снедаемых жаром горах, подобных Этне, и называемых вулканами.

Есть некая удивительная вещь, как отмечал один из раббинов, которая превосходит все другие чудеса огня, когда сера и битум, скорые и легкие в воспламенении, будучи выставлены на воздух, не долго горят здесь, а

стискиваемые в чреве земли, возобновляют и даже умножают свой расход, когда сила их горения и жара несравненно более, чем на поверхности, отсюда можно видеть горы, пылающие внутри долгие столетия и водоемы с горячей водой. Казалось бы это изымается из общего порядка Природы тайным распоряжением божественного Провидения, желающего продлить данные явления до тех пор, пока не будет истреблен весь шлак и нечистота нижнего мира со своим заразным и зловонным смрадом, дабы, изгнав его отсюда, предать преисподней в наказание и страдание осужденным, о чем в Писании сказано: *“Pluet super peccatores laqueos: ignis et sulphur, et spiritus procellarum, pars calicis eorum”*, или *“Дождем прольет Он на нечестивых горящие угли, огонь и серу; и палящий ветер — их доля из чаши”*. Пс. X, 6. Этот черный, темный, густой и жаркий огонь, наиболее прожорливый и пылкий из всех видов, подобен горению определенного сорта каменного угля, вызывающего очень сильный жар. Именно о нем сказано: *“Devorabit eos ignis qui non succenditur...”*, или *“Все мрачное сокрыто внутри его; будет пожирать его огонь, никем не раздуваемый; зло постигнет и оставшееся в шатре его”*. Иов. XX, 26. И в особенности далее: *“Ибо придет на нее огонь от Вечного на долгие дни, и весьма долгое время она будет обитаема бесами”*. Вар. IV, 35.

Небесный огонь ясен и блестящ; он напоминает лампу, пламя которой должно поддерживаться спиртом с хорошим составом кам-

⁴⁷ Энеида, кн. VIII, ст. 422. — Прим. пер.

форы, соли селитры и других столь же воспламеняющихся веществ. Данные горючие субстанции, коих бесконечное число, можно растянуть на большой срок, разве что сделав пламя медленнее и слабее. Такими же, но намного более утонченными сущностями питаются и поддерживаются небесные тела, нуждающиеся в очень малом количестве пищи, поскольку приближены к духовности.

Я мог бы сказать, что однажды сделал некое подобие сверкающего во тьме Солнца (это был свет лампы), столь сверкающего, что огромная зала могла бы быть скорее ослеплена им, нежели освещена. Ибо оно создавало больше эффекта, чем две или три дюжины больших факелов, и в течение суток не использовало масла больше, чем я ему давал с соответствующими фитилями, державшимися на ореховой скорлупе. Впрочем, это была стеклянная лампа, вложенная в большой, как голова, хрустальный шар, наполненный очищенным три или четыре раза виноградным уксусом; потому и не было ничего более прозрачного и сияющего. Морская вода пригодна для этого даже намного более, нежели пресная вода, каковой чистоты бы она не являлась, ведь растворенная в ней соль придает ей особую светящуюся прозрачность.

Но, вернувшись к нашей теме, никто и не подумал бы, что, получая пищу, звезды должны еще вписаться в определенные временные периоды, а другие из них родиться. В противном случае, будет не что иное, как отделение от их сияния и света более грубой и матери-

альной субстанции небесного тела, от которой свет исходит и рассеивается в небе, как делают живые духи, устремляясь в воздух, когда покидают какое-нибудь одушевленное тело, лишая его жизни. Одинаково и небесное тело становится темным, наподобие лампы, прежде светившей, но угасшей либо по недостатку питания, либо по иной какой причине. Свечение или огонь для звезд является тем же, чем кровь для животных и сок для растений.

Об этом дает понять и Гомер в V главе “Илиады”, полагая, что если боги не живут, подобно смертным, хлебом и вином, то все равно питаются амбросией и нектаром. И если у них нет крови, то вместо нее у них сущность, называемая *ixôr*, которая как бы сродни тончайшей серозной жидкости, препятствующей разложению животных и всех других элементарных соединений. Необходимо немного прояснить, каким сходством между собой обладают огонь и солнце. Для начала нужно понять, что Солнце восхищает своим притяжением духи от земли, которые суть двух природ (*“vapor humidus includens, et vapor siccus inclussus simul sursum elewantur”*⁴⁸), как говорит философ в V главе “Метеоров”): одной — теплой и влажной. Таковы воздух и вода в потенции, что, собственно, и называется паром; другой — теплой и сухой, по существу и силе огненного, называемого испарением.

⁴⁸ Пар заключает в себе влагу, и сухой пар поднимается из подобного же источника. — Прим. пер.

Первая природа обращается в воду в виде дождя, снега, града, измороси и иных влажных явлений, образующихся из пара в срединной области воздушного пространства. Ибо, будучи грубыми и тяжелыми, они не могут подняться выше и таким образом уплотняются и застывают благодаря пребывающему в них холоду, падая вниз в более овеществленном состоянии, нежели когда они поднимались, и в итоге превращаясь в воду.

Вторая, называемая испарением, делится на три вида. Первый — наиболее клейкий, грубый и тяжелый, образует огни, именуемые Кастором и Поллуксом, блуждающим свечением и тому подобным; он не в состоянии подняться выше низшей области воздушного пространства. Второй немногим легче, тоньше и чище, проникает до срединной области: там он образует громы и молнии, летучие звезды, инверсионный свет, зигзагообразное сияние и другое свечение. Третий еще суше, легче и больше лишенный маслянистости, предстает по своему естеству почти квинтэссенцией, которую отмечают в спирте высшей очистки. Вот почему он способен не только восходить в высшую область воздушного пространства и смежного огня, но ускользать, будучи здоровым и невредимым, еще выше в небо, с которым благодаря крайней утонченности и очистки, обретенной на долгом пути, он имеет великое соответствие. Ибо, достигнув самого Солнца, он там переваривается и обращается в чистый и ясный свет, питающий как Солнце, так и другие све-

тила. Об этом ведет речь Плиний в VIII и IX главах второй книги.

Следовательно, звезды получают свой свет и питание от Солнца, после того, как он был переварен и обработан, но вовсе не в виде отражения, наподобие солнечных лучей, отскакивающих назад при соприкосновении с водой или зеркалом: все принадлежащее естеству огня нуждается в пропитании. Это происходит, как и у животного, когда самая чистая кровь течет от печени через артерии к сердцу, которое ее приводит к последнему совершенству, чтобы она служила пищей сознанию. Последнее можно понимать и так: испарения и пары проходят сквозь поры земной коры и исчезают в вышине. Но если ненароком им встречаются на пути туф, глина или подобные противодействующие и сковывающие преграды, они останавливаются и уплотняются, преобразуя там собой породы: в случае теплого и сухого испарения минералы — серного происхождения; когда влажный пар — обыкновенно ртутного.

Итак, еще духовные и светлые субстанции, слившись обе в тончайшем паре, спешат произвести в череде долгих лет металлы и минеральные ископаемые, в зависимости от чистоты или нечистоты отвердевающих сущностей, температуры или избытка тепла, прокаливающего их в земных недрах. Не уходя от вышеназванной темы испарений, мне показалось нужным рассказать здесь об одном маленьком эксперименте, некогда ловко проведенном мной, который, думаю, не должен вызвать никакой неприязни.

Возьмите хорошего старого вина и бросьте в него некоторое количество соли селитры и камфоры; поставьте миску с содержимым на печку в плотно закрытом шкафчике, чтобы туда не проникал воздух. Выпарите все это, оставив отверстие не больше толщины тупого края ножа, предоставив для горения необходимый воздух. Сделав сие, плотно закройте отверстие, чтобы ничего не испарялось, после чего извлеките шкафчик с миской. Позаботьтесь о том, чтобы в течение десяти, двадцати и тридцати лет туда не проникал воздух и не выветривал содержимое. Тогда, осветив однажды это свечой, вы увидите бесконечное число пляшущих огоньков, схожих с молниями в знойное лето. Эти огоньки не сопровождаются ни звуками грома, ни ураганом, ни ветрами, ни ливнями. Они воспламеняются от соприкосновения с воздухом, а также благодаря оказавшимся на поверхности селитре и сере.

Оставив в стороне тему паров и испарений, уже никто не усомнится в том, что они происходят от тепла, проникающего в землю из-за непрерывного движения неба и небесных тел вокруг нее, свет которых сопровождается распространяющее его тепло.

Но вернемся к опытам более близким нашему чувственному познанию. Мы видим, что огонь оставляет два вида отходов. Один наиболее грубый — зола, образующая низ его горения и содержащая соль, стекло и два устойчивых плотных элемента — огонь и землю. Другой более легкий и тонкий, вздымаемый вверх — сажа, в которой содержится вода и воз-

дух, два улетающих и текучих элемента. Алхимики их называют Меркурием и Сульфуром, а естествоведы — паром и испарением. Меркурием обозначается вода или пар, а Сульфуром — масло и испарение. Соли и земли в них присутствует весьма малое количество, хотя и достаточное, чтобы заметить, как образуются четыре элемента при разложении на составные части всех элементарных соединений.

Итак, возьмите сажу из вытяжной трубы, желательно ту, которая образовалась выше по дымоходу после всякого пиршества: тогда она должна быть более тонкой. Наполните ею на две трети большую реторту или перегонный аппарат; затем прикрепите это к большому реципиенту, который укутайте замоченным в прохладной воде бельем, и дайте среднего огня. Вода и масло будут вместе перегоняться, хотя вода предшествует, выделяясь первой. После того, как обе жидкости пройдут через реципиент, и ничего уже не будет возгоняться, усильте огонь щепками от просушенных дров или иным им подобным, поддерживая его в течение восьми или девяти часов, пока частицы земли не осядут на дне в кальцинированном состоянии. Но когда они будут уже в малом количестве, добавьте новой сажки и продолжайте, как и прежде, пока не обретете их в достатке. Затем извлеките их из перегонного аппарата и положите в маленький парижский неглазурованный земельный горшок или тигель. Вода и масло, которые вы сумеете перегнать, легко отделятся через стеклянную ворон-

ку, где вода обнаружится на поверхности масла. Сделав это, очистите воду в бане Марии, перегнав там ее вновь два или три раза, ибо масло больше не возгоняется не только на данном уровне огня, но и на песке.

Храните их отдельно; кальцинированную землю в вышеназванном горшке или тигле немного полейте сверху тепловатой водой, передвигая вертелом, пока соль, проявившаяся под воздействием огня, не растворится в этой воде. Уберите воду в процессе перегонки, и соль останется на дне: по естеству она окажется солью армониака. Если прессовать ее, то она поднимается. Но о трех видах соли мы скажем в своем месте.

О частицах земли не нужно особо беспокоиться, ибо в основном их стоит поискать в золе, как и фиксированную соль. Соль посредством воды выделяется из золы (оставим на недолгое время сажу, чтобы лучше разъяснить сущность земли). В этом самом грубом и вещественном элементе, который мы называем землей, усматриваются три субстанции: евреи различали это лучше, чем мы, присваивая земле три наименования — *erebs* (эрец), *adamah* (адамах) и *iabassah* (иабассах). Эрец⁴⁹ собственно и означает суглинок, *иабассах* —

⁴⁹ Эрец — עֶרֶב, Быт. I, 1, 2. Здесь святое Писание прямо указывает на то, что эта земля еще находится как бы в эфирном состоянии, она “безвидна и пуста”. И далее согласно “иерархичности” элементов только в 9-ом ст. собираются воды в одно место, и из них появляется суша, которую Бог (в 10-ом ст.) называет землею. — Прим. ред.

песок, и *адамах*⁵⁰ — глину. Промойте землю водой, вылив ее в другой сосуд вместе с прахом, который сумеет к ней пристать.

Повторите еще раз так, чтобы больше ничего не оставалось на дне, кроме песка, названного в священном Писании *arida*: “*Et aridam fundaverunt manus eius*”, или “Его море, и Он создал его, и сушу образовали руки его”. Пс. XCIV, 5. Здесь использовано слово “образовывать”, поскольку песок есть существование и удержание земли, где он перемешан с прахом благодаря доброму гению естества, чтобы укрепить ее в противодействии влажности воды. Это видно на известковом растворе, слагающемся из песка и извести из опасения, что он, еще не растворившись, может обратиться в жижу при внезапном соприкосновении с влагой. Песок служит еще и противовесом воде, ибо является довольно тяжелым: “*grave est saxum et onerosa arena*”, или “тяжел камень, весок и песок...” Притч. XXVII, 3. Но прах, из которого образуются минералы, растения и животные, намного легче, что можно увидеть опытным путем, пропитав его эфиром, когда менее чем через три недели вы обнаружите в нем маленькие камешки, некоторые травы, крохотных червячков и моллюсков, а также других, им произведенных козявок. Оставшееся от питания, которым смогут насытиться эти особи, будет песком, лишенным всякой влаги. Это можно

⁵⁰ Адамах — אָדָמָה, Быт. II, 7. Это другая уже “коагулированная” земля, из которой сотворен Адам. — Прим. ред.

видеть на примере беспрестанно обрабатываемой и засеваемой, но не удобряемой земли, превращающейся из плодородной, каковой являлась, в песчаную и бесплодную, ведь песок не производит ничего и подтверждения тому — пустыни и побережья: именно о них сохранилась поговорка *littus aras*, то есть бесполезны и тщетны для пахоты.

Итак, поскольку из двух свойств, присущих каждому элементу, одно — его собственное, а другое — приобретенное, то сухость и будет подлинным свойством земли, ибо холод более соответствует воде. Вот почему земля по-еврейски называется, как я уже говорил, *jabassab* (*иабассах*), а по-гречески ξηρῶ (*ксиро*), сухая и безводная: *“et vocavit Deus aridam terram”*, или *“И назвал Бог сушу землею...”*. Быт. I, 10. Суглинок более водянист: *“Ex grossitie enim aquae terra concreat”* (*Из толщи его воды преобразуется земля*), говорит Гермес. Это можно видеть на примере снега, града и дождя, где среди уплотненной воды присутствует много смешанной с ней земли, от которого, как было сказано, все и порождается внизу на земле.

Сам телесный человек был создан из этой земли, и отсюда получается, что всякая плодородность земли зависит от воды: *“Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, но пар поднимался с земли и орошал все лице земли”*. Быт. II, 4-6.

Или, как выражает халдейский парафраз Онкелоса, вместо источника или ключа — пар или облако, которое образуется из паров, поднимаемых от земли Солнцем в срединную область воздуха, чтобы оттуда орошать землю.

Но, с другой стороны, ни прах, ни песок, ни глина сами по себе никак не участвуют в формировании этой девственной и чистой земли, заключенной в средоточии всех составных элементов, то есть в их глубине. Ибо данная земля не может произвести ничего по причине своей нетленности и неподверженности разрушению, ведь нетленное никогда не порождает тленного, как мы видим на примере огня, соли и песка стеклянной породы, этих не только нерушимых сущностей, но и предохраняющих от порчи все, с чем они смешиваются. Свидетели тому — травы, плоды, мясо, рыба и пр. Будучи просоленными или закопанными в песок, они сохраняются очень долго. И мумии тех, кто, преодолевая пустыню, умерли от удущья и были зарыты в песок, сохраняются невредимыми в течение многих лет, и создается впечатление, будто они забальзамированы. Следовательно, эта земля образуется из двух нетленных субстанций — соли и мельчайшего песка посредством сгущающей их сверху воды, что мы наблюдаем в замечательном хрустальном стекле, сделанном из природной соли, перемешанной для скрепления с песком; хотя здесь необходима еще и большая резкость огня, иначе все кончится ничем.

При изготовлении хрусталь осветляют и доводят до чистейшего состояния, добавляя

туда сурика, сделанного из свинца. Фужеры, чаши, бокалы и другая хрустальная посуда содержат в себе собственный песок. Однако это больше достойно нашего понимания золота и стекла в Писании (Иов. XXVIII), где речь идет о Мудрости, и говорится, что с ней не сравнится ни золото, ни стекло. Значит, превосходящая и нетленная земля никак не является презренным и грубым элементом, который мы топчем ногами и обрабатываем, чтобы получить оттуда свое пропитание и существование. Она — светлая и прозрачная сущность, о которой сказано в «Апокалипсисе»: *«И увидела новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалем, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего... Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу... Улица города — чистое золото, как прозрачное стекло»*. Откр. XXI, 1, 2, 18, 21.

Посмотрите, не один раз представляются золото и стекло, очищаемые огнем: здесь его последнее действие, и он способен теперь только усовершенствовать и очищать, что и делает с золотом, производимым Солнцем в течение долгих тысячелетий. Подражая этому, досужие умы при помощи огня из разрушения низших элементов и их составляющих пытаются выделить нетленную субстанцию, которая бы стала моделью и образцом того, к чему должна, в конце концов, прийти вселенная. Так, на примере с сажой мы получаем представле-

ние и картинку о деятельности Природы при парообразованиях и испарениях, отчего в итоге происходят метеоры и явления срединной области воздуха. Вода занимает здесь место водяных компонентов, а масло — огненных и воспламеняющихся, пусть оно и совсем нечистое для горения и бесполезное для порождения девственной земли, называемой Философским Камнем. К нему тщетно стремились жадные профаны, движимые невежеством, ослепленные мерзким вожделением безмерных барышей, дабы стать богаче Мидаса, глупость которого обернулась для него ослиными ушами, вместо того, чтобы дорожить этой субстанцией для восхваления и прославления Господа в его творениях, согласно сказанному в Писании: *“Considera mirabilia Dei”*, или *“Разумей чудные дела Божию”*. Иов. XXXVII, 14. Ибо нельзя доставить большего удовольствия превосходному Творцу, как тщательно рассмотреть Его труды, прославляя и величая созданное, а не пренебрегать им и не брать его в расчет вопреки здравому смыслу. Именно об этом говорит апостол: *“Будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их”*. Еф. IV, 18.

Итак, возьмите масло, полученное из сажы, и перегоните его два или три раза с песком: это один из длительных процессов. После выделения воды, масла и кальцинации частиц земли, которые останутся на дне сосуда, налейте сверху воды, соединив перегонной со своими веществами; затем уберите воду через дистилляцию,

прокаливая под конец опыта частицы земли в течение семи или восьми часов на сильном огне. Опять вылейте воду на подверженную гниению, дистиллированную и кальцинированную землю, повторив все, как и прежде: частицы земли будут кальцинироваться благодаря воде и огню, пока не впитают в себя всю свою воду или ее большую часть, что произойдет на шестой или седьмой раз. Сделав это, предайте огню возгонки, и тогда проявится чистая светлая и кристаллическая земля, сосредоточившись по центру сосуда. Хотя вода и располагает великими свойствами и качествами, но полученная земля обладает ими в еще большей степени, о чем я не премину рассказать дальше. Подобным же образом можно выделить из соли благодаря удалению воды и стекла земные частицы, которые останутся уже после возвышения девственной земли.

Гебер говорит: *“Все, что не лишено собственной влажности, не в состоянии остекловываться в плавке”*. Из трех элементов здесь два летучие — огонь и масло; и третий устойчивый, постоянный и сгущающийся — соль. Тот же самый Гебер скажет: *“Quod est super omnes alias humiditates expectans ignis pugnam⁵¹”*. Нет ничего более влажного и масляного, нежели соль. Она же — наиболее стойкий огонь. Все металлы не что иное, как плавкие соли, во что они легко и обращаются. Обыкновенная соль получается так же после трех-четырех кальцина-

ций и растворов, о чем мы подробнее расскажем в своем месте.

Я мало распространялся здесь о саже как предмете, обладающем силой удивительных тайн, а равно каменном угле и стекле цвета морской волны, груды которого остаются в плавильных топках и кузнечных цехах и, будучи сухими, все же выделяют воду и масло. Расскажем еще и о саже. Пылающий огонь дерева или другого возгорающегося вещества изгоняет содержащуюся в нем водянистую влажность, питаясь маслом и воздушной субстанцией. Прокаленная земная часть вместе с составляющей ее золой находится снизу, где пребывает соль, которая выделяется в ходе промываний и растворов в воде, после чего остается только прах, убираемый частым промыванием. В итоге получается песок, способный остекловываться.

Вот то, что касается одного из отходов жизнедеятельности огня, который, не довольствуясь этим и стремясь в пылкости и горении к своей естественной противоположности, поднимает вверх определенную долю этих тончайших субстанций. Приноровимся к купелированию металлов. Мы видим, что часть расплавленного свинца уходит в испарении, как и при огне, от которого образуется сажа; другая часть металла, а именно селитряная, сгорает, и третья часть оседает в сосудах по виду подобная стеклу или эмали. Уловить состояние двух первых летучих частей никак невозможно, ибо они удалились и рассеялись, но разбейте чаши, объятые остекловыванием,

⁵¹ Вот одерживающий верх над всеми иными влажностями и изгоняющий их огонь сражения. — *Прим. пер.*

и промойте хорошенько их теплой водой, чтобы очистить от разного рода грязей и нечистот. Затем поместите их с винным камнем и селитряной солью в емкость под сильное воздействие огня кузнечных мехов. Тогда через нижнее отверстие будет спускаться металлосодержащее вещество, купелированное с новым свинцом, что вы сможете получать непрерывно, все больше и больше повторяя вышеописанную процедуру.

Итак, если бы кто-нибудь набрался терпения и пожелал превратить свинец в регулярный и непрерывный огонь, которому бы уже никогда не досаждала плавка, когда свинец всегда бы пребывал в нем в расплавленном состоянии, то он должен сделать следующее. Необходимо добавить сюда малое количество ртути и сублимата для предохранения от кальцинирования и выпадения в порошок металла. По истечении некоторого времени обнаружилось бы, что Фламмель вовсе не шутил, сказав об устойчивом зерне, в потенции содержащемся в свинце и, разумеется, в золоте и серебре, от которого они умножаются и возрастают, подобно плоду, созревающему на фруктовом дереве.

Возвращаясь к маслам продолжительного горения — об этом необходимо составить внушительный том, чтобы рассмотреть хотя бы часть из них, скажем, что они извлекаются из винного камня, лучшие образцы которого имеются в Монпелье и произрастают в тамошних бочках. Но что важно знать тем, кто испытывает это вещество огнем: оно относится к взры-

воопасным предметам. Возьмите растолченный в порошок винный камень, положите в керамический плотно закрытый сосуд с предварительно налитой туда чистой ключевой водой, и, поставив это на жаровню или в печь, на медленном огне доведите до кипения; снимите накипь и пену пером, а всплывшие затем серебристые пластиночки собирайте в стеклянный чан или в большие морские раковины до тех пор, пока они не прекратят появляться, подливая воду в сосуд по мере ее выпаривания. Потом, наклонив сосуд, вылейте воду и отложите в сторону то, что останется на дне вместо песка. Положите пластиночки в новую воду и кипятите на медленном огне, как и прежде, и собирайте, отделяя от попадающей накипи, всплывающие пластиночки, более прозрачные и светлые, чем в первый раз.

Повторяйте это шесть или семь раз, пока пластиночки не станут чистыми и светящимися как серебро или жемчужины. Просушите их на солнце или перед огнем на скатерти и переложите в реторту с открытой задней вытяжкой; усиливайте постепенно огонь, и тогда через горлышко реторты потечет похожая на молочный ручеек струйка, которая внутри реципиента уплотнится в масло. Прodelайте это один или два раза с песком или солью винного камня, прокаливая винный камень в неглазурованном парижском земельном горшке на отражательном огне или углях; затем растворите это в теплой воде, отфильтруйте и поставьте остывать.

Вы получите белую соль, которая, превращаясь в жидкость, называется маслом винного камня, и, будучи хорошо прокаленной, сама доходит до влажного состояния. Данная жидкость обладает большой действенностью, заглушая и искореняя все виды других. Но из песка, осевшего на дне и не захотевшего подняться в пластинках, извлекается иное намного более тонкое и менее возгораемое масло.

Однако с винным камнем можно распорядиться и по-другому. Мы остановимся на этом месте, чтобы показать соответствие винного камня саже. Тождественно тому, как сажа — отход огня, винный камень является отходом вина, которое обладает большим сходством с огнем.

Итак, возьмите растолченный в порошок винный камень, содержащийся в глазурированной керамической посуде; налейте сверху теплой воды, перемешав хорошенько все палочкой и, немного отстояв это, слейте ее, проследив предварительно, чтобы вода сумела немного соединиться с винным камнем, содержащимся вместо праха в иной миске. Залейте снова винный камень теплой водой и повторяйте это до тех пор, пока вода в сосуде не станет чистой и прозрачной, что произойдет на пятый или шестой раз. Тогда на дне вы обнаружите выше-названный песок, который после просушки будет растворяться только в дистиллированном уксусе, но не в обыкновенной воде. В малом количестве растворить его в силах только спирт в том случае, если даже оба вещества не пожелают между собой взаимодействовать.

Промойте осадок обычной водой и не спеша просушите. Затем поместите содержимое в реторту, подогреваемую на хорошем огне, и постепенно усиливайте его: тогда будет выделяться пахучее масло, похожее на холодец. Таков один из секретов Раймонда Луллия, являющийся главным ключом и вратами к растворению металлов. Извлеките содержимое со всплывшими, как и прежде, на поверхность пластинками. И хотя можно слишком много говорить о винном камне, но все изложенное здесь никак не сведения профанов, а итог наших тщательных экспериментов.

Об уксусе: после того, как его дистилляция достигла прозрачности и начали появляться белые пары, представляющие его горючую маслянистость, положите оставшийся от него осадок (необходимо иметь его достаточное количество) в погреб или иное прохладное место, и через пять или шесть дней там образуются маленькие кристаллические камешки. Соберите, промойте их в обычной воде и высушите: из них выделится масло не меньшей изысканности. Все это, разумеется, великие субстанции, получаемые из вина благодаря огненному искусству.

Большинство горючих масел, которых мы коснулись выше, обладают крепким и неприятным запахом, будто бы чувствуешь копоть от их горения, почему их должно выставлять на солнце в течение нескольких дней, то есть просушивать на солнце и воздухе, чтобы их оставило это неприятное свойство. Взамен у нас пойдет здесь речь об особенностях доброго и

приятного маслянистого аромата. И в первую очередь того, которым пользуются парфюмеры: он не имеет ни цвета, ни вкуса и восприимчив всеми, кто его желает применить. Пройдя через песок для своей очистки, маслянистый аромат будет весьма стойким и без дурных привкусов, но слишком дорогим. Относительно оливкового, кадильного, конопляного и кунжутного масел и им подобных, что редкость в наших местах, то выдавливаются они в точильне под воздействием жара огня и, неоднократно пройдя через пресс, не оставляют никакого стойкого запаха; еще меньше они его имеют после продолжительной очистки и обработки.

Шалфейное, перечное, а также масло чабреца добываются при помощи особого приспособления, но это ремесло знакомо даже горничным, и здесь мы не будем о нем рассуждать. Менее известна и требует определенной искусности добыча росного ладана или его смолы. Итак, возьмите росного ладана и, раздробив в грубый порошок, поместите в реторту с высококачественным спиртом, который накроет порошок на три или четыре пальца. Оставьте их в течение двух или трех дней на умеренном огне нагревающей золы, а чтобы спирту не удалось отстояться, помешивайте время от времени состав. Сделав это, приспособьте реторту на печи к емкости, наполненной песком. Очищайте на медленном огне спирт, возгоняя его постепенно до появления бесконечного множества маленьких иголок или волокон, каковы растворения свинца и ртути. Последнее ясно показывает, из чего

состоит росная смола. Ибо она состарилась в меди и омолаживается в золоте, и помещенная в отвар гваякового дерева производит удивительные эффекты, наподобие винного камня, который содержит много ртути. Когда покажутся волокна и иголки, поддерживайте тот же уровень огня, предоставив им играть внутри реторты еще какое-то время, пока они не исчезнут вовсе.

Изготовьте палочку, которой можно проникать через горлышко внутрь реторты, поскольку иголки будут претворяться в фиксирующийся осадок, и если вы их не уберете, то сосуд лопнет. Когда эта камедь или осадок устранился, по форме напоминая собой сливочное масло, будучи удаленным в реципиент, тогда начнется дистилляция прекрасной, светлой, гиацинтового цвета и резкого запаха маслянистой жидкости, после чего при усилении огня из реторты выйдет и другая — более плотная и черная, и ее нужно отложить в сторону. Промойте извлеченную вами из горлышка реторты белесую камедь спиртом, дистиллированным в самом начале, из которого при соприкосновении с веществом выделится тинктура лимонного цвета как шафран, сделав камедь намного белее, очень приятного запаха, готовую придать моленным четкам такой аромат, какой вам заблагорассудится. Выпарьте спирт, и на дне останется эта желтая благоухающая тинктура, обладающая прекрасными качествами и свойствами. Черное масло является превосходным бальзамом от всех ранений, а из осевших частиц земли

можно извлечь соль большой эффективности. Таким образом, вы получаете из росной смолы пять или шесть субстанций: белую камедь с желтой тинктурой, два масла и соль.

Спирт представляет собой главный компонент на заключительном этапе, без которого ничего не возможно: спирт необходим для стиракса, каламита, ладана, мирра и прочих смол, выделяющих при его посредничестве масло. Сам процесс здесь протекает аналогично, как и с росной смолой, и все же нельзя полностью смешивать эти вещи. Из мирры выделяется еще жидкость, способная выводить пятна и следы дубильных веществ и других кислот. Сварите вкрутую яйца и, разрезав их напополам, выньте оттуда желток, затем заполните полое место крупичками мирры, соединив обе части яиц. Затем выставьте их на три или четыре дня на росу в темное место, чтобы туда не проникал солнечный свет, и содержимое яиц превратится в жидкость, похожую на мед или плотную росу. То же самое делает и ладан.

Из *сульфура* одинаково выделяется горючее масло под воздействием спирта и иными путями, поскольку сера состоит из двух субстанций: одной — горючей; другой — глиноземистой и купоросной, неподвластной огню, от нее и происходит жидкость, называемая серным маслом. Она обладает более сильными качествами и свойствами, чем серное масло, самое едкое и жгучее, пусть даже при таких ужасных заболеваниях, как язва, воспаление десен, зубная боль и раковая опухоль, оно влияет умереннее. Итак, сделайте

сначала фитиль из хлопковой нити толщиной в маленький палец и длинной в два локтя; затем обмажьте его воском, смешанным со скипидаром, как бы для изготовления свечей.

Возьмите глазурованный глиняный парижский горшок и положите туда слой серы грубого помола и охватите вокруг вашим фитилем; повторите то же самое, пока горшок не наполнится: сверху вы оставите небольшой конец фитиля, чтобы его зажечь (сюда подошла бы и прекрасная хорда от аркебузы). Поместите ваш горшок под дымоходом и подвесьте сверху колпак-алембик, чтобы его отверстие сообщалось с горлышком горшка; однако для начала необходимо оштукатурить и промазать всю глину на толщину доброго дюйма, и нельзя, чтобы она плотно прилегала к горшку: между ними должно быть отверстие размером в дюйм. Зажгите фитиль, сделав так, чтобы загорелась сера, выделяя маленькую белую дымку, которая будет собираться в колпаке-алембике и там превращаться в жидкость цвета белой розы с желтым окаймлением, а оттуда стекать в реципиент, присоединенный вами с этой целью к носику колпака-алембика. Все это лучше делать в мягкий период южных и низовых ветров, но не в сухое время.

Мы столь подробно остановились на этих маслах, поскольку они производятся главным образом под воздействием огня, о котором у нас и речь, и нет большего сходства у него ни с чем, кроме жирных масел, маслянистостей, резиновых и черных смол, камедей, терпентинов и других возгораемых веществ, служащих

ему подлинной пищей и прокормлением. И если мы собираемся отправиться в морское путешествие, то нет опаснее угрозы всякому судну, чем одна искусственная вещь, обыкновенно называемая “греческим” огнем, различные виды которого не гасятся водой. Основу его составляют сера и битум, черная и резиновая смола, терпентины, канифоль, фаркоколь (*farcocolle*); льняное, керосиновое и лавровое масла; селитра, камфора, сало, жиры и другие легко воспламеняющиеся маслянистости.

О греческом огне велась речь у Плутарха в его несохранившемся трактате; позднее у Зонары (III том) в жизнеописании Константина Погоната, где повествуется, что в год от Рождества Христова шестьсот семьдесят восьмой сарацины осадили Константинополь, и один инженер по имени Каллиник сообщил искусство этого огня, благодаря которому флотилия сарацин была уничтожена. Но с появлением пушечного пороха и средств, полученных с его помощью, искусство греческого огня ушло в забвение; и теперь из пороха состоит большая часть нашей пиротехники, зажигательных плашек и фитилей, фейерверков, гранат, патронов с взрывчатым веществом, петард, ракет и бесконечного множества другого, о чем мы не намерены распространяться подробнее.

Итак, возьмите фунт селитры, восемь унций серы и шесть унций артиллерийского пороха. Соедините их в один состав для гранат и разрывных плашек. Но чтобы придать огонь дереву и схожим возгорающимся веществам,

смешайте фунт смолы, четверть фунта черной смолы, три унции канифоли и пять унций серы. Раздробите камедь и бросьте в расплавленную серу; после того, как все остынет, потолките их снова и растворите в лавровом или льняном масле. Существует и другой состав, более сильный, но и более опасный. Расплавьте фунт серы в глазурованной миске, киньте туда четверть фунта пороха в крупных зернах и столько же селитры, и осторожно перемешайте их железной палочкой. Уберите с огня и дайте просохнуть. Смесь вышеназванных средств, производит потрясающий эффект. К ней добавляют также немного дробленого стекла, которое, накаляясь, постепенно раскаляет все вещество в процессе возгорания, делая его жар сильнее, жестче и продолжительнее. Камфора способствует возгоранию в воде, что делают и все жиры, особенно терпентиновое масло, получаемое посредством выпаривания: и нет ничего более тонкого и более воспламеняющегося, чем оно. Но довольно исследовать руины рода человеческого, ведь всякий, вознамерившийся обозреть их разом, никогда не сумеет завершить свое дело.

Однако, воздавая им должное, возвратимся к оставленной теме двух огней: высшего, олицетворяемого Палладой или Минервой, и нижнего — Вестой. Оба они, сколь бы не различались между собой, имеют общее сходство, позволяющее весьма легко превращаться из одного в другого. Ибо солнечный луч полыхает огнем в колбе, наполненной водой, как полагает Плутарх в жизнеописании Нумы, или от зажи-

люди не воспринимали бы символы и таинства поверхностно и буквально, подобно иудеям, у которых позаимствовали большую часть всех своих значимых преданий, распознали бы ли тогда сокрытое и преобразованное в них, и есть ли смысл верить в то, что они из них сотворили? Некоторые ссылаются на то, что, дескать, священный огонь весталок зажигался наподобие огнива, пробиваясь между двумя трущимися одного с другим небольшими деревянными брусками, или пробуравливаемых сверлом, как полагает Фест и Симплиций в комментариях на 3-ю книгу трактата Аристотеля *“О небе”*. Плиний Старший в 4-й главе 16-й книги *“Естественной истории”* пишет: *“Растираются один о другой оба бруска, откуда возникает огонь, который передается на запальное устройство, сделанное из хорошо просушенных и превращенных в порошок листьев, или на фитиль из древесного гриба. Но нет ничего лучше очищенного плюща с лавром”*.

То же самое, но немногим современнее, обнаруживаем у дикарей Вест-Индии. Как сообщает Гонсало д'Уiedo (Goncalo d'Ouedo) в 5-й главе VI книги своей *“Естественной истории”* тамошних мест, туземцы связывают две очень сухие палочки и на стыке, с усилием и часто вращая ее обеими руками, просверливают отверстие третьей округлой палочкой, пока от растирания и постепенного разрежения воздуха не произойдет возгорание. От этого нового свечения, чтобы показать, что нам нужно возродиться к лучшей и более достой-

ной жизни, не отстоят далеко и обряды христианской Церкви, когда в канун Пасхи и Пятидесятницы на водосвятие делают большую новую свечу, от которой возжигают все иные лампы и свечи. Что касается огня Мозеса, ниспосланного небом и пылавшего вплоть до постройки храма Саломона, то он был опять возобновлен с небес и поддерживался до времени Манассии.

Это продолжалось до тех пор, пока иудеи не оказались в вавилонском плену, и левиты спрятали огонь на дне колодца, где вновь нашли его по возвращении семьдесят лет спустя в виде вязкой и беловатой воды, о чем говорилось прежде. Рассказывая о коринфянах, Павсаний передает, что от правления Антигона, сына Димитрия, около города Метаны возник горячий источник, но поначалу он появился не в воде, а в огромных языках пламени, которое превратилось в горячую и соленую воду. Впрочем, святой Амбросий Медиоланский, толкуя о беловатой воде у левитов в 3-й книге своих *“Официй”*⁵², считает, что сие доказывало непрерывность огня, который нигде на другом месте не приживался. И потому священнослужители не должны были признавать ни иного бога, ни иной религии, ни иных ритуалов, кроме как обрядов, установленных по наитию Духа Святого, явленного в огне, ибо нельзя не видеть произошедшего с собственными детьми Аарона Надабом и Абигом, когда они решили служить Богу чуждым огнем: *“Надаб и Абигу,*

⁵² De Officiis Ministrorum. Libri Tres. — Прим. пер.

сыны Аароновы, взяли каждый свою кадильницу, и положили в них огня, и вложили в него курений, и принесли пред Господа огонь чуждый, которого Он не велел им; и вышел огонь от Господа и сжег их, и умерли они пред лицом Господним". Лев. X, 1, 2.

Следовательно, всякое ложное учение, идолопоклонство, ересь и нечестие предстают чуждым огнем, пожирающим душу, подобно лихорадке сжигающей тело с жизнью, которая его поддерживает; там же, где нисходит истинный огонь Святого Духа, он просаливает наши сердца и души, охраняя их от разрушения, о чем воскликнул пророк Иеремия, когда воспринял этот огонь: *"И подумал я: "Не буду я напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его"; но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я не истомился, удерживая его, и не мог"*. Иер. XX, 9. О том, что Дух Святой бывает не только светом, но и собственным огнем, сказано у Писании: *"Свет Израеля будет огнем, и Святой — его пламенем, которое сожжет и пожрет терны его и волчцы его в один день"*. Ис. X, 17. И поскольку средство для прижигания, составленное из горючих и огненных солей, уже не может воздействовать на омертвевшую, бесчувственную и лишнюю своего естественного тепла сущность, постольку и Дух Святой не в состоянии врачевать охладевшие и очерствевшие сердца, которые не обратят никакого внимания на его искры и семена. Ибо в сердцах этих уже запечатлено осуждение: одинаковым образом тепло Солнца и огня способно лишь еще

более иссушить отвердевшую землю, но не размягчить ее, растворив, что могли бы сделать воск, масло и жиры — *ибо подлинные деяния пребывают в состоянии покоя.*

Отсюда мы видим, что необходимы совсем иные усилия на различные предметы, прямо противоположные воздействию огня, когда он окрашивает в черный цвет уголь и доводит жар до белого каления, запечатлевая так свою силу. Но огонь привычно тушится благодаря воде, которая в данном случае воспламеняет и оживляет огонь, находящийся в латентном состоянии в тепле. По этому поводу возникает прекрасное размышление: если всякий огонь является символом жизни, то вода — отражение противоположности, угасания огня и, следовательно, смерти; вода всегда устремляется вниз, огонь — ввысь, где зиждется и преобразуется жизнь.

Страбон в XV книге "Естественной истории", рассказывая о брахманах, полагает, что понятие, называемое нами смертью, есть обновление жизни, когда земная жизнь предстает как бы зачатием и пределом, который завершается порождением в смерть, дабы через нее пройти в жизнь вечную. Это сумел прекрасно выразить и Сенека: *"Тот день, которого ты боишься как последнего, будет днем рождения к вечной жизни. Сбрось груз! Что ты медлишь, как будто уже однажды не покинул прятанного тебя тела? Ты мешкаешь, утираешься, но и тогда тебя вытолкнуло величайшее усилие матери. Ты стонешь, плачешь; плакать — дело новорожденного, но тогда тебя можно было*

простить: ты появился неразумным и ничего не ведающим, тебя, едва покинувшего мягкое тепло материнской утробы, овеял вольный воздух, а потом испугало грубое прикосновение жестких рук, и ты, нежный, ничего не понимающий, оторопел перед неведомым.

Теперь для тебя уже не внове отделяться от того, частью чего ты был; так равнодушно же расставайся с ненужными уже членами и сбрасывай это давно обжитое тело. Его рассекут, закопают, уничтожат. А ты что печалишься? Это дело обычное! Ведь оболочка новорожденных чаще всего гибнет. Зачем ты любишь как свое то, что тебя одевает? Придет день, который сдернет покровы и выведет тебя на свет из мерзкой зловонной утробы". И немногим ранее он передает еще выразительнее, по-христиански: Лучшие скажи о том, что согласно Природе наш дух должен стремиться в бескрайнюю ширь, ибо душа человека — вещь великая и благородная и не допускает, чтобы ей ставили иные, нежели богам, пределы. Во-первых, она не согласна, чтобы родиной ее были ничтожный Эфес или тесная Александрия или другое место, еще обильнее населенное и гуще застроенное. Ее граница — все то, что опоясывается последним и всеобъемлющим кругом, внутри которого лежат земли и моря, внутри которого воздух соединяет и вместе разделяет божественное и человеческое, внутри которого расставлено по местам столько божеств, чтобы каждое делало свое дело. Во-вторых, она не принимает отпущенного ей короткого

срока: "Мне принадлежат, — говорит она, — все годы, ни один век не заперт для великого ума, и все времена доступны мысли. Когда придет последний день и разделит божественное и человеческое, перемешанные сейчас, я оставлю это тело там, где нашла его, а сама вернусь к богам. Я и теперь не чужда им, хоть и держит меня тяжкая земная темница". Этот медлительный смертный век только пролог к лучшей и долгой жизни. Как девять месяцев прячет нас материнская утроба, приготавливая, однако, жить не в ней, а в другом месте, куда мы выходим, по-видимому, способные уже и дышать и существовать без прежней оболочки, так за весь срок, что простирается от младенчества до старости, мы зреем для нового рождения. Нас ждет новое появление на свет и новый порядок вещей. А без такого промежутка нам не выдержать неба⁵³". Это отнюдь не нарушает традиций нашей церкви, которая отмечает праздники Мучеников в день их смерти и мученичества.

Подытожим вышесказанное о четырех мирах, — светящемся умозрительном; сияющем и теплом — в смысле своего движения — небесном; нижнем элементарном, сияющем, теплом и горящем; и только горящем мире преисподней. Итак, три свойства огня суть светить, согревать и гореть; они вызывают различные и противоположные сами по себе послед-

⁵³ Луций Анней Сенека "Нравственные письма к Луцилию". Пер. С.А.Ошерова. М.: "Наука", 1977. Письмо СII. — *Прим. пер.*

твия. Их воздействия простираются почти до бесконечности даже в элементарном мире, с которого и начнем, поскольку он наиболее близок для наших чувств.

Очень авторитетный среди евреев раббин Эльхана считает, что десять пальцев на руках, направляемые и ведомые рассудком, способны создать больше разнообразных произведений, нежели звезд на небе, ибо большинство из них происходят от воздействия огня, от которого зависят все пригодные для работы средства. Одинаково огонь служил и первобытным людям, не имевшим кроме него вспомогательных орудий. Наблюдая за его горением, можно прекрасно увидеть, что нет ничего более сияющего и стремительного, чем огонь, который является причиной всякого движения: *"sublato enim calore nullus fit motus"*⁵⁴, по словам химического Философа Альфидия. И это огненное движение сопровождается очищением. Согласно Раймонду Луллию: *"Nam ignis non vult nisi res puras"*⁵⁵. Ведь огонь не только самая чистая сущность из всех остальных, но еще и чистящая: он санирует и очищает все от тленного, на что воздействует: *"Lavabit Dominus sordes filiorum Israel, spiritu combustionis"*, или *"Когда Господь омоет скверну дочерей Сиона и очистит кровь Иерусалема из среды его духом суда и духом огня"*. Ис. IV, 4. Вот почему греки называют его *αἰνισκος*, то

⁵⁴ Скрытый в нем жар не производит никакого действия. — Прим. пер.

⁵⁵ Действительно, огонь жаждет очищения всякой вещи. — Прим. пер.

есть очистительный, а равно и *καθαρος* или *καθαρις*, очищение, производимое огненной природой, о чем нам свидетельствует ежегодный праздник, именуемый Сретением.

Во всех церквях Востока, когда читают евангелие, зажигают свечи, что мы делаем в означенный день Очищения, и это знак праздника, символом которого предстает огонь. Повинуясь сему, мы возжигаем огни в день святого Иоанна Крестителя, соглашаясь с написанным в Евангелии: *"In nativitate ejus multi gaudebunt"*, или *"И будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются"*. Лк. I, 14. И огни радости также присутствуют на чествовании счастливых событий, связанных с победой или с рождением детей королевской крови и с другими знаменательными поводами. Мы уже сообщали, что в Писании (Чис. XXXI) говорится о двух очищающих элементах — огне и воде; и нашему водному крещению сопутствует восковая свеча, которой освещается принимающий крещение, когда его держат над купелью; свеча — Церковь, установленная свыше в огненном столпе, охранявшем израэльтян ночью, хотя днем их покрывало облако — крестильная вода.

Об этом дает понять и святой Иоанн Креститель: "Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем". Мф. III, 11. Ибо огонь одна из отметин Святого Духа, через которую даруется благодать, нисходящая на апостолов в день Пятидесятницы. Деян. II. Слишком суеверные в

данном вопросе стоики придавали такое значение огненному элементу, что говорили о нем как о живом, премудром создателе мироздания и всего в нем заключенного. Кстати, именно это отличало и Премудрость, по сказанному нами выше: *"Omnium artifex me docuit Sapientia... quae omnibus mobilibus mobilior est; attingis enim ubique propter suam munditient"*, или "Познал я все, и сокровенное и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего. Она есть дух разумный, святой, едиnorodный, многочастный, тонкий, удобоподвижный, светлый, чистый, ясный, неврединительный, благолюбивый, скорый, неукротимый, благодетельный, человеколюбивый, твердый, непоколебимый, спокойный, беспечальный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие духи. Ибо премудрость подвижнее всякого движения, и по чистоте своей сквозь все проходит и проникает". Прем. VII, 21-24.

Здесь оба свойства огня — движение и чистота, отданы Премудрости. В общем и целом она достойна быть Богом, как полагает святой Августин ("Град Божий", кн. VIII, гл. 5). Зогар в своем возвышенном созерцании ссылается на "Книгу Исход" и отрывок у Данииля⁵⁶: "Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями, одеяние на нем было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь". Дан. VII, 9.

⁵⁶ Даниель — דָּנִיֵּאל, в русск. пер. Даниил неверно. — Прим. ред.

Зогар говорит далее, что в этом пламенном огне омывались облачения душ, восходивших ввысь, очищаясь там от застаревшей пены змея, но сами не уничтожаясь: они лишь избавлялись от собранной на них грязи.

Весьма сильно выражено, поскольку на опыте мы видим, что жиры очищаются только иными жирами, и одни уносятся вторыми, как это делают мыло и стиральные средства, содержащие жирные и маслянистые соли; и если бы не было именно так, они бы не смогли одолеть маслянистости и жиры, о чем свидетельствует по своему противоположному естеству обычная вода, вполне безопасная для жира, природа которой не позволяет с ним соединиться и слиться; а там, где не образуется смесь, не происходит и изменения: *"Quia quod non ingreditur, non alterat"*⁵⁷, — говорит Гебер. И поскольку соли состоят из огненного естества, для них характерны тождественные с ним свойства и эффекты, заключающиеся в очищении и избавлении от грязи и нечистот. И как соль (следуя тому же Зогару) мешает тлению, которому подвержена всякая брeнная вещь, так и огонь божественной любви и богопознания, возгораясь в душе, очищает ее от телесных привязанностей. И, стараясь должным образом избавиться от этого и сохранить затем в своей чистоте, огонь истребляет и уничтожает обретенную душой нечистую пену, облекая ее новым и светлым огнем. А иначе и быть не может. Ибо если бы человек не пользуется этим чистым огнем,

⁵⁷ Все, что не слагается, неизменно. — Прим. пер.

то херуб⁵⁸ с пламенеющим мечом (Быт. III), стоящий на страже врат райского сада и преграждающий доступ к древу жизни, не позволил бы ему входить туда, откуда были изгнаны наши прародители и мы по наследству вместе с ними из любопытства испробовать познание добра и зла.

До сих пор никто не сумел найти более подходящего к нашей теме, чем сказанное в Зогаре: *“Всякий человек будет просолен огнем, а всякая жертва — солью”*. Ведь просаливать его на том самом месте, чистить и очищать суть одно и то же, что просаливать его и возжигать, исходя из тождественности эффектов: *“Ure renes teos, et cor teum”*, или *“Искуси меня, Господи, и испытай меня”*. Пс. XXV, 2. Там горение, согласно евреям и халдеям, установлено в оправдание и очищение. И у Захарии: *“Uram eos sicut uritur argentum...”*, или *“И расплаблю их, как плавят серебро, и очищу их, как очищают золото”*. Зах. XIII, 9. Это соответствует тому, что говорит апостол: *“Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потер-*

⁵⁸ Херуб — כְּרֻב, множ. чис. כְּרֻבִּים, херубим, перевод херувим неверен. — Прим. ред.

пит урон; Впрочем сам спасется, но так, как бы из огня”. 1 Кор. III, 11-14.

Святой Августин целиком цитируя этот фрагмент в 26-й главе 21-й книги “О Граде Божьем”, видит в “сгоревшем деле” плотно охватившую человека суетность века сего, которой не будет в ином мире, ибо ей должно стереться и истребиться в огненном чистилище: *“Quod enim sine illiciente amore non habuit, sine dolore urente non perdet”*, или *“Ибо чем обладал он не без обольстительной любви, с тем расстаётся не без жгучей скорби”*. Впрочем, сам спасется, как бы пройдя через огонь, ибо никакое бедствие не могло сдвинуть его с основания.

Святой Амбросий Медиоланский говорит на сей счет в своей “Проповеди”, посвященной CXVIII псалму: *“Вся наша Церковь подобна чистому золоту: когда она светит, то не приемлет в себе никакого изъяна, ведь светоч и сияние ее все большие и больше увеличиваются”*. Персы считали, что если человека сжигали добровольно, то душа его очищалась от всех беззаконий и преступлений, истребляемых огнем вместе с телом; на это решились немногие: среди них индеец Калан⁵⁹ и некоторые другие так поступившие. Но вместо этого мы имеем крещение (ибо Бог не желает, чтобы мы молниеносно ускорили наши дни), которое во время совершения

⁵⁹ Калан, Calanus, Κάλανος — один из так называемых гимнософистов или брахманов, с которым познакомился в Индии Александр Македонский; он сопровождал Александра в Персию и, захворав, окончил свою жизнь добровольной смертью на костре. Cic. tusc. 2, 22. div. 1, 23 и 30. — Прим. пер.

омывает и очищает нас от всех предыдущих проступков: кто-то по заблуждению насколько можно дольше ожидал его принятия; прочие крестились для других, уже умерших. 1 Кор. XV. В Эфиопии один из заговорщиков против негуса⁶⁰ или самого императора крестился до своего ареста и был признан невиновным.

Итак, свойство огня в первую очередь освещать и светить, и здесь у него общность с Солнцем, пусть последнее и связано с ним через огромное расстояние. Согревать, растворять и печь, функции, пребывающие в ведении солнечного светила, но исполняет оно это довольно примитивно, что можно видеть по плодам земли. Ибо естественное тепло не доводит их для нашего употребления до последней и совершенной степени зрелости, и необходим дополнительный огонь, чтобы устранить недостаток тепла и приготовить пищу, ведь в сыром виде мы с трудом бы ее усваивали. Но сваренная или испеченная на огне она легче переваривается нашим желудком и, являясь более вызревшей, меньше подвержена порче. К тому же огонь, отделяя чуждые и несоответствующие ему вещи, устраняет их пагубный избыток. Среди них изгоняемая прочь водянистая влага, истребляемая и сгораемая вместе с остающимися в ней частицами земли жирная маслянистость; в завершении он собирает и соединяет в одно новое целое чистые однородные сущности, состав которых складывается из души, духа и тела, которые соответствуют трем мирам: душа —

познаваемому; дух — небесному; и тело — элементарному. Однако здесь нет ни разумной или чувственной души, ни имеющегося у животных жизненного духа, кроме субстанций, их уравнивающих. Это можно видеть на примере стекла, представляющего собой образ Философского Камня, способ изготовления которого нашел Раймонд Луллий. На вопрос, кто сумел бы достичь этого, Луллий отвечал: *"Ille qui sciet facere vitrum"*⁶¹, ибо способы производства того и другого схожи. Сия тончайшая субстанция должна быть той, что обнаружена менее ста лет назад на древнем месте погребения в Падуе: на нее указывали Гермолай Барбар (Hermolaus Barbarus) в примечаниях к Плинию и Аппию в своих исследованиях древностей в найденной стихотворной надписи:

*"Namque elementa gravi clausit digesta labore
Vase sub hoc modico, maximus Olybius"*⁶².

Римлянин Мориен, обращаясь к халифу Египта Калиду, пишет: "Если кто-нибудь сумеет хорошо очистить и убелить свою душу, восхитив ее ввысь, и сможет тщательно соблудности свое тело, избавив его от всякой тьмы и черноты с ужасным запахом, он будет способен тогда привлечь в свое тело в час его соединения с душой великие чудеса".

⁶¹ Всякий, кто умеет делать стекло. — Прим. пер.

⁶² Где в элементах запечатлено прекрасное деянье, Оно в сосуде маленьком Олибия Максима пребывает. Antologia veterum latinorum epigrammatum, t. 2, "Liberti Patronia" № 1454, Lipsiae, 1835; digessit et auxit Henricus Mayerus. — Прим. пер.

⁶⁰ Негус — титул монарха в Абиссинии. — Прим. ред.

Разес в своем письме говорит: *“Итак, каждая душа соединяется со своим первоначальным телом, которое никоим образом не сможет слиться с другой душой; отсюда в будущем они никогда не станут больше разделяться, ибо тогда будет славное тело, обретшее нетление, тонкость и невыразимый свет, с помощью которого оно проникнет во все вещи, какими плотными они бы не оказались, ибо его естество будет полностью духовным”*. Здесь видно и заимствование у Гермеса Трисмегиста: *“отнет rem solidam penetrabit”*⁶³.

Удивительная вещь: химические Философы, предаваясь столь материальным вещам как металлы и всему от них зависящему с их огненной трансмутацией, под покровом и завесой этого искусства разумели возвышенные таинства сверхчувственного мира. И, кроме того, особенно точно понимали воскресение, в котором прославятся тела, получив свое духовное естество, и действиям человека уже не сможет противостоять никакая вещественная преграда. Это весьма близко словам апостола: *“Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею, а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное”*. 1 Кор. XV, 44-46. Впрочем, я знаю один способ, изобретенный мной в различных вариантах: спалив траву и выделив из ее золы соль, затем нужно засеять ею землю, и там вырастет такая

же трава. Однако нужно, чтобы горение осуществлялось в хорошо закрытом сосуде, о чем скажем после соли.

Но приведем здесь иной из наших опытов, который не должен быть неприятным: налейте поочередно друг на друга три жидкости, чтобы они не смешивались и не сливались бы воедино; даже если и будет некоторая смежная болтанка, она не повлияет на их положение и раздельность: все это вместе представляет собой четыре элемента в маленьком стеклянном сосуде, где немного черной крупно дробленой эмали займет место земли на дне. Вода готовится в следующем порядке: возьмите кальцинированный винный камень или почти одинаковую с ним порошок золы и высыпите это в воду. Сделав раствор насколько можно прозрачней, смешайте его с небольшим количеством частиц медного купороса, придав всему цвет моря. Учтите правило, хоть это и было бы сказано по ходу всякому, кто подвизается в спагирическом искусстве.

В самом простом из водных растворов, что происходит само по себе, соли и квасцы очищаются и утончаются лучше, нежели в двенадцати или пятнадцати растворах с присутствием там винного уксуса и других подобных растворителей. Впрочем, все растворяющееся принадлежит к естеству соли или квасцов, как считает Гебер. Для воздуха приготовьте высококачественный спирт, который окрасьте небесной синью и малым количеством настоя из лепестков подсолнуха (лакмуса); для огня — росное масло. Но поскольку оно очень редкое, то возь-

⁶³ Чрез плотность всякой вещи проникает. — Прим. пер.

мите терпентиновое масло, приготовив следующим образом: очистите его от скипидара в бане Марии; тогда вода и масло поднимутся наверх, сделавшись белее и прозрачнее, а масло будет на поверхности воды. Процедите их через стеклянную воронку и окрасьте масло в огненный цвет алканной красильной и шафраном. И три жидкости, как бы усиленно вы их не болтали, не смешаются, ибо моментально разделятся, всплывая друг над другом. Из скипидара, который останется в алейке на огне более сильном, чем при бане, в реторте стоящей на песке выделится плотное красное масло, являющееся превосходным бальзамом. Вода и масло, полученные в бане, способны многому послужить, вплоть до медицины и хирургии в отдельных случаях; особенно белое масло без боли и неприятных ощущений может быстро устранять струпья. Если в вышеуказанной воде вы растворите свинцовую соль, то обретете еще лучший бальзам.

Но здесь необходимо несколько подробнее остановиться на разъяснениях, ведь толкуя об огне и его последствиях, кто помешает нам постичь изобилие вещей нашего долгого труда и обретенного опыта? Это свинцовое масло было одной из величайших тайн Раймонда Луллия и многих других выдающихся личностей, которые могли бы о нем вспомнить, поскольку для них оно стало вратами к восхитительным делам.

Одни, как Рипли и прочие, брали минимум (свинцовый сурик) с трудом растворимого и камедистого свинца, а также свинцовые белила и кальцинированный свинец; со своей сторо-

ны я находил литарг (свинцовую окись), являвшийся по сути свинцом, ибо из одного фунта литарга вы получаете четырнадцать или пятнадцать унций свинца. Растерев это в порошок, залейте сверху кипящим дистиллированным виноградным уксусом и размешайте палочкой; от растворения литарга уксус моментально начнет утяжеляться. Слейте чистую, прозрачную жидкость и повторяйте то же самое с новым уксусом до тех пор, пока литарг не будет растворен. Выпаривайте уксус, который будет бесцветным как вода, пока соль, стусившись, не осядет на дне. Приготовьте соли достаточное количество и положите в реторту, заполнив ее наполовину, и поставьте на печь с открытой задней заглушкой, поначалу давая слабый огонь, так как в реторте может оставаться чуждая влага. И когда, наконец, начнет появляться белая дымка, присоедините к реторте довольно вместительный реципиент, хорошо приладив его в пазы; затем постепенно усиливайте огонь, пока он не сделается очень сильным и реторта не покроется углями; и вы увидите, как тоненькой струйкой стекает маленький ручеек белого, будто молоко, и холодного, будто лед, масла, которое, попав в реципиент, окажется гиацинтового цвета и пахучим, наподобие лавандового масла.

Поддерживайте огонь, пока из реторты не перестанет поступать масло; затем дайте ему отстояться в течение ночи. Вот ваше самое сокровенное масло, о котором Раймонд Луллий наиболее точно выразился в конце своего послания: *"Ex plumbo nigro extrahitur*

*oleum Philosophorum aurei coloris vel quasi: et scias quod in mundo nil secretis eo est*⁶⁴. Все оставшееся в реторте положите сверху на горячие угли, и оно вспыхнет как ружейный запал (отсюда вы откроете секрет: пока содержимое не соприкасалось с воздухом, оно не воспламенялось); тогда опять можно приниматься за растворение свинца в уксусе, продавав все, как и прежде. Но растворенная в воде свинцовая соль, желательно с терпентиновым маслом, превращается в наибольшее количество масла, которое способно творить множество чудес.

Возьмите это масло, называемое Раймондом Луллием “нашим вином” и, положив его в небольшой стеклянный алембик, поставьте в баню Марии и очистите спирт, который побежит прожилками, наподобие вина. Достаньте все, пока капли и слезы скапливаются на стенках алембика, представляющих собой влагу, сосредоточенную снаружи. На дне останется тончайшее масло с растворенным в нем золотом, превосходное для внутренних ран и больших недугов, ибо оно содержит питьевое золото, обладающее свинцом поразительного сходства с золотом, как говорит Гебер: “*cum quo convenit in surditate, pondere, et imputrescibilitate*”⁶⁵. И Джордж Рипли,

⁶⁴ Из черного свинца извлекается масло Философов цвета золота или его подобия: и знай, что в мире нет большего секрета, чем этот. — Прим. пер.

⁶⁵ Ведь он соответствует ему в глухости звука, весе, и неподверженности окислению (гниению). — Прим. пер.

искушенный английский Философ, пишет в своей книге “12 Врат”:

*“Oleum extrahitur inde caloris aurei,
Aut huic simile, ex nostro subtili rubro plumbo;
Quod Raymundus dicebat, cum esset senex,
Multo magis quam aurum esse in precio.
Nam cum propter senectutem vicinus esset morti,
Ex eo fecit aurum potabile,
Quod illum revivificavit, ut videri potest:
Hoc est illud oleum, et vegetabile
menstruum, etc.”*⁶⁶

Что касается “огненной воды”, которая бывает более воспламеняемой, нежели самый совершенный запал аркебузы, то она растворяет серебро в тончайшие кристаллы, плавящиеся на лампадном огне столь же легко, сколь и сливочное масло, но делающиеся нелетучими, как и испытанное огнем серебро. Вот, впрочем, то, что говорит об этом сам Рипли в своем рассказе об алхимии: “*Praeparato corpore, pone desuper banc aquam ad spissitudinem unius pollicis, quae statim ebullies super calces corporis absque alio igne externo, dissolvendo corpus, et elevando illud forma glaciei, cum ipsius aquae exsiccatione. Et sic reiteretur, amovendo*

⁶⁶ “Возникнет масло золотого цвета, иль наподобие его, Из нашего тончайшего свинца рубиновой тинктуры, Которую Раймунд назовет старинной сущностью, Намного действенной, чем золотой металл в изыскестве своем; Ведь в старости своей она плод смерти преодолевает, На ней готовят питьевое злато, Что всякого готово оживить и зрение придать: Она — в том масле и вращенных водах ртути”. — Прим. пер.

*quod elevatum fuerit*⁶⁷. И подытоживая (поскольку этот спирт получается в крайне малом количестве и трудоемок в приготовлении): если на выходе вы пропустите две части воды, растворившей серебро, через одну часть свинцовой соли, то обретете то же самое средство для трансмутации металлов, но не для приема внутрь человеческого организма. Здесь оно никак не должно применяться, разве что после большого подслащивания, когда из половины раствора разделяющей воды выпаривается три или четыре ведра воды, вытекающие изнутри через фильтр, по мере того, как огонь противоестественно вздымает злобными духами разделяющую воду.

Не думайте, что в этом месте мне точно хотелось бы остановиться, ограничившись текстом святого Марка и тем, что зависит от религии. Хотя наша основная цель направлена именно к ней, и мы хотели бы ее расширить посредством делания и развития естества, главным ключом к которым служат алхимия, и отсюда подняться до архетипа, Творца, благодаря каббале. Но мы не желаем также подвергнуть профанации это божественное искусство, когда оно бы послужило лихоимству развращенных невежд, которым ради получения медного гроша не составило

⁶⁷ Приготавливая вещество, налейте сверху этой воды на сгущенную плотность толщиной в большой палец. Как только сильно вскипит растворяемое от внешнего огня растворяемое вещество, то поднимется в виде кристаллов, осушаясь от своей влаги. Так повторяется и удаляется все, что поднимается. — Прим. пер.

бы труда обманывать разными способами весь мир. Так, мы можем раскрывать средство отбеливания меди в серебро при помощи ледяных кристаллов с сопутствующим этому пикантным желто-золотистым блеском золота и его красных как рубин возгонок, размельченных в медной ступке, сублимированных на *"aes ustum"*⁶⁸ и прошедших как серебро через горлышко белой реторты.

Если правильно управлять данными кристаллами, они способны произвести большие изменения в структуре меди, которыми можно злоупотребить, вот почему мы зарекаемся говорить об этом впредь. Мы долго можем рассказывать о том, что приготовление вещества, разумеемого Рипли как серебро, является его кальцинацией и превращением в соль: все в таком виде и образуется; но если для раствора имеется разделяющая вода, то кальцинации достаточно.

Возьмите кусочки листового серебра, как можно тонкие, и положите их в тигель или маленький неглазурованный глиняный парижский горшок. Эти пластинки должны быть положены слой на слое с заранее приготовленной солью, растворенной в обыкновенной воде, затем отфильтрованной, сгущенной и растрескавшейся. Поставьте состав на десять или двенадцать часов на раскаленные угли (было бы лучше это делать в печи реверберации); выньте содержимое из огня и положите его еще теплым в глазурованную миску,

⁶⁸ Жженая медь, киноварь. — Прим. пер.

наполненную водой: соль растворившись внутри и став кальцинированной серебром, осядет на дно. Дайте составу хорошо отстояться и слейте жидкость; потом подвергните опять серебро кальцинации новой солью (выпаривайте из воды растворенную соль, которая по качеству будет не хуже новой).

Повторите все это три или четыре раза, пока серебро не превратится в известь, способную легко раствориться в дистиллированном виноградном уксусе, ибо серебро, свинец и железо с легкостью распадаются; одинаково и медь, если взять ее из медного купороса; олово — еще лучше; но золото — лучше, чем все остальное, поскольку кальцинация его очень затруднительна, что весьма хорошо сумел подчеркнуть Гебер: "*difficilima Solis est calcinatio completa*"⁶⁹, и обосновать причины. Но есть слишком много вещей, выходящих за грань сего, и мы рады развеять некую мглу тем, что скромно обрели в своих изысканиях и трудах на протяжении пятидесяти лет, неоднократно доказав, что все это не пустословие.

Все секреты, как я уже говорил, раскрываются в огне. И чудеса его проявляются аналогично духовным явлениям. Пророк говорит: "*Ты испытал сердце мое, посетил меня ночью, искушил меня и ничего не нашел*"⁷⁰; *от мыслей моих отступают уста мои*". Пс. XVI, 3. Видите, как хватает огонь за беззакония тогда, когда

⁶⁹ Крепчайшее Солнце представляет осуществленная кальцинация. — Прим. пер.

⁷⁰ Во французском оригинале звучит дословно так: "*Ты испытал меня огнем и не нашел во мне беззакония*". — Прим. пер.

их разоблачает; то же самое он делает и с примесями металлов, производя одинаковые действие и эффект, что и соль с разрушающимися вещами. Хотя металлы являются наиболее постоянной субстанцией из всех остальных, по причине своего плотного состава, не позволяющего легко влиять на свою корневую основу и претерпевать изменение, которое можно произвести с порохом, известью, солью, водой, маслом, стеклом, льдом, жидкостями и множеством прочего. Этого также не случается с различными элементарными, минеральными, растительными и животными сущностями, когда они, единожды изменив свою первоначальную форму, не могут больше в ней восстановиться или к ней вернуться. А потому говорить об огне без металлов, поистине от него зависимых, все равно, что представлять ремесленника, обеспеченного инструментами и принадлежностями, но не обладающего никаким материалом для их применения, ведь они ему будут бесполезны.

Значит, металлы могут раскрывать и показывать самые прекрасные таинства естества только благодаря огненному воздействию. Как будто бы только в нем и ни в какой иной вещи, Природа проявляла свое желание резвиться, видеть и обращать в очевидное свои великолепные знания. И если взять все драгоценные камни, несравненные ни с чем по красоте и самые приятные на вид металлы, все равно они бы не стали столь полезны и необходимы как железо, без которого с трудом бы протекала человеческая

жизнь: столь удобств и применения она обрела в этом металле. Но драгоценные камни, кроме улады глаз, ни для единой из наших потребностей не представляют никакой пользы. И если однажды они лишатся формы своего естественного блеска, то уже никогда впредь не возвратятся к нам, в отличие от металлов, настолько сильно и неразрывно изначальное соединение их элементарных частей и сплав одного с другим.

Как не удивляться тому, сколь добрых умов непрестанно трудилось в размышлении над их сущностью и различными трансмутациями, скорее, будучи увлеченными прекрасным исследованием, обретенными в удовлетворение своего духовного порыва, а не гнусного и азартного вождения барышей, толкающих сюда профанов, уже представляющих в ненадлежащем виде это божественное Искусство, родную сестру каббалы. Так последняя изучает божественные, умоизобразительные вещи и самые сокровенные таинства, проникая в них, тогда как алхимия раскрывает естественное и элементарное посредством разложения в производимых огнем сепарациях: *“Состав каждой вещи, — говорит Гебер, — познать невозможно, если пренебрегаешь ее распадением”*.

Итак, Природа на протяжении долгого времени прилагает усиленную заботу и стремится обработать металлы, ведя их к своей последней степени совершенства, останавливающегося в золоте. Оно самое изящное и нерушимое из всех остальных вещей, наиболее однородное и само отождествленное во

всех своих частях, на которых основывается распределяющая справедливость. Когда одна часть золота смешивается с тремя или четырьмя мерами серебра или меди и плавится в тигле, пусть даже короткое время, то какой бы малой не была порция серебра или меди, она вбирает соответствующее себе количество золота. Кроме того золото самой высшей очистки не боится никаких изменений и искажений от всякой иной вещи; где бы оно ни находилось — в земле, в воде, в воздухе или в огне — золото не поддается никакой коррозии, и никакой яд невозможно к нему применить: *“Non enim a caemente corrumpitur; nec a re qualibet comburente comburitur; nec ab aqua colorificante viridi, nec dividente mortificatur, vel devoratur; nihil enim in eo superstuum est vel diminutum”*⁷¹ — Pontheus.

Есть семь металлических тел, говорит Гермес, из них самым главным и достойным является присущее Солнцу золото, от которого у него имя, ибо как Солнце по отношению к звездам, так и золото относится ко всем элементарным телам. Никакое жгучее пламя не могло бы его сжечь, земля не в силах его разрушить, вода — обесцветить и испортить, потому что его нрав умерен в огне, влаге, холоде и сухости, и нет в нем ни излишнего, ни отсутствующего. Отсюда я нахожу, что те, кто опасается быть отравленным и старается

⁷¹ Оно не может ни разрушиться от камня, ни сгореть от горячего вещества, ни позеленеть, зацвести от воды, ни распаться или уничтожиться; оно не в состоянии ни увеличиться, ни убавиться. — Прим. пер.

убережся от этого с помощью золотой посуды для питья и пищи, весьма далеки от здравого смысла, ибо золото абсолютно безразлично ко всяческим ядам и недобрым снадобьям, если даже они есть и в курином бульоне; напротив, их хорошо нейтрализуют серебро, олово, медь, свинец и даже железо, тотчас изменяя их, подобно тому, как некто пугливый и слабосильный при встрече со змеей или другой ядовитой тварью неожиданно бледнеет и меняет цвет лица.

Прилежание, пытливость и усердный труд множества пытливых и прекрасных умов в течение четырех или пяти тысяч лет раскрыли бесчисленные тайны металлов. И все же, не предавшись изучению и исследованию, они бы не смогли узнать, что повсюду существует только семь металлов, включая текучую ртуть. И чему здесь изумляться, когда естество, столь изобилующее в своих разновеликих созданиях, пожелало удовольствоваться сим малым количеством. Таковы металлы, порядок которых зависит от огня, являющегося одним из самых выразительных символов проявления сокровенных секретов и таинств невидимого и непостижимого для наших чувств Божества. Огонь одинаково служил и пророкам, с радостью использовавших его для большей части своих парабол и сравнений, тайн, аллегорий и образов, в которые они облачали все, что не желали возвещать слишком явно. Ибо не так часто они изъяснялись сполна, как это делает Исаия, истолковывая приведенную параболу, что огражденным виноградником Господа

Цебаота⁷² был народ Израеля, и люди Иуды сладчайшим насаждением Его.

Пророк Иезекиель, говоря о двух прелюбодейных сестрах Охоле и Охолибе⁷³, в их образе описывал Самарию и Иерусалем. Иез. XXIII, 4. Господь устами Моисея в книгах “Левит” и “Второзаконие” вещает израэльтянам о том, что если они перестанут Его слушаться и не сохранят Его повелений, то Он сделает небо над ними железом, а землю — медью, являющиеся двумя самыми земными металлами, наиболее жесткими и упрямыми в плавке и в повиновении. Господь Бог, противопоставляя эти два металла жестокости народа, восклицает: *“Поразит тебя Господь чашностью, горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и ржавчиною, и они будут преследовать тебя, доколе не погибнешь. И небеса твои, которые над головою твоею сделаются медью, и земля под тобою железом; вместо дождя Господь даст земле твоей пыль, и прах с неба будет падать, падать на тебя, (доколе не погубит тебя) доколе не будешь истреблен”*. Втор. XXVIII, 22-24. Ведь металлы не порождают ничего: они бесплодны.

Со своей стороны, Поэты их использовали в определенных видах метафор и образов, например, в VI книге “Энеиды” *ferrea vox* озна-

⁷² Цебаот — צִבְאוֹת, Ис. V, 7, родной язык священного Писания, как и кабала, указывают на то, что написание имени Бога — Саваоф, является искаженным при переводе Библии на русский язык. — *Прим. ред.*

⁷³ Охола — חֹלָה, и Охолиба, חֹלִיבָה, неверный перевод на русский язык как: Огола и Оголива. — *Прим. ред.*

чает сильный и зычный голос. И Гесиод называет пса преисподней Цербера *χαλκιοφωνος* — *медноголосым*, ибо это самый резонирующий металл. “*Vox eius sicut aeris sonabit*” читаем в Писании, Иер. XVI, а в толковании на XXV главу “Исх.” у Оригена написано следующее: “*медь дается звучному и громкому голосу по причине своей звонкости*”. У апостола сказано: “*Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий*”. 1 Кор. XIII, 1. Пиндар в 10-й главе своих “Пифий” присвоил небу эпитет медного, *χαλκεος ουρανος*, благодаря плотной тверди небосвода, на что и указывает Слово Божье. Гомер в 3-й главе “Одиссеи” называет небо *πολυχαλκος*, то есть *многомедным*, а греческие поэты Еврипид и Анаксагор делают Солнце пылающим железом, и видно, как они в своих произведениях по обыкновению употребляют железо вместе с медью, что неоднократно встречается и у Гомера.

В IV главе “Илиады” Аполлон, желая ободрить троянцев, внушает им, что греки не обладают непробиваемыми камнем и железом телами и способны противостоять только медным ударам, рубящим, но не проникающим в них. Подобный способ повествования вполне характерен и для пророков, изображавших так большую часть своих прозрений, в которых узнавались и раскрываемые таинства. Ведь если бы их воспринимали без иносказаний свыше, а прямолинейно и буквально, то они оказались бы слишком далеки от своего смысла, как прекрасно выражается мученик Памфил

в апологии Оригена, говоря о тех, кто пожелал избежать аллегорий и был вынужден споткнуться о тяжкие противоречия. “*Они поступают таким образом*, — сообщает он, — *потому что не хотят принимать аллегорий в священном Писании и тем самым, подчиняясь буквальному смыслу, они воображают себе и сочиняют прекрасные сказки и вымыслы*”. И действительно, как можно буквально понимать выражение из “Второзакония” об Асире “*fer- rum, et aes calceamentum eius*”, или “*железо и медь — запоры твои*”? Не означает ли оно, что Асир согревается от огня и меди и оттого доверяет только своей силе и могуществу, олицетворяемые двумя металлами.

В Писании сказано: “*In Idumaeam extendam calceamentum meum: mihi alienigenae subditi sunt*”, или “... на Едома простру сапог Мой. Восклищай Мне, земля Филистимская!” Пс. LIX, 10. Все это суть образы и аллегории, как и у Исаии: “*Вместо меди буду доставлять тебе золото, и вместо железа серебро, и вместо дерева медь, и вместо камней железо; и поставлю правителем твоим мир и надзирателями твоими — правду*”. Ис. LX, 17.

Обратите внимание, как удачно пророк показывает от противного соотношения меди к золоту, железа к серебру, и опять меди к дереву, а железа к камням. И поскольку золото превосходит серебро, а дерево камни, постольку и среди металлов медь ценнее железа. Все здесь стремится обозначить мистический Иерусалем, которым предстает торжествующая Церковь, намного превосходящая иудейскую синагогу,

служившую только ее образом. И, разумеется, хотелось бы отметить, что пророки никогда не говорили ничего несоответствующего, вплоть до малейших ремесел и механических искусств, ведь в их реальной сущности они лицезрели вещи внутри *Цифферета* (*Zipheret*) или сверхнебесного Солнца, являющегося светлым сияющим зеркалом, живым источником всех идей, преобразующих формы. Впрочем, это хорошо заметно на металлах, которые вообще ассоциируются с железом и медью по родству с ними. Пророком сказано: "*Nunquid foederabitur ferrum ferro ab Aquilone, et aes?*", или "*Может ли железо сокрушить железо северное и медь?*" Иер. XV, 12. Ибо золото легко трансмутируется в медь при помощи купороса.

Итак, положите их слой за слоем в тигель и раздувайте кузнечными мехами сильный огонь, пока железо не потечет и не сплавится в медь; спрысните все это сначала виноградным уксусом с растворенной в нем селитрой, солью алькали и винным камнем с медной патиной.

Другой способ. Разотрите купорос в порошок и поместите в дистиллированную воду в реторте; все оставшееся и прокаленное на дне залейте своей водой, погасив там кусочки или опилки раскаленного от огня железа, которые вы постепенно превратите в медь. Еще один способ. Растворите купорос в обычной воде, выпарите воду и прокалите образовавшееся на дне сгущение. Затем растворите его в такой же воде, которая станет зеленой; выпарите ее частично, поместив остальное на ночь в погреб,

после чего вы получите зеленые кристаллы. Раскалите их на огне, потом растворите три или четыре раза в очищенном виноградном уксусе, просушивая их всякий раз, пока эти кристаллы не станут красными. Значит, благодаря купоросу железо превращается в медь, что можно видеть в чернильницах, обильно заполненных чернилами, приготовленными из купороса или витриола.

Эти кристаллы — врата к более совершенной деятельности и многим вещам для хирургии и фармации. Но подобная практика, могли бы вы сказать мне, длительна и тягостна и скорее требует растрат, нежели выгодна и прибыльна. И все же, наше устремление не к достижению барышей, и книга эта не является *de pane lucrando*⁷⁴, а служит проникновению в таинства Природы, чтобы охватив их, подняться своим разумом до вещей духовных, которым чувственные вещи служат как бы лестницей Якоба⁷⁵. И нет прекраснее исследований, чем исследования огня и трансмутации металлов. С другой стороны, медь превращается в сталь, если правильно то, что считают некоторые раббины, ссылаясь на приведенный выше стих из XV главы книги Иер. "*Ferrum, et aes. Vocat, —* говорят они, — *Propheta ferrum aeri admixtum, chalybem*"⁷⁶. Это показывает (и не стоит пренебрегать их свидетельствами), что дамаская сталь производилась из железа и меди, то есть

⁷⁴ О хлебе наживы. — Прим. пер.

⁷⁵ Якоб — יעקב, перевод имени как Иаков неверен. — Прим. ред.

⁷⁶ Железо и медь, возглашает Пророк. Железо, смешанное с медью, есть сталь. — Прим. пер.

из железа, наполовину покрытого медью и размягченного, дабы его еще больше укрепить посредством свинца, о чем рассказывает Абугали в своей книге о природе вещей: *“Сделайте продолговатую ямку на бруске железа, вылив в нее расплавленный свинец; затем выпаривайте его на сильном огне как из чашки. Кладите снова свинец туда четыре или пять раз, и железо от него размякнет, после чего вы сможете придать ему прочность, загасив в печной воде, — так делаются ланцеты и иные тонкие режущие инструменты, которые будут разрезать другое железо, не трескаясь и не портясь”*.

И действительно опыт доказал, что для укрепления доспехов от выстрелов аркебузы, их, прежде всего, умягчают маслами, камедью, воском и подобными воскообразными веществами; после делают прочнее частым гашением в воде, которая их сжимает. Иоанн Грамматик, цитируя Гесиода:

*Χαλκῷ του εἰργάζοντο, χαλυβας του' ουκ εονε σιδηρος -
Трудились над медью они, не зная железа -*

пытается связать слово χαλκος с народом халибов в Скифии, которые первыми нашли применение стали и железу. Поэт Лукреций в пятой книге своей поэмы “О природе вещей” в определенном смысле подражал этим словам Гесиода:

*Владела лесам там пожара власть, пылая.
С великим шумом огонь коренья древ палил;
Тогда в глубокой дол лились ручьи из жил,*

*Железо и свинец и серебро топилось,
И с медью золото в пристойны рвы
катилось*⁷⁷.

Впрочем, сталь в отличие от железа более чистая и утонченная, так как по сравнению с железом меньше задета земными свойствами: искусство ее плавки широко известно по доменным печам. Но чтобы получить дамасскую сталь, необходимо сначала размягчить ее очень крепкой разделяющей водой, превратив затем в стружку, раскалить докрасна в тигле, загасив ее несколько раз в оливковом масле, в котором должен был неоднократно гаситься расплавленный свинец, быстро закрывая сосуд из страха, что масло воспламенится. Есть еще другие секреты и соображения, но мы не намерены раскрывать их все: достаточно постичь главные правила.

Итак, существует поразительное подобие между железом и медью, благодаря которому они с легкостью превращаются друг в друга. То же самое делают свинец и олово при помощи соли армониака и определенных воскообразных порошков, буры, селитры, винного камня, нашатыри и всего остального, что называется *Атинкарами* (Atincars), а Пантей в своей *Voar хадумии* (Voarchadumie) именует *oleum vitri*⁷⁸. Аналогично и ртуть трансмутируется в свинец или олово, исходя из того ступается ли она в неуловимом испарении в один или другой элемент.

⁷⁷ Перевод Михаила Ломоносова. — Прим. пер.

⁷⁸ Стеклянное масло. — Прим. пер.

Расплавьте свинец или олово в тигле, затем оставьте их немного охладиться, чтобы они уже схватились, но были бы еще теплыми; сделайте в них лунку и залейте ее ртутью, которая будет быстро застывать, обращаясь в порошок. Повторите это два или три раза, и после удаления ртутиальной воды ртуть превратится в металл, с запахом которого она сгустилась. Здесь будет не только потеря исходный массы и немалая, но это также дает повод для рассмотрения возможности трансмутации металлов.

В этом месте приходит в голову соображение, весьма сложное в уразумении, но заслуживающее принципиального рассмотрения. На практике, очевидно, что оба эти металла сами по себе мягки и легкоплавки, но смешиваясь, они затвердевают, становясь более прочными и плотными, на чем настаивает Аверроэс в книге об Испарениях: *“То, что уплотняет и укрепляет олово — есть свинец и наоборот: уплотняет и укрепляет свинец олово. И поскольку клейкая вязкость, соединяющая их части, должна слагаться из влажного и сухого; постольку и происходит, что нет никакого склеивания олова с оловом; вот почему его мешают со свинцом, который более влажен, и свинец с оловом, которое более сухо. Смешанные вместе, они укрепляют себя лучше, нежели находясь поодиночке; их смесь спешит преобразовать клейкую вязкость, что сообщает большую и доселе неизвестную им прочность, прочно их соединяя; таким же образом песок и известь делают крепче строительный раствор”*. Это

подтверждает Альберт Великий в своем трактате “О минералах”, кн. IV, гл. 5.

Но мы оставим все особенности металлов и их разнообразные трансмутации для нашего трактата о “Золоте и Стекле” на XXVIII главу “Книги Хиоба”⁷⁹, где под золотом будем разуметь все зависящее от металлов, а под стеклом — драгоценные камни, натуральные и искусственные, а также все виды стеклования и эмалей. В противном случае, мы лишь отяготим подробностями наш рассказ, в подражании пророкам заключающийся в рассмотрении умозрительных вещей посредством чувственных, в том числе при помощи металлов и огня, действие которого лучше познается на металлах, нежели в любом ином элементарном соединении.

Итак, пророки почитали железо и медь символом упрямого сопротивления. *“Nec fortitudo lapidum fortitudo mea; nec caro mea aerea est”*, или *“Твердость ли камней твердость моя?”* Иов. VI, 12. *“Posuisti in arcum aereum brachia mea”*, или *“...научаем руки мои брани, и мышцы мои сокрушаем медный лук”*. Пс. XVII, 35. *“Cornu tuum ponam ferreum; et ungulus tuas ponam aereas”*, или *“Встань и молоти, дщерь Сиона, ибо Я сделаю рог твой железным и копыта твои сделаю медными...”* Мих. IV, 13. Что касается железа, то для его жесткого и сурового гнета, поскольку оно крепко и негибимо по своей природе, могут вполне

⁷⁹ Хиоб — **איוב**, Ijob, перевод LXX-ти — **Ἰωβ**. В русск. пер. Библии написание имени — Иов неверно. — *Прим. ред.*

подойти следующие слова: *"Reges eos in virga ferrea"*, или *"Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их как сосуд горшечника"*. Пс. II, 9; *"Eduxi te de fornace ferrea Aegypti"*, или *"А вас взял Господь (Бог) и вывел вас из печи железной, из Египта, дабы вы были народом Его удела, как это ныне видно"*. Втор. IV, 20.

Здесь железо означает рабство, под гнетом которого пребывали их тела, а распяемая печь — пленение душ и сознаний, воспитанных среди страшного идолопоклонства и безбожия. А последнее должно быть нестерпимее всех трудов и оскорблений, всех самых чудовищных и безжалостных телесных мук, чтобы тем самым первенствующая душа усердно устремилась бы к своему Богу. Подобно же и о злом языке у Йошуа⁸⁰, сына Сирахова, сказано: *"Многие пали от острия меча, но не столько, сколько навших от языка; счастлив, кто укрылся от него, кто не испытал ярости его, кто не влачил ярма его и не связан был узами его; ибо ярмо его — ярмо железное, и узы его — узы медные"*. Сир. XXVIII, 21-23. О горечи и тоске Писание говорит: *"Ferrum pertransiuit animum eius"* (речь идет об Йозефе, узнике в Египте) *donec veniret verbum meum*, или *"Стеснили оковами ноги его; в железо вошла душа его, доколе исполнилось слово Его: слово Господне испытало его"*. Пс. CIV, 18, 19. Одним словом, у пророков нет более символических и страстных изречений, чем те, где они прибегают к образу

металлов и огня, их свойств и последствий, поскольку это одни из самых удобных и необходимых вещей в сравнении со всеми другими, о чем уже говорилось выше. Ибо они дают нам пищу, согревают и ободряют нас в холода, светят и сияют нам во тьме вместо солнечных лучей, имея и множество иного применения, наряду с исполнением искусств и ремесел. В целом, можно уверенно сказать, что без железа и огня мы были бы почти бессильны, когда даже Платон не исключает кузнечное искусство, оставив в стороне гончарное ремесло.

В третьей книге Законов он прекрасно рассуждает о жизни первых людей, и как им были даны для удобства железо и медь, чтобы усовершенствовать и отточить бытие, сделав его человечнее. Так не без причины изумились в своем грубом рассудке звероподобные дикари из Вест-Индии, увидев, как сообразительные и предприимчивые люди с той стороны океана за небольшое количество бесполезных в хозяйстве золота и серебра предоставили им свободно топоры, пилы, рубанки и другую железную утварь, предназначенную для многих дел. Ибо они могли исполнить их только отчасти при помощи огня, заменявшего им все инструменты и орудия сразу с несколькими скверно заточенными булыжниками. Но можно было одинаково сослаться на беспокойства и беды, которые несет с собой железо, потому что из него выплавляются все агрессивные вооружения, сокращающие людям дни их во взаимных крамолах; и как бы не являлось оно посланником Марса, истребителем и раз-

80 Йошуа — יְהוֹשֻׁעַ (יהושע), перевод этого имени как Иисус неверен. — Прим. ред.

рухой рода человеческого, как характеризует этого бога Афина Паллада в “Илиаде”:

“Αρες, Αρες, Βροζολοιγε, μαυφους, τευχειπληγς”

“Бурный Арей, истребитель народов, стен сокрушитель, Кровью покрытый.”⁸¹

Ведь все это легко можно сделать только при помощи железа; вот почему ему и присвоено имя Марса. Но посмотрим на прекрасные аллегории, скрытые в мифических Венере, Вулкане и Марсе. Венера, несомненно, является человеческим родом, который продолжается, плодясь в ее потомстве. Ее законный муж — Вулкан, приносящий ей в своей супружеской любви все или большую часть из необходимых удобств, тогда как железо она получает от Марса. Но поскольку это супружеская измена, Марс истребляет большое количество всего порожденного ею, а ее муж Вулкан выковывает железо двойного назначения доброго и злого.

Впрочем, нельзя измерить трудов Творца их внешних удобствах или неудобствах: “*Vidit namque Deus cuncta quae fecerat, et erant valde bona*”⁸²; и это согласуется с тем, что полагают о нем его создания. Есть ли что-то прекраснее, более радующее и более приятное на вид, чем ясное светящееся пламя; более радужное, чем его свет, ободряющий и расслабляющий нас, а также его тепло? С другой стороны, нет ничего более вредного, приносящего ущерб и опасного, чем огонь, который сжигает и истребляет все, к чему он прикоснется. Один сатир, однаж-

⁸¹ Гомер, “Илиада”, V ст. 30. — Прим. пер.

⁸² Воистину Бог прекрасно зрит все, что творится и происходит. — Прим. пер.

ды увидев его, странным образом обрадовался сему прекрасному и светоносному зрелищу; но попытавшись приблизиться к нему ближе, обняв и обласкав его, тем самым был оскорблен им, восприняв крайнее огорчение, и с тех пор уже не старался к нему приступать. То же самое можно сказать и о железе, которое Плиний в 14-й главе X книги называет “*optimum vitae, pessimumque instrumentum*”⁸³, ибо мы обрабатываем им землю, прививаем деревья, обрезаем виноградники, применяя его во многих случаях, одинаково и при постройке домов, чтобы укрыться в суровую пору.

Но с другой стороны, мы используем его никак не меньше в междоусобицах и убийствах, сокращая тем свою жизнь, будто бы нам наскучила ее продолжительность, хотя она так непродолжительна и без всяких ее укорачивающих превратностей, и превращаем железо в самое вредоносное орудие и средство из всех остальных. Об этом прекрасно выразился Исидор: “*Unde pridem tellus tractabatur, inde modo cruor effunditur*”⁸⁴. Это проистекает скорее от нашей озлобленности и развращенности, а не от ошибки этой неодушевленной и бесчувственной сущности, которая только нами подвижна в добро или во зло.

И все же, говорит Плиний, очевидно Природа не захотела во всем извинять железо, никак его не наказывая, и сделала его предметом ржавчины более, нежели любого другого

⁸³ Лучшей жизни мучительным орудием. — Прим. пер.

⁸⁴ Кровь проливается там, где так с ним обращаются. — Прим. пер.

из его собратьев, именно благодаря человеческой крови, которую железо так склонно проливать: *"Obstitit eadem naturae benignitas exigentis a ferro ipso poenam rubigine, a quo sanguis humanus se ulciscitur contactum namque eo celerius subinde rubiginem trahit"*⁸⁵. И действительно, нет ничего, кроме человеческой крови, что скорее заставило бы ржаветь железо. Но повсюду встречающаяся ржавчина в определенных случаях весьма полезна и даже благотворна по своему воздействию, как для внутреннего, так и для внешнего употребления. Кроме того, из нее производятся тинктуры, и здесь не будет вредно поговорить о них, раскрыв то, какие редчайшие и важнейшие свойства проявляет обычная ржавчина в ходе опытов разного характера.

Итак, возьмите свежую стружку чистого железа, и увлажните ее немного дистиллированным виноградным уксусом и оставьте на два или три дня в погребе или другом прохладном и влажном месте. После того, как стружка превратится в ржавчину, мелко растолките ее в железной или каменной ступке. Высыпьте ее в небольшой горшок и залейте сверху кипящим дистиллированным виноградным уксусом; хорошенько перемешайте содержимое горшка палочкой или железным прутиком, и уксус станет тяжелеть от растворения ржавчины. Опорожните горшок, наклонив его, и

⁸⁵ Противостоящая ему благосклонность природы потребовала кары для железа в виде ржавления, и за проливаемую кровь человеческую наказала его, быстро обращая в ржавчину. — Прим. пер.

налейте туда свежий уксус, повторяя это до тех пор, пока не растворится глинозем и тинктура железа, от чего останутся только частицы мертвой и черной земли, которые выбросьте. Осторожно выпарив уксус, вы обнаружите порошок коричневого цвета, который химики называют *socum ferri*, *железистый шафран*. Из него производится состав для прокаливания печей стеклодувов раз в три недели или в месяц, когда он сильно размельчается и доводится, подобно муке, до почти неосязаемого состояния, сделавшись красным, как кровь: этот состав не растворяет даже крепкая разделяющая вода. Нет ни армянской глины, ни специального грунта, предназначенного для обжига керамических изделий, которые могли бы с ним сравниться по применению в соответствующих качествах и свойствах.

Но вернемся к предыдущему. Возьмите флегму спирта и проделайте с ней все то, что совершили с дистиллированным виноградным уксусом и ржавчиной: больше половины ржавчины растворится во флегме. Уберите флегму легкой дистилляцией, и в остающуюся густую камедь налейте высококачественного спирта, сильно перемешав палочкой еще теплую золу, ведь нагревать должно только уксус и флегму. А когда спирт станет заметно тяжелеть от растворения, извлеките его оттуда медленной дистилляцией в бане Марии и через алембик, и он будет служить вам, как и прежде. Так, если спирт помогает при дизентерии, расстройстве желудка, ранениях и нагноениях от выстрелов аркебузы, то намного большей эффективнос-

тью обладает второй *сгосим*, полученный из флегмы, и еще большей третий — из спирта, от которого остается желтый порошок, подлинная сущность железа, получаемая вплоть до своего средоточия. И соблюдайте, чтобы все растворы хорошо отстаивались; из них используйте только чистый и светлый без осадка; в противном случае, поместите их на час в теплую баню для очищения. Впрочем, виноградный уксус и флегму можно фильтровать, но нельзя этого делать со спиртом из-за его маслянистости, которая не позволяет ему легко освободиться от осадков, а потому необходимо подождать, пока он очистится.

Вот три земли, три растворителя, происходящие из растительной среды, а именно от винограда, самого превосходного из всех растений, которое философ Каллисфен называл кровью земли (*притиска к заведению Раймонда Луллия*). Но для сходства, существующего между железом и медью, мы должны провести ряд определенных опытов с уже названной медью. Чтобы сэкономить время, возьмите медный купорос, встречающийся в медных рудниках, из фунта которого вам нужно будет получить больше двенадцати унций чистой и жидкой меди. Здесь мы вынуждены сделать небольшое отступление (пусть оно послужит нам правилом) и предупредить: для растворения целесообразнее брать металлическую руду из рудников, но не готовые металлы. Вот три причины: во-первых, это избавляет вас от работы по кальцинации металлов, делая их растворимыми, и высво-

бождает много времени. Во-вторых, при растворении руды вы обнаружите в ней больше соли и отделите ее оттуда гораздо легче, чем шесть раз вам придется отделять ее от металлов при помощи извести.

И, наконец, в-третьих, поскольку металлические духи еще не слишком спрессованы в своей телесной массе, постольку в руде они пребывают как бы на поверхности и в сущем изобилии. Вот почему, когда руда прошла суровую обработку огнем, становясь металлом, большинство духов рассеиваются; остальные — уплотняются и отбрасываются в глубь тела, что труднее всего разорвать; так что после масла еще сложнее выделить соль из раствора извести, чем извлечь ее из руды. Итак, для кратчайшего пути возьмите медного купороса, а если его нет, то *aes ustum*, которую мы производим, купелируя медь тремя частями свинца (медь — *verd-de-gris*, содержит слишком много камеди и тяжеловата) и сделайте из нее свежую стружку, как и в случае с уже описанным нами железом. Затем немного увлажните стружку неочищенной разделяющей водой. Снимите зеленый, наподобие изумруда клер, и проделайте все в точности, как и с железом, пока на дне не окажется стусившаяся соль или камедь, применяемая при прободных язвах и обладающая иными достоинствами для хирургии. Вы могли бы еще извлечь эту камедь из флегмы и из спирта, как мы делали с железом, и даже выделить масло из полученной из уксуса первой камеди, что показывалось на примере свинца.

В отношении частиц земли, которые выпадают после растворения спирта, не пожелав ни растворяться, ни оставлять тинктуру (в нее им сложно соединиться), ни осветлять спирт, поскольку пребывают с ним в склеенном состоянии, подобно молоку с мукой, то они становятся белыми после просушки на солнце или на медленном огне; если вы положите их на горячий лист железа или меди, и они не задымятся, то это признак, что они лишены уже своих духов. И все же, поместите их в реторту с открытым горлышком между углями и постарайтесь просушить; под конец дайте огня для кальцинации. Налейте сверху спирт, чтобы растворить в нем все, что возможно и, изъязв раствор, завершайте просушивать влагу, которая там еще осталась. Поставьте реторту на огонь прокаливания и залейте сверху спирт для окончательного отделения еще остающейся там соли, эта операция повторяется три или четыре раза.

Я вас направил на путь больших дел, куда предпринять не собираюсь вести за руку, дабы не ошибиться в добропорядочности и любознательности умов, которые в своих упорных трудах и исследованиях смогли бы обрести то, что им в противном случае досталось бы слишком дешево. Вот почему определенные вещи мы оставляем для нашего трактата о “Золоте и Стекле”, и в нем разъясним все оставшееся здесь незавершенным или изъясняемое намеками, высветив все необходимое для истолкования пророческих парабол и уподоблений. В первую очередь о “Золоте и Серебре”, двух бла-

городных металлах, которые они связывали с добром, ибо олово, медь и железо, металлы несовершенные, применялись для скверного: пороков и развращенности, осуждения и жестокости; свинец же — для притеснения и досады. Золото же олицетворяло правую веру, благочестие, религию и все касающееся богопочитания и священнодействия; серебро — милосердие и благотворительность по отношению к нашему ближнему.

Таким образом, эти два металла представляют собой две скрижали десяти заповедей. Они символизировали также и две на престольные пелены алтаря: первая была золотая, содержащая четыре заповеди, написанные голубыми буквами, обозначавшими небо; вторая — серебряная с зелеными буквами, обозначавшими землю.

Ориген во второй Гомилии на текст первой из “Песни Песней” — *“Muraenulas aureas faciemus tibi, cum clavis argenteis”* — достигает венца аллегории: “Род золота, — говорит он, — содержит образ незримого и бестелесного естества (именно по причине однородной и тонкой субстанции, распад которой уже не может продолжаться), а серебро представляет собой добродетель Слова, согласно тому, что сказано Господом у Осии: “Я давал ей хлеб и вино и елей и умножил у нее серебро и золото, из которого сделали **истукана** Баала⁸⁶”. Ос. II, 8. Но мы делаем золотых и серебряных идолов из Священного Писания, когда искажаем его

⁸⁶ Баал — **לַבַּל**, но неверно Ваал. — Прим. ред.

смысл в ложном истолковании или когда желаем говорить о нем высокопарно и изящно, как если бы истина заключалась в суетных цветах риторики, ибо делая это, мы открываем рот, будто бы желая проглотить и испить небо, хотя наш язык лижет землю. Наподобие того, как если бы пророк хотел сказать: "Я вам дал смысл и разум, и поспею вы меня должны были признать своим Богом и почитать, но вы их извратили в служении идолам, где вместо смысла — внутренние измышления; и вместо разума и Логоса (Λογος) — слово".

Вот почему и первое, и второе означает только серебро: *"Eloquia Domini, eloquia casta, argentum igne probatum"*, или "Слова Господни — слова чистые, серебро переплавленное, испытанное в горниле, очищенное семикратно". Пс. XI, 7. Здесь имеется в виду серебро, спаянное в огне для языка праведника. *"Nonne sunt verba tua sicut ignis?"*, или "Слово мое не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу?" Иер. XXIII, 29. Но херубимы названы золотыми, потому что их истолковывают, как полноту божественного знания. И Ковчег Завета был также золотой, поскольку являлся образом и подобием закона естества, где пребывало злато познания. Золото здесь было связано с восприятием и мыслью, серебро — со словом, исходя из того, что сказано Мудрецом: *"Sicut mala aurea cum retibus argenteis; ita qui loquitur verbum in tempore suo"*, или "Золотые яблоки в серебряных прозрачных сосудах — слово, сказанное прилично". Притч. XXV, 11. Это Ориген.

Но пожелаем ли мы услышать и мнение Зогара, откуда столько почерпнул Ориген для своих великолепных размышлений и аллегорий, в том числе о золотых яблоках в серебряных сосудах? "Вышнее золото является струящимся, скрытым и сокровенным, тогда как бренное золото доступно нашим чувствам" (ничто не может лучше соответствовать Мессии, предстоящим истинной и чистой землей Хавила, той, "где золото", упоминаемой в Библии, Быт. II, 11, и вправленной в серебро, ведь мессианское божество заключено в человечестве). "В ковчеге, — продолжает Зогар, — было перемешано золото и серебро, дабы соединить небесное божественное таинство с человеком, в ком находилось высшее совершенство, но херубимы были из золота, чем подчеркивали ангельскую природу, не участвовавшее ни в какой телесности и не имеющее никаких примесей серебра или меди. Золото в серебре обозначает милосердие, на котором было основано все мироздание (*mundus misericordia aedificabitur*), на котором покоится престол Господень (*Praeparabitur in misericordia solium eius*). Но суровость осуждения олицетворяет близкая по цвету с кровью медь; без излияния крови нет никакого прощения. Вот почему Мозесу было указано установить медного змея в пустыне для исцеления тех, кто, будучи укусан паразитами, устремлял свой взгляд вверх на него". Впрочем, золото, серебро и медь суть три металла, которые,

соединяясь, образуют *хасмаль*⁸⁷ (chasmal) или колесницу Иезекиеля.

Есть прекрасное размышление по поводу трех цветов, свойственных этим металлам. Белый цвет серебра, символизирующий воду и обозначаемый именем *Иах*⁸⁸ (*Iah*), присущим Отцу, называемого апостолом Отцом милосердия. Краснота меди отражает огонь, то есть строгость и суровость Правосудия, называемого евреями *Дин* (*Din*), относящегося к Духу Святому, против которого не простится никакая хула ни в этом мире, ни в том. Лк. XII, 10. Между ними лимонный (цитрусовый) цвет золота, составленный из белого и красного, что можно наблюдать в шафране, крови, кино-вари и других подобных, растворяемых белой водой веществах, откуда получается желто-золотистый цвет. "*Citrinas enim nil aliud est, —* говорит Гебер, — *quam determinata albi et rubei proportio*⁸⁹". И сей золотистый лимонный (цитрусовый) цвет связан с Сыном, участвующим в милосердии и правосудии, как сказано в Писании: "*Quoniam misericordia et ira est cum illo*", или "...ибо милость Твоя пришла на помощь и исцелила их". Прем. XVI, 10. Но желтая медь, имеющая снаружи определенное сходство с золотом, а внутри нечистая и брэнная, обозначает лицемерие, которое под маской религиозного рвения известна своими мерзкими влече-

ниями, отвратительным властолюбием, нечестивостью, ложными суждениями, вожделениями, злобой, враждебностью, чувством мести и другими скверными и извращенными намерениями. С одной стороны, желтая медь обладает белизной серебра не более чем шестнадцать каратов, улучшенного красной медью, которая придает ей лимонный цвет; однако этот красноватый оттенок лишь коварство и лукавство, разрушающие искренность простака. Пророк сказал: "...Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как турпур, — как волну убелю". Ис. I, 18.

Что касается свинца, то он дан для испытаний и мучений, которые нам попускает Бог и посредством их приводит нас к раскаянию. Ибо как сгорает свинец под воздействием разделяющей воды, и уничтожает все несовершенства металлов, так и посещающее нас страдание смывает много греховных пятен, способных в нас прочно укорениться; его святой Амбросий Медиоланский именует небесным ключом, в соответствии со сказанным у Апостолов: "...многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие". Деян. XIV, 22.

Апостол Павел использует прекрасную последовательность: "*И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам*". Рим. V, 3-5. Огонь обозначает скорби, о котором пишет в толковании на 1-й псалом святой

⁸⁷ Хасмаль — חֶשֶׁמֶל, пылающий металл, Иез. I, 27. — Прим. ред.

⁸⁸ Иах — יָהּ, Имя Божье. Пс. LXVII, 5. Ибо в Иах пребывает Иез(х)ова (יְהוָה, יְהוּדָה, יְהוּדָה), твердыня вечная. Ис. XXVI, 4.

⁸⁹ Цитрусовый колер не что иное, как определяющий пропорции белого и красного. — Прим. пер.

Амбросий Медиоланский: *“Огонь выжигает воск, и он плавится, дабы быть очищенным; и мы испытываем огнем; ибо Бог, желая обращения грешника, обжигает его и обеляет в целях очищения”*. *“Ignis enim credentibus lux; incredulis, supplicium”* — восклицает блаженный Иероним, комментируя Иезекиеля. Это значит: огонь просвещает верующих и ослепляет неверных, служа им дымом, который их заставляет плакать и роптать. *“Sicut fuitis qui poxius est oculis”*, или *“Она воздала святым награду за труды их, вела их путем дивным; и днем была им покровом, а ночью — звездным светом”*, — сказано о завесе Премудрости, которой был объят и сокрыт дом Израеля. Прем. X, 17, а также Ис. VI, 4. И возвеселятся праведники, когда пребудут в этом состоянии по тексту псалма: *“Ignis in conspectu eius exardebit”*, или *“Грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря”*. Пс. XLIX, 3. Ибо праведники просвещены будут, а упрямые грешники — сожжены; огонь сей имеет два свойства — вразумлять и жечь.

Вразумлять должен истинный огонь — Святой Дух, который возжигает наши сердца, но не безумными и порочными суждениями, одинаково суетными и ложными, способными нас в мгновение ока разрушить по слову Пророка: *“Вот, все вы, которые возжигаете огонь, вооруженные зажигательными стрелами, — идите в пламень огня вашего и стрел, раскаленных вами! Это будет вам от руки моей; в мучении умрете”*. Ис. I, 11. Вот почему, говорит Ориген, кажется, что грешники заго-

раются сами по себе огнем, которым заслужили быть наказуемы (*“Perditio tua ex te, Israel”* — *“Погубил ты себя, Израель, ибо только во Мне опора твоя”*. Ос. XIII, 9). И далее: *“Ignem producam de medio tui, qui devoret te, et dabo te in cinerem super terram”*, или *“... и Я извлеку из среды тебя огонь, который и пожрет тебя: и Я превращу тебя в пепел на земле пред глазами всех, видящих тебя”*. Иез. XXVIII, 18. Впрочем, вещество, поддерживающее сей огонь — наши беззакония и прегрешения: *“Ardebit sicut ignis iniquitas eorum”*, или *“Ибо беззаконие, как огонь, разгорелось, пожирает терновник и колючий кустарник и пылает в чащах леса, и поднимаются столбы дыма”*. Ис. IX, 18. И еще: *“Vindicta carnis impii, ignis et vermis”*, или *“Помни, что гнев не замедлит, что наказание нечестивому — огонь и червь”*. Еккл. VII, 18, 19.

Это совпадает с тем, что говорит святой Марк, ссылаясь на пророка Исаию: *“Quorum ignis non exstinguitur, nec vermis moritur”*, или *“... где червь их не умирает и огонь не угасает”*. Мк. IX, 48. Ис. LXVI, 24. Ибо и то, и другое бесконечно: пожирающий их огонь и снедающий их совесть в этом мире червь, и в ином терзающий их жестоко и непрестанно. Но там, где Бог зажигает огонь, мы можем сказать словами одного из наших древних святых отцов: о счастливое горячее, но не обжигающее пламя; просвещающее, но не пожирающее. Ты преображаешь всех, к кому прикасаешься, и потому они достойны впредь называться богами. Ты согревало апостолов, которые, освободившись ради тебя от всех вещей, стали детьми Бога. Ты вдохновляло

мучеников, в тебе изливавших свою кровь. Ты ублажало дев, которые в огне божественной любви погашали в себе жар вожделения.

Также и исповедники уходили от мира, чтобы воссоединиться с тобой. Ведь всякое создание по благоволению этого огня очищается от своей порочности и нечестия, и нет никого, кто миновал бы его тепло, когда пожелал постичь и насладиться теплом огня Господа Бога. Ибо сей огонь загорается в нас от светильника Святого Духа благодаря нашим земным скорбям, приближающим нас к Богу больше всякой другой вещи; символом же скорбей служит свинец, делающий с металлами то же, что и страдание с нами. Об этом есть прекрасное выражение у Иеремии, где используется образ пробирной чашечки, которая, надеюсь, имеется у всякого ювелира, пробирного мастера и знатока металлов.

Итак, об иудейском народе откровенно сказано следующее: *“Все они упорные отступники, живут клеветой; это медь и железо, — все они развратители. Раздувательный мех обгорел, свинец истлел от огня: плавильщик плавил напрасно, ибо злые не отделились; отверженным серебром назовут их, ибо Господь отверг их”*. Иер. VI, 28-30. На что раббин Саломон, разбирая для непонимающих смысл пробирной чашечки, захотел добавить от себя: *“Пророк говорит здесь о Боге в образе ювелира, возжелавшего очистить золото, добавив в него свинца или олова, чтобы огонь не пожрал само золото, ибо после того, как им истреблен свинец, он повреждает золоту, пожирая и его”*.

Обратите внимание: если не иметь здесь в виду летучесть веществ, то легко впасть в грубые заблуждения. Есть две явные ошибки, способные вызвать насмешки даже со стороны учеников. Первая — смешать при купелировании олово с остающимся вместо свинца пеплом: тогда оба элемента отторгнут друг друга. Пророк от этого замечательно предостерег. Вот что на сей счет полагает Гебер в главе о пепле: *“Металлы, обладающие в своей субстанции в меньшем количестве ртутью, а в большем сульфуром, отделяются быстрее и легче, нежели их смеси. Таков и свинец, в составе которого больше сульфурной землистости и меньше ртути. В отличие от любого другого металла он более податлив и легок в плавке, купелируется меньше и отделяется скорее. Свинец наиболее пригоден для этого испытания еще и потому, что гораздо быстрее вбирает в себя тяжесть несовершенных металлов, смешанных с золотом и серебром. На драгоценные металлы он не оказывает никакого воздействия и не влечет за собой для них никакого вреда”*.

В субстанции олова, наоборот, ртуть превалирует над небольшим количеством сульфурной землистости; олово чище и утонченнее настолько, насколько крепче смешивается и глубже проникает в золото или серебро, от которых оно отделяется гораздо позже и не без принуждения, нанося драгоценным металлам ущерб и убыток”. Другая ошибка заключается в следующем. Когда свинец при купелировании изгоняет несовершенные

металлы, то спешит обратиться в дым и огонь, а внутри сосуда в стеклообразное вещество. Конечно, огонь не может ничем навредить золоту, ведь являясь чистым и совершенным, оно пребывало в нем тысячу лет, не причинив ущерба ни одной своей частице: *"Cui rerum uni nihil deperit, tuto etiam in incendiis rogisque durante materia"*⁹⁰, — скажет Плиний⁹¹ о золоте, и это можно видеть на практике. И все же пророк доподлинно констатирует, что имея такое количество нечистых примесей к золоту и серебру, для очистки от них драгоценных металлов нужно добавлять свинец более одного раза.

Так и беззакония евреев были столь велики, что их неотвратимо постигли одна за одной несколько скорбей, чтобы они осознали свои прегрешения и освободились от них. Так и врачи нередко удваивают употребление пациентом лекарств и медикаментов в период, когда болезнь уже обречена, но пока еще строптивая, ведь скорби и несчастья действуют на нас наподобие огня и свинца на загрязненные металлы. Саломон говорит: *"Sicut igne probatur aurum et argentum, ita corda probat Dominus"* — "Он испытал их как золото в горниле и принял их как жертву всесовершенную". Прем. III, 6. В Писании читаем: "Все, что ни приключится тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничтожения будь долготерпелив, ибо

⁹⁰ Всякая единая вещь, которая не уничтожается, не боится, даже если ее материю подвергнут закаливанию пламенем. — Прим. пер.

⁹¹ Естественная история, книга 33, гл. 3. — Прим. пер.

золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле уничтожения". Сир. II, 4, 5.

Святой Григорий в своих "Пасторалиях", комментируя Иезекиеля, особо останавливается на фрагменте со следующими метафорами и уподоблениями: *"...сын человеческий! дом Израелев сделается у Меня изгарью; все они — олово, медь и железо и свинец в горниле, сделались как изгарь серебра. Посему так говорит Господь Бог: так как все вы сделали изгарью, за то вот, Я соберу вас в Иерусалем. Как в горнило кладут вместе серебро, и медь, и железо, и свинец, и олово, чтобы раздуть на них огонь и расплавить; так Я во гневе Моем и в ярости Моей соберу, и положу, и расплавлю вас. Соберу вас и дохну на вас огнем негодования Моего и расплавитесь среди него. Как серебро расплавляется в горниле, так расплавитесь и вы среди него, и узнаете, что Я, Господь, излил ярость Мою на вас"*. Иез. XXII, 18-22.

Святой Григорий применяет это к евреям, которые в своих несчастьях никак не прекращают предаваться порокам и прегрешениям и не желают встать на исправления, делаясь все хуже и хуже. У Малахии сказано в такой же форме: *"И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро, чтобы приносили жертву Господу в правде"*. Мал. III, 2, 3. Обратите внимание, как удивительно здесь соотносятся золото с верой и религией, а серебро — с

деяниями, из которых ни одно, ни другое не чисто, и тщетно старались бы их представлять пред Господом. Необходимо, чтобы все прошло через огонь, по слову псалмопевца: *"Ты испытал сердце мое, посетил меня ночью, испытал меня огнем⁹² и ничего не нашел; от мыслей моих не отступают уста мои"*. Пс. XVI, 3.

У святого Иоанна Златоуста говорится, что огонь по воле Божией творит разнообразные дела. Вспомним: он не принес никакого вреда трем отрокам в печи огненной и сжег тех, кто находился снаружи, подобно тому, как море дало сухой проход для ног изральтян и поглотило фараона вместе с челядью, преследовавших их. Есть огонь, говорит в толковании на XXXVIII псалом святой Амбросий Медиоланский, который своим жаром истребляет вину и стирает грех, но нельзя думать, будто это материальный и дольный огонь. У последнего нет ничего общего с духовностью, кроме аналогии и сходства, ведь существуют большие диспропорции между вещами, постигаемыми и чувственными, о чем свидетельствует Иеремия: *"Et erat ignis flammiger ans in ossibus meis"*, или *"...но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог"*. Иер. XX, 9.

В общем, все священное Писание переполнено образными оборотами, связанными с огнем и металлами, как сказано у пророка

⁹² В Библии на русском языке слово "огонь" отсутствует. — Прим. пер.

Хаггея⁹³: *"Meum est argentum, meum est aurum, dicit Dominus exercituum"*, или *"Мое серебро и Мое золото, говорим Господь Цебаот"*. Агг. II, 8. Золото, серебро и другие металлы вместе с совокупностью всевозможных вещей, как ярко выражается блаженный Иероним, все Его, поскольку они созданы Богом и получили от Него свои сущность, существование и поддержку. *"Domini est terra et plenitudo eius"*, или *"Господня земля и что наполняет ее, вселенная и все живущие в ней"*. Пс. XXIII, 1. Тем не менее, золото и серебро, которые Бог здесь по-особому называет своими, нужно понимать мистически.

Под серебром толкователи понимали устный закон: *"Eloquia Dei, eloquia munda, argentum repurgatum in fusorio, a terra repurgatum septuplum"*, или *"Слова Господни — слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное"*. Пс. XI, 7. Под золотом понимался закон писанный, как говорит Зогар, где многое дозволено созерцать и исследовать, ибо всякая форма буквы, всякая точка и всякая огласовка в нем составляют определенную тайну, что отдельно оговаривается в *"Тина Эгоз"* (*Ghinah Egoz*) или в "Ореховом саду" рабина Йозефа Кастильского. С другой стороны, серебро соответствует "Ветхому Завету", а золото — "Новому Завету". Ориген сравнивает веру с золотом, а вероисповедание и проповедь его с серебром; первая воспринимается

⁹³ Хаггей — ивр. חַגְגֵּי, в переводе на русский язык неверно написано как "Аггей". — Прим. ред.

мыслью, а вторая — словом и высказыванием, что производят уста, выражающие и распространяющие их вовне. У Саломона сказано: *“Argentum electum lingua iusti”*, или *“Отборное серебро — язык праведного, сердце же нечестивых — ничтожество”*. Притч. X, 20. Следовательно, эти два металла означают: правую веру, чистоту совести и устной проповеди, храм и Церковь Божию в христианстве, славу ее, namного превосходящую знаменитость иудейского закона, являвшегося только темной тенью церкви. Золото символизирует сердце, соответствующее Солнцу и огню, а серебро — слова с солью, которой они должны быть приправлены. *“Propinquum est tibi verbum in ore tuo, et in corde tuo, ut facias illud”*, или *“но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его”*, или гласит “Ветхий Завет”. Втор. XXX, 14. “Новый Завет” продолжает: *“Ибо если устами будешь исповедывать Иисуса Господом, и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься”*. Рим. X, 9. В обоих случаях — золото и серебро, которое Бог хочет положить в основание: золото земли Хавила в земном раю с карбункулами и изумрудами, которые в LXVII псалме именует незрелым золотом.

Таковы очищения, происходящие от огня, когда он действует на металлы, являющиеся наиболее крепкими и твердыми соединениями из всяких элементарных субстанций. Остановились мы на них именно потому, что пророки ими пользовались в большинстве слу-

чаев для своих аллегорий, где они представлены несовершенными и со скверной стороны свинцом, оловом, железом и медью, а иногда даже и золотом: *“Calix aureus Babylon”*, или *“Вавилон был золотою чашею”*. Иер. LI, 7; *“Tu es caput aureum”*, или *“Ты — это золотая голова!”* (Даниель, говоря о Небукаднецаре⁹⁴, Дан. II, 38; *“Multi sunt in auro casus”*, или *“Многие ради золота подверглись падению, и погибель их была пред лицом их”*. Сир. XXXI, 6. Зогар даже называет золото навозом сатаны, в соответствии с текстом Писания: *“Ab Aquilone aurum venit”*, или *“Светлая погода приходит от севера”*⁹⁵. Иов XXXVII, 22. Ибо север каббалистами всегда понимался в дурном смысле из-за того, что солнце там никогда не заходит и совпадает с полночью, в которую активность злых сил достигает своей крайней мощи, тогда как в полдень — доброго начала. Впрочем, нельзя понимать, что пророк хотел сказать, будто золото происходит из северных земель. Ведь он никак не задумывался о смысле непрерывных холодов, благодаря которым оно образует в большинстве случаев именно там, где свет падает под уклоном и Солнце распространяет свои лучи как бы с пригорка, находясь в южных странах; подобный рассеянный свет необходим и для созревания хороших вин.

⁹⁴ Небукаднецар — ивр. נְבוּכַדְנֶאצַּר, перевод на русский язык этого имени как “Навуходоносор” в Библии неправильный. — Прим. ред.

⁹⁵ В Вульгате: “Золото приходит от Аквилона (севера)”. — Прим. пер.

Кстати, Франциско д'Уиедо (Francisco d'OUiedo) в 1-ой главе XVI книги своей всеобщей истории Индии, говоря о Гиперборее, полагает: *“Остров Гиперборея, называемый по-другому Святого Иоанна, очень богат золотом, и его там добывают в большом количестве. Соответственно и в странах Севера, как части противоположной Югу, оно хорошо пополняет свои запасы”*. Тем не менее, его находили и в Испании. Итак, золото не единожды употреблялось в качестве скверной вещи, к примеру, золотого тельца, отлитого израэльтянами в отсутствие Моисея. Об этом идолу было сказано одним из их раббинов, что он не принес бы столько бед и несчастий, когда бы в евреях не было примешено хотя бы унции от этого идола. Но серебро по причине своей белизны, обозначающей милосердие, всегда предстает добрым, сохраняя за собой первенство по отношению к золоту, ибо сказано пророком: *“Meum est argentum, et meum est aurum”*, или *“Мое серебро и Мое золото, говорит Господь Цебаот”*. Агг. II, 8.

Специалисты по сновидениям также считают, что видеть во сне золото означает близкую скорбь, поскольку оно соответствует навозу и ушной сере, то есть двум крайне горьким сущностям. Горечь олицетворяет досаду, печаль и страдание, как жемчужины — слезы из-за сходства, которым они обладают с последними. Серебро же всегда являет собой радость и веселье. Зогар говорит, что золото связано с архангелом Габриелем⁹⁶, а

⁹⁶ Габриель — ивр. גַּבְרִיֵּאל, Гавриил в русском переводе Библии ошибочно. — Прим. ред.

серебро — с архангелом Михаелем⁹⁷, превосходящим Габриеля, медь — с архангелом Уриелем⁹⁸, потому что он предстает в огненном цвете, называемом Уром Халдейским. Говорят, что золото и огонь идут друг за другом и медь вместе с ними, из которой был возведен маленький алтарь, украшенный золотом с внутренней стороны, на котором изливалась кровь жертв, как повествует “Исход”, XXXVIII, XXXIX. Серебро — это свет нарождающегося дня и Якоб; золото — свет ночи и Есав⁹⁹ или Эдом, рыжий цвет. Серебро представляет собой молоко, а золото — вино, обозначая коварство и хитрость, о чем сказано: *“Вздумал я в сердце моем усладить вином тело мое и, между тем, как сердце мое руководилось мудростью, придерживаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни жизни своей”*. Еккл. II, 3.

Но, возвращаясь к нашей главной теме, отметим, что огонь, наряду со своими качествами и эффектами, является весьма очищающим, и как соль, воздействуя на тела и другие бранные субстанции, истребляет большую часть разлагающей их влаги. Точно так же поступает и огонь, и аналогично духовный огонь,

⁹⁷ Михаэль — ивр. מִיכָאֵל, Михаил в русском переводе Библии ошибочно. — Прим. ред.

⁹⁸ Уриель — ивр. אֲרִיֵּאל, Уриил в русском переводе Библии ошибочно. — Прим. ред.

⁹⁹ Есав — שָׂע, греч. Ησαυ, перевод имени как “Исав” неверен. — Прим. ред.

который не что иное, как милостивый жар Духа Святого, опаляющего нас верой, милосердием, надеждой, избавляющего нас от нечестия нашей души, по сказанному Пророком: *"Decoquam ad purum scoriā tuam, et omne stannum tuum"*, или *"Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать это"*. Ис. I, 16. Следующее место у пророка достаточно свидетельствует, что Святой Дух является не только светом, но огнем и пламенем, которое просаливает и очищает нашу совесть от ее пороков и беззаконий: *"Et erit lumen Israel in igne; et sanctus eius in flamma"*, или *"Свет Израеля будет огнем, и Святой его — пламенем, которое сожжет и пожрет терны его и волчцы его в один день"*. Ис. X, 17.

Солнце, предстающее видимым образом невидимого божества в своем свете и животворящем тепле, которыми поддерживаются все чувственные вещи, поскольку интеллигбельные черпают это от сверхнебесного Солнца, производит тот же самый очистительный эффект, что и огонь. И это видно на практике, ведь места, куда не проникают солнечные лучи, всегда затхлы и несвежи. Чтобы их очистить, открываются окна для доступа света, и все освещается обильным огнем, очень необходимым во время чумы, ибо он изгоняет скверный воздух, как делает свет со тьмой, а вместе с ним и злобных духов, успешно действовавших в темноте: *"A peste perambulante in tenebris"*. Евреи называют этого кровожадного демона ночи *Дебер (Deber)*: *"et ab*

*incursu et daemonio meridiano*¹⁰⁰"; демона дня и полудня — *Кемеб (Keteб)*; у греков он — *Эмпуза (Empusa)*. Суидас, XXXVI, 27.

Огонь, говорит Плиний, обладает некоей силой и медицинской добродетелью против чумы, которая образуется в отсутствие Солнца, скрываясь от него; поэтому воспламенение и нахождение огня здесь и там могут принести большое облегчение и оказать определенную помощь, как это в прошлом хорошо показали Эмпедокл и Гиппократ. В Афинах жил один врач, боровшийся с чумой во время ее свирепствования в городе посредством огня. Подобно тому и от подлинной душевной чумы, состоящей в отравляющих душу беззакониях и пороках, лекарство и противоядие следует искать в огне покаяния, возжигаемом в ней Святым Духом. В священном Писании сказано: *"Concaluit cor meum intra me; et in meditatione mea exardescet ignis"*, или *"Воспламенилось сердце мое во мне; в мыслях моих возгорелся огонь..."*. Пс. XXXVIII, 4.

Есть также огонь терзаний (о нем говорилось выше), который пожирает нашу суетность и чрезмерные вожеления, когда мы, обращаясь к Богу, могли бы сказать вслед за одним из древних святых отцов: *"Felix tribulatio, quae cogit ad poenitentiam"*. Повторив затем слова святого Григория: *"Mala quae nos hic premunt, ad Deum*

¹⁰⁰ "Чума проникает во мрак"; "защити от нападения и южного демона". — Прим. пер.

*citius venire compellunt*¹⁰¹. Во имя нашего блага Бог возжигает в нас огонь нравственных мук, о чем прекрасно сказано: *"Proba me Domine, et tenta me: ure renes meos, et cor meum"*, или *"Искуси меня, Господи, и испытай меня; расплавь внутренности мои и сердце мое"*. Пс. XXV, 2. У Захарии здесь присутствует метафора, относящаяся к бытию металлов: *"И будет на всей земле, говорит Господь, две части на ней будут истреблены, вымрут, а третья останется на ней. И введу эту третью часть в огонь, и расплавию их, как плавят серебро, и очищу их, как очищают золото: они будут призывать имя Мое, и Я услышу и скажу: "это Мой народ", и они скажут: "Господь — Бог мой!"* Зах. XIII, 8, 9. Ибо огонь, как было сказано, обладает двойным свойством: отделять чистое от нечистого и совершенствовать чистое: *"Aufer rubiginem de argento, et egredietur vas purissimum"*, или *"Отдели примесь от серебра, и выйдет у серебряника сосуд"*. Притч. XXV, 4. Но суть этих значений лучше сохранилась в древнееврейском, нежели в любом другом языке; глагол *szaraph*, относящийся к серебру, значит расплавлять и усовершенствовать, тогда как присущий золоту глагол *baban* означает испытывать. Один определяет возвышенного в Боге и святую чистоту совести в серебре; другой — совершенное постоянство в золоте, которое можно познать, лишь искушая: отсюда происходят достоинство и вечная слава: и то, и другое прошли испытание и проверку огнем.

¹⁰¹ "Блаженное терзание, что ведет к раскаянию"; "Худое, когда мы, подавленные грехом, пред Господом Богом вскоре предстанем к ответу". — Прим. пер.

Недаром Иоанн Златоуст говорит, что огонь по отношению к золоту и серебру, то же самое, что и душевные страдания, в которых душа очищается от нечестия и грязи, становясь чистой и светящейся, согласно сказанному в притчах: *"Плавильня — для серебра, и горнило — для золота, а сердца испытывает Господь"*. Притч. XVII, 3. И далее в Писании: *"Глиняные сосуды испытываются в печи, а испытание человека — в разговоре его"*. Сир. XXVII, 5. Есть и такие, говорит один из святых отцов, кто, загоревшись в огне несчастья, делаются гибкими и податливыми, но выйдя из него и удалившись от пламени, становятся неспособными к обращению и исправлению.

Ориген в Гомилии 5 на 3-ью главу кн. Нав. (*"Qui approximant mihi, approximant igni"*, или *"Приближающийся ко мне, приближается к огню"*) говорит, что если бы вы являлись золотом или серебром, то чем больше бы приближались к огню, тем больше бы становились блистающими. Но если вы сделаны в основании веры из дерева, сена и соломы, то когда приблизитесь к огню, тотчас будете сожжены. Блаженны те, кто приближаются к огню, будучи светел, но не жгуч, как написано в Писании: *"Sanctificabit te Dominus in igne ardenti"*, или *"И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий"*. Мал. III, 2.

Блаженный Августин в толковании на XLV псалом *"Transivimus per aquam et ignem"*¹⁰²

¹⁰² "Пройдем чрез воду и огонь". — Прим. пер.

отмечает, что когда горит огонь, вода разрушается. Если нас посещает всякое несчастье, оно нас охватывает как бы огнем. Мирское же преуспевание, наоборот, как бы водой. Хорошо закаленный в огне земной сосуд больше не боится ни воды, ни огня. Итак, закалим себя огнем страдания, терпеливо держась в нем, ведь если наша глина не укрепится в огне, вода мирской суетности ее размягчит и растворит в грязь. Особо же нам необходимо пройти через огонь, дабы достичь воды умиловления и милосердия, о чем Иоанн Креститель скажет следующее: *“Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем”*. Мф. III, 11. Об огне же читаем следующее: *“Но самое чудное было то, что огонь сильнее оказывал действие в воде, все погашающей, ибо самый мир есть поборник за праведных”*. Прем. XVI, 17.

Блаженный Августин придерживался того же мнения, считая, что во время таинства крещения человек при изгнании злых духов и наставлении подвергается сначала огненному, а затем уже и водному крещению. Последнее подобно искушениям века, где отягчающая нас скорбь, прежде всего, представлена огнем; но когда страх ее преодолен, стоит опасаться, чтобы поветрие суетной славы, проистекающей от земного счастья, не превратилось бы в дождь, способный загасить огонь рвения и милосердия, в скорби сумевший завладеть нашими душами. Кстати, об огне и воде крещения, обозначенных в вышеназванном фраг-

менте *“Transivimus per aquam et ignem”*, отсылающих нас к XXXI главе книги “Чисел” об очищениях огнем и водой, согласующейся с тем, что могут претерпеть вещи. Ибо зримое крещение слагается из видимой воды, частью которой является соль, представляющая собой не что иное, как воду, сгущенную остротой огня, в ней запечатленного.

Когда говорят, что необходимо, чтобы всякая жертва была просоленной, мы имеем в виду внешнего человека; крещение человека внутреннего, духовного совершается по милости Святого Духа, воплощенного в незримом и неосязаемом огне, в противном случае он бы привязывался к определенной материи, как и душа к телу. Этот огонь сжигает в нас смертные грехи, а вода смывает и очищает проступки и упущения.

Но, спрашивается, откуда исходит, и каков этот огонь, очищающий наши души, согревающий их Божественной любовью, просвещающий их знанием. Ведь любят то, что знают, а мы можем любить и видеть его свет только через свет (*“In lumine tuo videbimus lumen”*, или *“ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет”*; Пс. XXXV, 10), то есть через его Слово, соблаговолившее облачиться нашей плотью: *“Ignitum eloquium tuum nimis; et servus tuus dilexit illud”*, или *“Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей”*. Пс. CXVIII, 105). Именно об этом огне говорит СПАСИТЕЛЬ: *“Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!”* Лк. XII, 49. Подобно тому, как Прометей принес огонь

вниз, зажженный от одного из колес колесницы Солнца, так и Логос принес его зажженным от колесницы или престола Бога “меркабы” (Иез. I), полностью пламенеющей, как и описано у Данииля. Дан. VII.

Ориген в Гомилии 13 на XXV главу книги “Исход” (ст. 4: “*Hyacinthus, purpura, cocus duplicatus, et byssus*”, или “и шерсть голубую, пурпуровую и червленую, и виссон, и козью...”)) полагает, что четыре вида материала являют собой четыре стихии, из которых виссон или лен — земля, откуда он происходит. Пурпуровая шерсть — вода, ибо предстает в экстракте крови морской ракушки; голубая (по-еврейски *Texelem (Techeleth)* — гиацинтовая) — воздух, поскольку он небесной голубизны; малиновая — огонь из-за пылающего красного цвета.

Но почему же Мозес удвоил именно огненные цвета, а не что-либо иное? Да потому что огонь обладает двойным свойством: светить и освещать, а также сжигать, разумеется, тленные вещи, ибо нетленные он способен только все больше и больше совершенствовать и улучшать. “*Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял Писание?*”, — промолвили пришедшие в Эммаус. Лк. XXIV, 32. Вот почему в законе он повелел приносить дважды красную материю, чтобы ею украшать дарохранильницу. “Но каким образом должно понимать это?” — спрашивает Ориген и отвечает: “Учитель, наставляющий народ в церкви Божией, обозначенной дарохранильницей, если только восклицает, обвиняя в грехах и воссылая проклятия, никог-

да не преподаст ни наставления, ни утешения народу и не разъяснит ему Писания и сокрытый в нем тайный смысл, в котором заключена внутренняя доктрина и мистическая мудрость”. Такой пастырь приносит обычную, а не двойную красную материю, поскольку его огонь может лишь сжигать, но не просвещать. С другой стороны, всякий, кто лишь изъясняет и толкует Писание, не обличая пороки и грехи, поступает иначе по отношению к провозвестнику слова Божия. Он приносит ту же самую простую красную материю, ведь огонь его только освещает, а не воспламеняет к покаянию в содеянном, к исправлению жизни, чему должна содействовать милость Святого Духа, предстающая укропленным огнем.

Этим огнем необходимо просолить наши души, дабы предохранить их от тления, ибо нет для души символа естественнее огня: он один из всех чувственных вещей наиболее ближе к духовности, как благодаря своему непрестанному и легкому движению, так извечному стремлению к противоположному. Его свет, по словам Плотина, должен быть воистину присутствующим познаваемому миру, тепло — небесному, и горение — элементарному. И поскольку огонь происходит от света больше, нежели всякий другой из элементов, это дает ему превосходство над всеми ними. А так как земля по своей природе твердая, темная и непроницаемая, следовательно, она — наименьшая по достоинству, как гуща и отстой всех других.

Вода светлее, а потому выше по достоинству, затем воздух, но превосходит всех в этом

огонь, поскольку проистекает из самого горнего места, расположенного у эфирного пространства. О чем и хотел сказать небезызвестный литератор Винсент в 33-ей главе 2-ой книги своего "Философского зеркала": *"Каждая вещь сколь более происходит от света, столь более приближается к божественной сущности, являющейся совершенным светом, которым Бог начинал создание вселенной, и первой установленной Им вещью был свет; отсюда понятно, что мы должны всегда стремиться к свету, но не к тьме"*. И наоборот, чем больше элементы удаляются от света, тем больше ими овладевает неравномерность и бесформенность, которые суть показатель тленности, ведь пока части элементарного соединения гомогенны и тождественны, или подобны друг другу, они наименее подвержены разрушению и распаду, что можно видеть на примере золота, самой соразмерной субстанции из всех и наиболее приближенной к огню. Об этом и говорит Пиндар в начале своей Первой олимпийской оды, соединяя вместе воду, огонь и золото:

Ἀρίστον μὲν ὕδωρ οὐδὲ
χρυσὸς αἰθέμενον πυρ...

*"Лучше всего на свете вода -
Но золото,*

Как огонь, пылающий в ночи,

Затмевает гордыню любых богатств¹⁰³..."

¹⁰³ Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М. "Наука", 1980. "Олимпийские песни". 1 (Пелоп). Пер. М. Л. Гаспарова. — Прим. пер.

Не видно ли, как почти постоянно земля меняет свое естество и качество, имея их бесконечное множество? С водой уже сложнее, а воздух наиболее сам себе тождествен: он имеет только случайные изменения и повреждения своей природы, к примеру во время эпидемий определенных заболеваний, внезапно охватывающих его и быстро распространяющихся в нем, благодаря редкости своей субстанции, в отличие от всех других.

Огонь есть исключение из данного числа, будучи всегда единым и подобным в своих частях, тождественных в самих себе, иначе его бы заставила измениться материя, к которой он привязывается. Именно это его и сближает с небесным естеством, единообразным по сути, гармонично установленным и избавленным от собственного несоответствия, творящим очистительный огонь из всех своих элементов, освещающим их и предающим очевидности. У святого Луки (Лк. XII) Спаситель наставляет своих учеников иметь зажженные светильники в руках, чтобы их свет сиял бы перед людьми (также Мф. V) и их добрые труды можно было бы видеть, прославляя Отца, сущего на Небесах, ибо всякий вершащий зло боится света, который, по словам Иова, для злодеев хуже, чем смертная тень. Иов. XXIV. Этот же смысл хотел сокровенно передать Мозес, направляя Бога на юг, где наиболее ясный свет дня. И святой апостол Павел (1 Тим. VI) говорит об обители неосязаемого света, без которого бы все оказалось во власти чудовищной тьмы, называемой евангелистом тьмою внешней. Мф. XXV. Итак,

будем бдительны, чтобы свет, вложенный в наши души не помутнел бы, превратившись в черную тьму. Лк. XI. Этого не случится, если на крепком основании, дарованном нам своим знанием, мы будем строить не из сена, дерева и соломы, а из золота и столь светящихся и сияющих драгоценных камней.

И вновь обратимся к тому, как удивительно рассуждает об огне и свете Зогар, комментируя знаменитую фразу из Библии *"Dominus Deus tuus ignis consumens est"*, или *"ибо Господь, Бог твой, есть огонь поядающий, Бог ревнитель"* (Втор. IV, 24): существует огонь, пожирающий другой, поскольку он сильнее, что можно увидеть на любой горящей головне или факеле, пламя которых слагается из двух видов: одного голубого, связанного с черным нагаром и поддерживающего свою жизнь на распаде; и другого белого, происходящего от красного разожженного нагара; голубое выше переходит в белое, как бы возвращаясь к своему истоку (об этом хорошо знал Гомер, когда в 6-ой главе "Одиссеи" он присвоил Олимпу чистое и белое сияние — *λευκή του επιδεδρομένο αἴϋλη*). Не представить четыре мира лучше, чем в следующих категориях: белый огонь — это мир превыше небес; голубой — небесный; пылающий нагар — мир элементарный. Горящая чернота — ад, который обозначает тело, а краснота — живых духов, пребывающих в крови. Голубой свечение — душу, и белое — интеллект, запечатленный в душе божественный характер. Как голубой цвет превращается иногда в желтый, иногда в белый, так и наша душа бывает склонна к добру или злу,

в зависимости от того, следует ли она побуждениям тела или требованиям и повелениям разума, в соответствии со сказанным в Библии: *"Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним"*. Быт. IV, 7.

Белое пламя всегда постоянно: оно, в отличие от голубого, не изменяется и не превращается в другое. Таким образом, огонь в данном месте является четверичным: внизу на своем нагаре — черным, переходящим в голубой; выше их — красным и белым. Это соответствует также четырем стихиям: черное материальное пламя — земле, голубое, более духовное — воздуху, красное — огню, и белое — воде. Само небо составлено из огня и воды, которая существует выше небес: *"Benedicite aquae quae super caelos sunt Domino"*¹⁰⁴. Однако все это не что иное, как огонь, о чем ясно свидетельствует Моисей, сын Маймона, в 31-ой главе 2-ой книги своего "Морея", где он говорит, что под именем земли понимаются четыре элемента, и во тьме разумелся первоначальный огонь, ибо сказано в Писании: *"И говорил Господь к вам из среды огня; вы слышали Его глас из мрака"*¹⁰⁵, но образа не видели, а только глас". Втор. IV, 12.

Этот огонь и назывался первоначальным огнем, не являясь ни светящим, ни освещающим, ни даже прозрачным на вид, подобно

¹⁰⁴ "Благословенны, Господи, воды, сущие выше небес". — Прим. пер.

¹⁰⁵ В Библии на русском языке: глас слов Его вы слышали. — Прим. пер.

воздуху, ибо, если бы он таковым был, мы увидели бы ночью воздух, засиявший как огонь. Вот почему впервые названная тьма обозначала огонь, и о ней говорится: *"Et tenebra erant super faciem abyssi"*, ибо огонь находился поверх других трех элементов, разумеемых под словом бездна. Есть и другая тьма, которая следует после того, как произойдет разделение вещей: *"Et tenebras appellavit noctem"*¹⁰⁶. Так считает вышеупомянутый раббин, в чем вторит 65-ой суре Алкорана: *"Vobis ignem clarum atque formosum immitat"*¹⁰⁷. Все относящееся к черной низшей части разрушится и уничтожится, уступив место смерти, после которой настанет истинная жизнь; одинаково и голубое пламя, деградирующее в черном, либо продолжающее над ним господствовать. Белое же пламя не может оскверниться: оно развивается внизу, чтобы перенестись обратно, не оставляя преимущества иным огням, ничего у них не разрушая и не уничтожая, не будучи само уничтожено или повреждено в своем светлом сиянии, в отличие от других. Вот почему нам необходимо прильнуть к этому пламени, просолившись в его никогда не изменяющемся белом огне, следуя словам Писания: *"А вы, прилепившиеся к Господу, Богу вашему, живы все донны"*. Втор. IV, 4. Но если голубой свет нашей души устремится к помутившемуся чернотой или красному пламени, в

него войдет чуждый огонь, который нас пожрет и уничтожит.

Познание элементов и их цветов не останавливается на телах, образованных здесь внизу, так как отсюда мы можем подняться по лестнице Якоба вверх к миру небесному, где существуют те же элементы. Но здесь они несколько иного рода и более простые и чистые, проследовав оттуда в мир познаваемый, где они представлены в своей истинной сущности, ибо все состоит из четырех элементов. Гермес в своем трактате из семи глав говорит: *"Intelligite filii sapientum non corporaliter duntaxat, sed spiritualiter etiam, quatuor elementorum scientiam; quorum occulta apparitio nequaquam significatur, nisi prius componatur; quia ex elementis, nihil fit absque eorum compositione et regimine"*¹⁰⁸. Не пожелаем ли мы вслед за этим углубиться в тайны кабаллы? Данное соединение и состав элементов не что иное, как священный невыразимый Тетраграмматон יהוה, Jehovah, который содержит в себе все, что было, есть и будет. Здесь последняя буква ה he обозначает тело и материю, дерево или что-то похожее, к чему привязывается огонь; ו vaу или переходное звено, сближающее два ה he, умозрительное и чувственное, заключает в себе духов, соединяющих душу с телом; багровое воспламенение угля или нагара с голубым огнем,

¹⁰⁶ "И тьма стояла над лицом бездны". "И тьма назвалась ночью". — Прим. пер.

¹⁰⁷ "Нам в пламени ясном изящество передается". — Прим. пер.

¹⁰⁸ Данный фрагмент несколько отличается от первого (см. прим. 28), однако перевод первого фрагмента дополнен смысловыми выражениями и значениями, присутствующими во втором. Все это сведено в вышеуказанной ссылке. — Прим. пер.

являющим душу. И 'jod — это неизменный и постоянный белый огонь интеллекта, где все обретает свое завершение: его белизна — престол истинного духовного и сокровенного света, видимого и постижимого только в себе самом. Потому что наше естество само по себе есть темная субстанция, верно напоминающая Луну, способную воспринимать лишь свет Солнца, который она может передавать; так и наша душа служит отражением интеллектуального света. И нет никакого создания, являющегося в самом себе сущностный свет: оно обладает пока только участием единого истинного света, разумно светящего во всех и через всех. Это, согласно Зогару, *хасмаль* (*chasmal*) Иезекиеля; от него проистекает двусоставный огонь, являющийся, тем не менее, единой вещью: он включает белый свет, который поднимается и освещает, и никакой смертный глаз не сможет его вынести. О нем сказано: *"Lux orta est iusto, et rectus corde laetitia"*, или *"Свет сияет на праведника, и на правых сердцем — веселие"*. Пс. XCVI, 11.

Этот свет соответствует познаваемому миру и внутреннему человеку. Другой является сверкающим и пылающим светом, яркого красного цвета, соединенный и единый с углем или нагаром, обозначающим чувственный мир, человека внешнего и телесного. Душа образуется посередине из голубого света, частично связанного с нагаром и белым пламенем, устремляясь, порой, то к одному, то к другому, и от того, к чему прилепляется, она бывает или зажжена, или просвещена, как счи-

тает Ориген в толковании на книгу XIV Иеремии: Бог есть красный пылающий огонь, истребляющий и уничтожающий для грешников, а для святых угодников и праведников Он — белый отрадный и животворящий свет. Ямвлих, который хотя и не поднимается столь высоко как Зогар, рассматривая лишь свет и отражение естества, прекрасно говорит вслед за финикийской теологией следующее: все, что мы можем воспринять доброго и радостного в этом чувственном мире, происходит от света, распространяемого солнцем и светилами, прославляющими его. И как Солнце передает свой свет луне, звездам и всем небесам, так и интеллигибельному миру Бог сообщает собственный свет, живой источник всего прочего в своих блаженных энергиях.

Все, что наши души могут иметь доброго, утешительного и совершенного, с тех пор, как они вошли в тело или отделились от него, исходит от этого изначального света. Он озаряет их мыслью, наподобие солнечных лучей в бассейне, вогнутом зеркале, воде или на витраже, согласуясь с тем, что пишет святой Дионисий Ареопагит в 4-ой главе своего произведения "О божественных именах", изначальный свет, проистекая от абсолютного блага, несет в себе и его наименование. И раббин Елиазар в своих главах, основываясь на стихе из Писания (*"Amictus lumine sicut vestimento"*, или *"Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер..."* Пс. CIII, 2), считает, что небеса были сотворены из света облачения Творца, а земля из света, бывшего

подножием престола Его славы. Можно сказать, что во всех аллегориях раббинов заключены великие тайны, от которых недалеко уклоняется святой Дионисий Ареопагит в цитируемом месте, ведь прекрасное и великое ярко-светящее Солнце само по себе является отражением и образом абсолютного блага, простирающего свой свет на все мироздание и сообщающего его тем, кто способен его воспринять. Нет ничего, что не принимало бы участия в его свете и животворящем тепле (*"non est qui se abscondat a calore eius"*, или *"от края небес исход его, и шествие его до края их, и ничто не укрыто от теплоты его"*; Пс. XVIII, 7). Оно подобно предвечному свету славы над небесами, оживляющему и совершающему все, что имеет быть, изгоняющему тьму и затхлую плесень, которая могла бы появиться в вещах, озаряющему наши души желанием все больше и больше приобщаться к своему сиянию.

Когда животворящее тепло постепенно испытывает нашу душу, это обращает и ведет ее к исполнению и осуществлению абсолютного блага, состоящего в душевном свете, в том числе и на уровне интеллекта, освещающего душу во имя постижения живого источника, откуда и происходит сам разум. Ведь свет сам по себе есть лишь наиболее достойное и превосходное качество огня, которому он присущ и свойственен, происходя от огня, посредством чего проявляется все доступное нашему взору.

Однако нет ничего тяжелее для разумения, нежели огонь и свет, ибо наблюдаем и раскрываем их только тогда, когда они наиболее скрыты в нас, вплоть до нашего ослепления и низведения нашего сознания во мрак: *"Sicut tenebrae eius, ita et lumen eius"*, или *"Но и тьма не затмнит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма, так и свет"*. Пс. CXXXVIII, 12.

Значит, без света нам никак нельзя говорить о Боге, потому что Он — истинный свет (*"Quia tu lucerna mea, Domine"*, или *"Ты, Господи, светильник мой; Господь просвещает тьму мою"*; 2 Цар. XXII, 29), просвещающий нас словом: *"Lucerna pedibus meis verbum tuum"*, или *"Слово Твое — светильник ногам моим и свет стезе моей"*. Пс. CXVIII, 105. Сияние Отца, живой источник бытия, как его называет блаженный Августин вслед за святым Иоанном Богословом: *"В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его"*. Ин. I, 4, 5. И в этом свете мы обладаем двойным преимуществом — жизнью, которой мы живем, и жизнью в лицецернии освещающего нас света. Духовный человек использует то и другое, тогда как телесный — только первое, поскольку сам погружен во тьму: *"Есть из них враги света, не знают путей его и не ходят по стезям его"*. Иов. XXIV, 13. Как если бы они поместили светильник в фонарь из тесанного камня, либо в похожую темную и непроницаемую сущность, где бы его свет оказался угасшим и погребенным, не сумев вырваться наружу из-за мешавшей ему преграды.

Святой Амбросий Медиоланский пишет: *“Если мы испытываем недостаток света, не будет больше ни милости, ни украшения, ни радости в нашем доме; ибо из этого складывается то, что только и может быть там приятным”*. Это было заимствовано у Гомера, что приписывалось ему Суидасом, когда в неприятное время холодов и дождей, находясь в гостинице, где зажигался свет, в невеселой обстановке ему приходилось сочинять стихи, гласившие о том, что дети являлись украшением и венцом отца, башни — стен, лошади — степеней, корабли — моря, магистраты — площади собраний, где подается правосудие народу. Яркое же зажженный огонь есть убранство и веселье дома, который в эту пору становился еще более почитаемым:

αἰδομενον δὲ πυρὸς κραυγῆτος οἶκος ἰδεῖσθαι

Некоторые их приписывают Гесиоду. Трисмегист, впрочем, называет свет отцом всего, который создал человека сообразно с собой и участвующим в свете и жизни, от него зависящей: *“...et vita erat lux hominum”*, или *“...и жизнь была свет людей”*. Ин. I, 4. Отец, как Солнце, в своей сущности, от которой истекает сияние и тепло, неотделимые одно от другого. Так и пребывают они вместе, пусть даже порой и различаясь, в огне, согревающем наши души любовью и богобоязненностью, просвещающем в своем знании. Папа Иннокентий III в проповеди о Святом Духе говорит, что *“он был послан Ученикам в образе огня, чтобы осветить их Мудростью и согреть*

милосердием, регулирующим и образующим жизнь, а Мудрость устанавливает учение. И поскольку сей огонь обладает светом и теплом, благодаря которым он очищает и выбеливает, постольку и Святой Дух освещает своим свечением в Мудрости дух человеческий, очищая его своим пылким милосердием”. Именно в этом огне должен быть просолен внутренний человек, так как просаливание, прокаливание и горение сообщают свои наименования и смысловые значения через сообразные себе свойства и эффекты, ведь соль добавляется на вкус по причине своей едкости, а огонь по ощущению, когда он горит. Просоленная в полуготовом состоянии пища, как отмечалось прежде, и лучше переваривается желудком, и гораздо дольше сохраняется, все это свойства и эффекты огня.

Но обратимся от нижнего огня к небесному — к Солнцу, оку и сердцу чувственного мира и видимому образу невидимого Бога. Святой Дионисий Ареопагит называет его внешним и светлым изваянием Бога, а Ямвлих — образом божественной мудрости, Отцом жизни, отражением и портретом князя и державного владетеля всего мироздания, небесным и элементарным светом обеих миров. Ну как не сослаться нам здесь на удивительный авторитет Плутарха в истолковании слова ΕΙ, вокруг которого разворачивались серьезные и ни к чему не приводившие дискуссии? Плутарх пришел к выводу, что это слово не может обозначать иной вещи, кроме как ТЫ СУЩИЙ. Оно было взято из двух первых букв священного

Тетрагамматона יהוה Jehova, переставленных по-гречески наоборот ' П Е I, что вполне явствует о следующем: они были почерпнуты *non ex fonte caballino, sed Mosaico* (не из каббалистического источника, но Мозеса) и выражают такой смысл: *"Мы почитаем Бога в его существе своей мыслью и благоговеем перед солнцем, Его образом, во имя добродетели, которой Он его наделил для возрастания долных вещей. Сами же вовсе не представляем в сообщаемом всем сиянии, какова Его внешность, либо тень Его блаженства и милосердия. Да и насколько возможно проявленной Природе представить познаваемое и в подвижном увидеть неподвижное и стабильное?"*

Мы видим Солнце столь же хорошо, сколь и огонь, но не настолько, чтобы суметь его точно различить; слишком часто мы заблуждаемся своим разумом, будто способны постичь это светило на вид, а ведь солнце самое удивительное произведение из всех видимых созданий. Пусть оно и кажется нам не больше тарелки или блюда из-за огромного расстояния между им и нами, все же я с ужасом воспринимаю, после самых точных и безошибочных математических доказательств, что солнце в несколько раз превосходит земной шар с водами, имеющий шесть тысяч лье в окружности. Это явное свидетельство мудрости и величия его Архитектора, о ком прекрасно сказано в Писании:

"Вспомяну теперь о делах Господа и расскажу о том, что я видел. По слову Господа явились дела Его: сияющее Солнце смотрит на все,

и все дело его полно славы Господней. И святым не предоставил Господь провозвестить о всех чудесах Его, которые утвердил Господь Вседержитель, чтобы вселенная стояла твердо во славу Его. Он проникает бездну и сердце и видит все изгибы их; ибо Господь знает всякое видение и прозирает в знамения века, возвеющая прошедшее и будущее и открывая следы сокровенного; не минует Его никакое помышление и не утаится от Него ни одно слово. Он устроил великие дела Своей премудрости и пребывает прежде века и вовек; Он не увеличился и не уменьшился и не требовал никакого советника. Как возжеленны все дела Его, хотя мы можем видеть их как только искры! Все они живут и пребывают вовек для всяких потребностей, и все повинуются Ему.

Все они – вдвойне, одно напротив другого, и ничего не сотворил Он несовершенным: одно поддерживает благо другого, – и кто насытится зрением славы Его? Величие высоты, твердь чистоты, вид неба в славном явлении! Солнце, когда оно является, возвещает о них при восходе: чудное создание, дело Всевышнего! В полдень свой оно иссушает землю, и перед жаром его кто устоит? Распалют горн для работ плавильных, но втрое сильнее Солнце палит горы: дыша пламенем огня и блистая лучами, оно ослепляет глаза. Велик Господь, Который сотворил его, и по слову Его оно поспешно пробегает путь свой". Сир. XLII, 15-26. XLIII, 1-5.

Этот фрагмент в достаточной мере является парафразом 18-го псалма, где лаконично

даны три главных качества Солнца: его красота, сравнимая с супругом, выходящим из брачного чертога: *"Et ipse tanquam sponsus de thalamo suo"*, или *"и оно выходит из брачного чертога своего..."*; его сила и неудержимость гиганта: *"Exultavit ut gigas ad currendam viam suam; nec est qui se abscondat a calore eius"*, или *"... радуется, как исполин, пробежать поприще"*; его стремительность: *"A summo caelo egresso eius, et occursus eius usque ad summum eius"*, или *"от края небес исход его, и шествие его до края их, и ничто не укрыто от теплоты его"*. Пс. XVIII, 6, 7. Этого же момента касается блаженный Августин в третьей проповеди на Рождество: *"Три вещи суть у Солнца: его бег, его сияние и его тепло. Тепло иссушает, сияние освещает и его бег пересекает вселенную"*.

Но ведь и у человека, предстающего микрокосмом, сердце есть первоначальное средоточие жизни, первое живое и последнее умирающее. Так и для макрокосмоса, каковым является мир, Солнце служит источником, светом, животворящим теплом для всех вещей, светилом, дающим звездам и Луне сияние, которым они светят. Одинаково и ХРИСТОС — Солнце Истины и свет наших душ. Без Него они пребывали бы в ослепляющем мраке: *"Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни"* (Ин. VIII, 12), сохраняющийся у добрых и угасающий у злых как свидетельствует Писание: *"Lux impiorum extinguitur"*, или *"Да, свет у беззаконного потухнет, и не останется искры от огня его"*. Иов. XVIII, 5.

Этот свет иногда образуется злыми ангелами для нашего обмана, но когда мы на него подуем, он умалется и развеивается. Но истинный и правый свет освещает нас, не изменяясь, как в познании Божиим, от чего зависит наше спасение, так и в вещах чувственных и природных, которые обращены к нам в эффектах Солнца и огня больше, нежели всякая иная вещь, служа постижению абсолютной Мудрости, с которой Бог создал все посредством Слова. Ибо всякое знание, доступное нашему разумению в умозаключениях и рассуждениях проистекает от ведения чувственных вещей (*ничего нет в сознании, чего не было бы раньше в ощущении*) непостоянных и переменчивых, находящихся в непрерывном переходе из одного состояния в другое. А поэтому любое познание, исходящее от света Природы весьма неполноценно и испещрено неточностями и сомнениями, особенно когда не озаменовано божественным откровением, позволяющим видеть все в подлинной и реальной сущности, что и солнечный свет делает для всех телесных вещей.

Подобно тому и большинство языческих философов, углубившись в исследование естественных причин и сбившись с толку, были вынуждены признать, что путем умозаключения нельзя извлечь истины, как о том пространно рассуждают Аристотель и Птолемей. Невозможно основывать и систематизировать наши концепции, исходя из нашего взгляда на преходящие вещи и перенося его на духовные; слишком далеки одни от других,

и слишком велики их несоответствие и несоответственность.

Еще меньше мы можем это делать по отношению к вещам познаваемым, ведь чувственные вещи служат нам только ступенью, следуя сказанному апостолом: *"Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны"*. Рим. I, 20. Вот почему нам необходимо прибегать к духовному свету, занимающему высшее и абсолютное место в рассудочном познании. И поскольку свет более присущ вещам духовным, нежели телесным, постольку наиболее достоверными и подлинными являются вещи невидимые, чем видимые. Значит, единый Бог есть истинный свет в своей сущности, и от нее устремляется в наш дух всякое познание, способное его возвысить; подобно этому потенциальный свет нашего глаза происходит от солнечного света или от некоего искусственного, действующего в прозрачности воздуха. Место, из которого душевное око черпает свою духовность, словно бы преобразуется божественной мудростью, выступая в качестве Солнца, как отражения самой мудрости.

Если наш разум пребудет в огне божественной любви, то всегда сохранит живое свечение и ясность, но если он по неосторожности поддастся внешнему свету, то может вскоре затмить и заглушить господствующий внутренний свет. Таким же образом и маленькая свеча не властна светить, если ее выставить на

лучи сияющего летнего Солнца. После того, как этот чувственный свет, говорит святой Фома, комментируя XXXVI главу "Книги Хиоба", по абсолютному всемогуществу Господню, распределяющему его, как Ему заблагорассудится, иногда затаивается в людях и сообщается им, необходимо помолиться о другом свете, который Богом предназначен для вознаграждения благих дел, согласно сказанному пророком: *"Бог скрывает свет в Своих руках, повелевая ему вновь и вновь возвращаться и проявляться. Он его показывает тем, кого любит, кто способны возвыситься к свету"*.

Это весьма созвучно Зороастру: *"Тебе должно подняться к истинному свету и к чистым лучам Твоего отца, от которого была послана тебе душа твоя, облеченная многим разумением"*. Взгляните на соотношение двух солнц, чувственного и познаваемого, и на два света, от них исходящих. Ибо как свет Солнца изливается в первую очередь на телесные вещи, говорит блаженный Августин в книге о свободной воле, и благодаря этому низшие сообщаются с высшими, так действует и свет духовного Солнца в мире сверхчувственных сущностей.

Впрочем, есть вещи, обладающие теплом, но не светом, каковы из животных теплокровные водные организмы. К подобным вещам Гален относит корма лошадей и голубей. Он описывал, как самовозгорались сосуды с овсом и другими зерновыми культурами, за исключением ячменя. Молодые играющие вина, виног-

рад, оливки, яблоки, груши при брожении выделяют чуждое тепло, заметное при нарывах и при разложении тел. И наоборот, есть существа, излучающие свет, но не тепло: светляки, светящиеся ночью, маленькая мошкара, летающая во мраке летней ночи, икринки и чешуя некоторых рыб, гниющие деревья, драгоценные камни и глаза зверей.

Суидас, ведя речь о оратор и аоратор, видимом и невидимом, говорит: *“Это невозможно объяснить словами. Так, маленькие мушки, летящие во тьме летней ночи и машущие своими крылышками, бросают вам крохотные искрящиеся огоньки. Светляки одинаково светят по ночам, а вместе с ними икринки и чешуя некоторых рыб, их глаза, иные подобные существа, что не в силах переносить свет, но создают его в темноте. Ибо огонь, исходящий от них в темноте, вовсе не цветовая гамма, произведенная отражением солнечного сияния или другого света по той причине, что в прозрачный и лишенный цветов воздух легко проникает взгляд.*

Есть четыре различия видимых вещей: одни могут видеть только днем; другие, наоборот, ночью; третьи — и днем, и ночью; и четвертые, которые не имеют никакой необходимости в темноте. Цвета заметны только днем, но не ночью. Вещи, называемые сияющими, подразделяются на дневные, ночные и промежуточные — одновременно дневные и ночные. Среди всех вещей есть яркие и светлые, темные и тусклые, а также занимающие среднее место между ними. Обладающие сия-

нием тусклым и затемненным видны только ночью, как вышеназванные мушки, светляки, рыба чешуя, гнилые деревья и т. д. Днем его превосходит другое — более сильное и заглушающее его. Такого же сияние и некоторых звезд: чем темнее ночь, тем ярче они светят. Из светил, занимающих срединное положение, известны Луна и прочие одинаково дневные и ночные небесные тела, наподобие утренней или вечерней Авроры, именуемой по-гречески Фосфором, а на латыни Люцифером или Несущим свет, и являющейся Венерой.

Огонь пронизывает воздух насколько может, освещая его и показывая сущие в нем цвета; для остального пространства он довольствуется быть зримым, не приводя в действие присутствующую в воздухе прозрачность, что хорошо заметно во мраке ночи, когда издали видим огонь, но не различаем никаких цветов между ним и темнотой. Днем он также светит, но не влияет никак на воздух из-за того, что приглушен и заслонен более сильным светом. Свет Луны, если он не очень затемнен, видится и днем, но лучше ночью”. Все это исследовано Суидасом. Но коль скоро зашла речь о свечении без тепла, то самое удивительное и странное я обнаружил у Гонсало де Уиедо в 15-ой книге, главе 8 его Естественной истории Индии, где он сообщает о некоем маленьком летающем живом существе, величиной с майского жука. Этот жук весьма распространен на одном из испанских островов и его округе: он обладает двумя крепкими и жесткими крылышками сверху, а под ними

двумя другими, более легкими. Насекомое, называемое *Коквио* (*Sosciu*), имеет блестящие, будто зажженные фитили, глазки, и повсюду, где оно роится, освещает воздух, делая его таким светлым, что можно видеть достаточно далеко, и если это происходит глубокой полночью и рядом с неосвещенной комнатой, то в ней можно читать и писать, какой бы темной она не была. Если число насекомых увеличить в три или четыре раза, то можно будет не только прекрасно освещать село, не прибегая к фонарям или факелам, но и обозревать самые темные уголки леса, поскольку становится все видно в радиусе более, чем лье. Этот свет излучают не только глазки насекомого, но и его бока, когда оно раскрывает крылышки. Его даже приучились использовать вместо лампы или другого света, чтобы ужинать ночью и выполнять необходимые работы по дому; но когда насекомое начинает отмирать, сразу же угасает и его свет. Индийцы обыкновенно делали из него определенный состав, наводивший ужас на тех, против кого он применялся в темноте, когда казалось, что лицо, соприкоснувшееся с ним, все пылает огнем.

Плиний в XXI книге во 2-ой главе говорит о светящейся в ночи траве, именуемой *никтегретос* (*nyctegretos*), или никтилопс (*nyctilops*), поскольку свет от нее виден издалека; однако он описывает много вещей, о которых слышал, но сам их не видел.

Но возвратимся к солнечному свету, являющемуся со своим теплом намного совершеннее всякой из чувственных вещей, ибо это

подлинный небесный огонь, как говорит Спевсипп, описавший все, что относится к пропитанию макрокосмоса или вселенной, наподобие того, как мясо служит пищей для одушевленного человека. И поскольку сердце у животных предстает средоточием жизни, постольку Солнце есть сердце мира и первоначальный источник света в себе самом, передаваемого звездам. Так и Иисус Христос несет сияние нашим душам. И если Солнце и Луна, говорит Ориген в комментариях на “Бытие”, освещают наши тела, то наши души и мысли никак не менее освещены сиянием Отца. Если мы вдруг не ослепли, то замечаем, что все освещено неравномерно и подобно отражающим солнечный свет звездам, различающимся в сверкании одна от другой.

Аналогично разнятся и наши дарования (1 Кор. XV), с помощью которых мы устремляем свое созерцание к восприятию божественного света: “И ты скажи им: так говорит Господь Цебаот: обратитесь ко Мне, говорит Господь Цебаот, и Я обращусь к вам, говорит Господь Цебаот” (Зах. I, 3); “Разве Я — Бог только вблизи, а не Бог и вдали?” Иер. XXIII, 23. Имея разум в своем естественном рассудке, говорит Зогар, наш дух как бы освещается Луной, но божественное вдохновение исходит от Солнца, свет которого удаляет и изгоняет князей тьмы оттуда, где их власть наиболее сильна и прочна. “*Ortus est sol, in cubiculis suis collabuntur*”, или “*Восходит солнце, (и) они собираются и ложатся в свои логовища*” (Пс. CIII, 22), говорится о демонах

и злых духах, называемых дикими очаровательными зверями.

Точно так же, как темные духи крепки и сильны во мраке, полагает Зогар, покровительствующие и содействующие нам добрые ангелы получают большой заряд не только божественного света, но небесного и солнечного. Благодаря ему верховное божественное сияние распространяет в небесах свою добродетель, сообщая его всему тому, что находится внизу лунной сферы в пределах элементарного бытия. Вот почему и мертвым телам до тех пор, пока они пребудут в земле, будет передаваться свечение, дабы им избежать влияния древнего змея *Самаеля* (Samael), в заклании коего сказано: "... ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей". Быт. III, 14. Ведь наши тела после грехопадения лишь прах и земля. Следовательно, огонь нам великий помощник и утешитель не только в дни земной жизни, но и после нашей смерти в борьбе против рыскающих во мраке злых сил, схожих с ночными птицами и дикими зверями, не осмеливающимися появляться днем из опасения солнечного света.

И насколько же весомее этот свет для добрых духов, воспринимающих его от божественного сияния, чем для супостатов. Ибо, как и Солнце по отношению к своему свету, так и огонь вместо Солнца заставляет замечать нас среди разных вещей прекрасно исполненное творение вселенной, воздвигнутое верховным Зодчим столь превосходного искусства.

То, что Его свет не проявляется в чувственном мире, вовсе ничего не значит, ведь истинное бытие зиждется на вещах умозрительных, лишенных всякой телесности и материальности, и даже Солнце, из всех самое прекрасное произведение, не смогло бы себя увидеть в собственном свете, пусть он и сопровождается теплом, животворящим все вещи. Солнце обладает двойным свойством: светить и освещать, а также согревать, то есть зажигать низшее вещество, которое озаряет белизной или покрывает загаром: "*Decoloravit me sol*", или "*Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня...*" Песн. I, 5. На это Ориген замечает, что там, где нет ни греха, ни грешной материи, Солнце ничего не опалиет и не зажигает, по слову Писания: "*Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью*". Пс. CXX, 6. Потому что Солнце освещает добрых людей, но жжет грешников, ненавидящих свет из-за творимого ими беззакония: так, в отдельных местах Священного Писания вы обнаружите, что Солнце и огонь, о котором оно говорит, явления не обыденного характера, но духовного.

Духовное Солнце, отмечает святой Августин в 19-ой проповеди "О времени", восходит только для святых, что согласуется с несколько иным выражением Библии: "*Итак, мы заблудились от пути истины, и свет правды не светил нам, и солнце не озаряло нас*". Прем. V, 6. Что касается тепла, то и здесь скорее нужно прибегнуть к свидетельству священного Писания: "*Non est qui se abscondat a calore eius*", или "*От края небес исход его, и шествие его до*

края их, и ничто не укрыто от теплоты его".
Пс. XVIII, 7.

Нет никакого смысла разделять мнение тех, кто, не будучи ни теплым, ни холодным, придерживается своего суетного воззрения, основываясь на следующем аргументе: всякое тепло в своей протяженности, если даже и пребывает в одном и том же состоянии, тем не менее, повышается настолько, что бывает нестерпимо. Нам представляется, что если бы Солнце было столь же теплым в течение пяти или шести тысяч лет со времени своего сотворения, то в жаркой зоне, откуда оно никуда не перемещается, произошел бы взрыв, распространившийся оттуда на всю оставшуюся Землю, а нам, наоборот, видно, как все пребывает в первоначальном состоянии. В соответствии с тем, что Солнце в несколько раз больше Земли, его сфера удалена и не имеет никакой соразмерности со сферой нашей планеты, то должно было бы быть одно и то же тепло одновременно во всяком месте.

Подобные выводы весьма легко оспаривать, но это уходит слишком далеко за пределы нашей темы. Так же Анаксагор говорил о существовании огромного пылающего камня или пластины, излучающей огонь. Анаксимандр — о колесе, исполненном огнем, которое в двадцать пять раз больше нашей Земли. Ксенофан — о скоплении невеликих огней, стояки о пламенеющем теле, произошедшем из моря. Так они показывали сходство огня и соли.

Платон писал об огромном огненном свете. Но как бы и кто бы не рассуждал о Солнце,

все стремились постичь природу огня. Впрочем, Солнце слишком восхитительная вещь неизмеримого божественного великолепия и дух человеческий, воспаряя в своих возвышенных размышлениях к чудесам Господа Бога, неустанно трудился над разгадкой его тайны. Ибо, как говорит святой Иоанн Златоуст, комментируя "Бытие", необходимо от созерцания творений подниматься и постигать Творца. Профаны же и невежды те, кто в творениях не могут почерпнуть знания о Творце. Те, кто живут на крайнем Западе, где Солнце опускается в воды Океана, видят одинаковый свет его величия, как и обыватели Катаи, где оно восходит. Это доказывает ничтожность и несоизмеримость Земли по сравнению с Солнцем. И если Луна, которая намного меньше его по размерам, кажется почти такой же, то лишь из-за огромного расстояния между обоими телами, когда наиболее удаленные вещи, наиболее умалены для нашего взгляда, что достаточно подтверждают правила перспективы.

Разумеется, эти два прекрасных создания, а равно и два великих светоча, составляющие украшения и удобства человеческой жизни, как считает святой Иоанн Златоуст в толковании на СXXXV псалом, во многом содействуют людям, в том числе почти во всем, что касается тела, ведь кроме света, который они распространяют на нас днем и ночью, разделяют еще времена года. От них же зависят наши путешествия по суше и морю, созревание плодов, без которых наша телесная жизнь не сумела бы

долго продлиться, и другая бесконечная подаваемая нам польза.

Солнце предназначено для всего неба, поскольку оно лучшая часть его, и для огня. Небо есть средоточие и сосуд нетленных и неизменяющихся тел. Луна руководит влажностью, представляя собой воду и землю, а также составляющую их соль, ведь нет ничего, где бы влажность была более постоянна и влажна, чем в соли, которая образует большую часть моря.

Нет ничего более чувствительного к лунным проявлениям, чем море: это можно видеть на примере отливов и приливов, мозгов и внутренностей живых существ. Значит, Луна по праву названа правительницей вод и флегматичной водной влажности, представляющей мертвой и бездушной по отношению к живому огню, присутствующему в соли, которой обладает неистребимая влага, что защищает моря от пересыхания, без чего они бы уже давно повредились и истощились. Там огонь существует не сам по себе, но в другом виде, так как данному материальному элементу он никак не присущ. От этих двух, солнечного тепла и лунной влажности, зарождается воздух, теплый и влажный, в котором заключается жизнь всех вещей, без которого ничего ни производится, ни возрастает, ни поддерживается. Даже огонь не в силах существовать без воздуха, являющего свою двойственность: с одной стороны — он участвует в тепле огня, исходящего из воды (*"ex naturae humidae visceribus syncerus ac levis ignis protinus evo-*

*lans alta petit*¹⁰⁹», как говорит Гермес Трисмегист); с другой — в нисхождении воды от огня, когда она сгущается.

Таким образом, есть влажная вода, устремляющаяся вверх, чтобы разжигать воздух, и холодная, падающая вниз, чтобы уплотниться в природе земли и, в конце концов, завершиться в красном огне, присутствующем в золоте, предстающем последней из всех субстанций. Воздух же — примиряющий посредник между пассивной влажностью воды, из которой состоит материя, и активным теплом огня, от которого зависит действующая сила и форма. Земля здесь играет роль как бы утробы, где огонь благодаря воздуху и воде сосредотачивает свое действие, побуждая и продвигая то, что в ней будет в завершении порождено. Пять других планет и фиксированных звезд оказывают только побочные влияния, как проводники и соучастники в эффектах двух светил, обращаясь в их импульсы, производящие морские течения. С земли же им взаимообразно приходит пропитание.

Итак, небо и огонь — мужское активное начало, а вода и земля — женское пассивное, пусть под небом мы и разумеем воздух. И поскольку человеческое семя, заключенное и вовлеченное в материнскую утробу, питается, сохраняется и поддерживается там переработанной кровью посредством естественного

¹⁰⁹ Из влажного естества по частям вырывается настоящий огонь и дальше быстро ускользает ввысь в своем стремлении. — Прим. пер.

тепла, постольку и огонь благодаря воздуху и воде поддерживается в земном чреве для производства происходящих от него вещей. Следовательно, с одной стороны, мы имеем небо, Солнце, огонь и воздух; с другой, — землю, под которой понимаются низшие элементы: вода и суша. Это небо и земля Моисея — соответствующие друг другу верх и низ Гермеса Трисмегиста: *“И то, что находится вверху, подобно тому, что находится внизу, дабы можно было осуществить чудесные вещи в одной единственной вещи”*, — сказано в “Изумрудной скрижали”.

Зогар говорит об познаваемом и чувственном мирах. Созерцая последний, мы приходим к познанию духовных вещей, что отмечалось прежде и апостолом: *“Invisibilia ipsius a creatura mundi per ea quae facta sunt intellecta conspiciuntur”*, или *“Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны”*. Рим. I, 20. Ибо все, что внизу на земле, устроено таким же образом, как и вверху на небесах: Бог Творец соединил все вещи друг с другом, что прекрасно показал Гомер в своей золотой цепи, связующей нижний и верхний миры, сообщаящей их, дабы слава Господня распространялась повсюду — вверху и внизу. В подражании этому человек, являющийся образом Макрокосмоса и мерой всех вещей, был сотворен и сложен одинаково из вещей низших и высших: *“Accepit Deus pulverem, et ex eo formavit Adam, et insufflavit super eum spiritum vitae”*, или *“И создал Господь Бог человека из*

праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою”. Быт. II, 7. Даже свет, сияющий в чувственном мире, зависит от высшего скрытого от нас света, откуда проистекают все свойства и добродетели, которые в нем объясняются нашему сознанию, ибо все здесь внизу исходит от высшей и единой силы, создавшей нижний мир, чтобы им управлять, побуждая к чаяниям и движениям, так как все едино.

К тому же мы утверждаем, что любой свет в чувственном мире идет от Солнца, ведь свет Луны, как и бесчисленных звезд, в основном та же самая проистекающая от Солнца вещь, а свет огня дан нам для освещения по недостатку солнечного света. Но как может соответствовать этому желание приписать Солнцу первоначальный, одновременно производящий и животворящий источник света, если мы видим в начале “Бытия”, что первой созданной вещью был в первый день творения свет, а Солнце появилось только на четвертый и накануне уже произошли растения? Причина, говорят рабыни, тщательно изучившие Моисея, а одинаково и другие боговдохновенные писания, заключалась в том, чтобы лишить людей любого повода обожествления этого светила, ибо свет возник раньше, чем оно. И здесь перед нами предстает удивительное и достойное рассмотрения таинство, ведь полное совершенство вещей, как и света, всегда наступает на четвертый день.

Солнце и Луна были созданы на четвертый день; воды второго дня творения произвели

рыб только на пятый, следующий за четвертым день; все животные с человеком появились лишь на шестой день, а плоды для них — в третий. Это нам показывает, что столь почитаемый Пифагором кватернер обозначает совершенство, пребывающее в десяти, в результате сложения первых четырех чисел: $1+2+3+4=10$. Ту же самую идею захотел вложить и Платон в своем “Тимее”, толкуя в нем о сотворении вещей посредством слов: “εις, δυο, τρεις, ο δε δη τεταρχος ημιν...”, или “Один, два, три, но где же четвертое?”

На сей счет Зогар, комментируя XIV главу “Левит” “*Sabbata mea custodietis*¹¹⁰”, полагает, ссылаясь на слова рабби Елеазара: посмотрите, какая здесь заключена тайна: в шесть дней был сотворен мир, в каждый из которых проявлялось созданное произведение, и Бог наделял его особенной добродетелью после сотворения. Но в четвертый день Он выразил это наиболее определенно, ибо три предыдущих дня, будучи скрытыми и тайными, обратились в очевидность лишь тогда, когда на четвертый день полностью и окончательно раскрылись их свойства.

Поскольку вода, воздух и огонь — три высших элемента пребывали как бы в подвешенном состоянии, то и сотворение их еще не было очевидным, пока на четвертый день оно не проявилось, сделав ясным все присущее каждому из них. И если вы пожелаете сослаться, дескать это было в третий день, то посмотрите

рите Библию: “И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и по подобию ее, и) дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так”. Быт. I, 11. Все это соответствует третьему дню, и без всякого разделения здесь нет никакой связи с четвертым днем, спешащим навстречу Субботе, являющейся четвертым днем после четвертого и, следовательно, совершеннейшим четвертым, в котором предстают все творения шести предшествующих дней. И это четвертое основание *меркабы* или божественного престола, на коем восседает Бог, отдыхая от всех своих трудов. Таково мнение Зогара.

Нельзя обойти стороной и другую тайну: у евреев оба светила имеют каждое по три названия. Солнце именуется **חֶסֶד** *chosmah* (хохма), *мудрость*; **שֶׁמֶשׁ** *schemesch* (шешеш), *Солнце*; и **חֶרֶס** *cheres* (херес), *сухость* (Платон в “Тимее”: “*Всякое влажное и быстро схватываемое огнем вещество, полностью зависящее от сухого и жесткого, мы называем керацов или гончарной глиной*”). Название **מָאֹר** *maor* (маор), *светило*, характерно для обоих небесных тел. Луна же именуется **מַלְכוּת** *malchut* (малкут), *господство* или *государство*; **יָרֵחַ**¹¹¹ *iareba* (йареха), что греки называют *μήν*, поскольку совершает свой путь в течение месяца; и **לֵבֶנָה** *lebenah* (лебенах), *белизна* *излучаемая Луной*.

Так как Иисус Христос представляет собой Солнце, то Луна означает Его целиком белую и

¹¹⁰ “Суббота моя хранительница”. — Прим. пер.

¹¹¹ יָרֵחַ — ивр. месяц и לְוָנָה, Луна. — Прим. ред.

незапятнанную Церковь, по слову священного Писания: *“Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?”* Песн. VI, 10. О свете Солнца Правды сказано и у Малахии: *“А для вас, благоговевшие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его...”* Мал. IV, 2. Здесь Луна, Церковь, прославленная сплошным днем без мрака, согласно Писанию: *“Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны — светить тебе; но Господь будет для тебя вечным светом, и Бог твой — славою твою”*. Ис. LX, 19. Господь насадил свою скинию или Церковь в сияющем Солнце, освещающем всякого человека, пришедшего в мир. Ин. I. Но ведь и звезды, большие и малые, самая малая из которых сравнима по величине с Землей, получают свой свет от видимого Солнца. Не стоит ли нам здесь привести славословие солнечному светилу из гимна Орфея?

*Услышь меня, счастливое светило,
Ведь сердце ты и око мирозданья;
Небесный свет легко распространяешь
В златых лучах нисколько неугасимых;
Приятен смертным вид твой неизменный,
Когда десницею рождаешь ты Аврору,
Иль ночью свод небесный освещаешь,
Ты годом правил: четыре времени его
Ведут неспешный хоровод
Под звук твоей кифары золоченой;
Одoleваешь ты великое пространство,
И бездну колесницей лучезарной,
Запряженной лихими скакунами,*

*Вдыхающими жизни жар неодолимой.
Пылающее, времени мерило,
Ты проявляешь пору чрез себя;
И всякому — верховный ты помощник,
Хранящий веру, праведности страж,
Свет бытия сияющего мира.*

Вот, пожалуй, все, что нам нужно было рассмотреть о трех видах огня (которым соответствуют три вида соли, о чем мы поговорим ниже), — земном, то есть элементарном, небесном или солнечном, и познаваемом, исходящем от божественной сущности, обозначаемой Отцом, порождающим свет, каковым является Сын. Оба они производят тепло Святого Духа, который наполняет наши сердца милосердием и божественным познанием, а также любовью к ближнему. Одинаково и солнечный свет в небе распространяется, освещая все небесные тела, преобразуя и животворя на Земле все, что здесь рождается и поддерживается.

И в элементарном мире огонь нас освещает, обогревает и готовит нашу пищу. Ему мы обязаны и всеми другими своими удобствами и благами. Что же касается огня как в Писании: *“Quorum ignis non extinguitur, et vermis non moritur”*, или *“Ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет”* (Ис. LXVI, 24); то он, несомненно, предназначен для наказания грешников. Огонь это никогда не угаснет, и червь, снedaющий их совесть, никогда не умрет.

Чтобы уберечься от этого червя, порождаемого растлением, нужно просолиться искрен-

ностью и благоразумием, и не делать ничего, что могло бы оскорбить и соблазнить нашего ближнего, по слову евангелиста: *"Qui scandalisaverit unum ex his pusillis credentibus in me"*, или *"А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской"*. Мф. XVIII, 6. Однако изгонять и устранять чуждый огонь, сжигающий нашу душу, будто жгучая лихорадка, творящая витальное тепло, необходимо при помощи божественного огня, который намного сильнее всякого другого. Посмотрим, что говорит на эту тему святой Амбросий Медиоланский: *"Иоанн Креститель крестил Иисуса Христа Святым Духом и огнем, являющимся образом Святого Духа, который после вознесения Христова низойдет во оставление грехов и огненного вдохновения души и сердец верных, согласно сказанному Иеремией после приятия Духа Святого: "Et factum est in corde meo ut ignis ardens, flammiger ans in ossibus meis", или "...но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог"*. Иер. XX, 9. Что сказано у Маккавеев: огонь превратился в воду, и эта вода вызывала огонь? 2 Мак. I, 2. Разве не то, что духовное милосердие пылает огнем и водой очищает нас, смывая наши грехи? Ибо грех смывается и сгорает и по слову апостола: *"...огонь испытает дело каждого, каково оно есть"*. 1 Кор. III, 13. Ибо необходимо, чтобы это испытание совершилось над всеми теми, кто пожелает вернуться в рай. И

совсем не случайно написано в Библии, что после изгнания из рая Адама и Евы, Бог *"поставил на востоке у сада Едемского херуба и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни"*. Быт. III, 24.

Итак, этим огнем должны просолиться все, кто находится на пути спасения, следуя утверждению Оригена в 3-ей Гомилии толкования на XXXVI псалом: *"Нам всем необходимо пройти огонь чистилища Петра и Павла; но все мы не попадем в него одинаковым образом, как там оказались те, о ком написано у Исаии, где речь идет об избранных: "Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя"*. Ис. LXIII, 2. Израельтяне посуху прошли через Чермное море, а египтяне были им поглощены. Трое отроков в печи у Небукаднецара не претерпели никакого ущерба, а те, кто зажигал огонь снаружи, были все истреблены". И в 19-й Гомилии, комментируя XVI главу "Левит", Ориген развивает тему: *"Не все очистятся в пламени, исходящем от алтаря, которое есть огонь Господень, ибо вне алтаря огонь не относится к божественному, а предназначен для мучения грешников: он никогда не угаснет, и червь, терзающий их, никогда не умрет. Ведь после того, как душа посредством множества скверных поступков навлекла на себя обилие грехов, это скопище зла постепенно с течением времени закипает и воспламеняется во внутреннем наказании и терзании. Как тело подвержено*

заболеваниям из-за чревоугодия и других излишеств, когда его настигает расплата за свои непотребности, и оно пребывает в непрерывных мучениях, так и душа становится обвинительницей и свидетельницей против себя самой.

Не зря апостол восклицает: *“qui ostendunt opus legis scriptum in cordibus suis, testimonium simul reddente illis conscientia ipsorum, et inter se invicem cogitationibus accusantibus aut etiam defendentibus, in die, cum iudicabit Deus occulta hominum secundum evangelium meum per Christum Iesum”* или “... они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа”. Рим. II, 15, 16. Но Иеремия, с другой стороны, говорит о чаше вина ярости Господней, которую должны испить все люди, и тот из них, кто не пожелает испить ее, не будет очищен. Иер. XXV. Из этого следует, что ужас кары Господней направлен на очищение душ, в общем, и в частности, и нет ничего очистительнее, чем огонь, и о нем в Писании сказано: *“Sanctificabit eos Dominus in igne ardenti”*, или “И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий...”. Мал. III, 2.

Таков огонь страданий и бедствий, в котором нам необходимо просолиться и очистить — поскольку соль есть очищающее средство

для всякой вещи, что неоднократно можно видеть на примере людей, пьющих морскую воду, изгоняющую желудочные расстройства. О другом чуждом и истребляющем огне говорится в “Книге Левит”: *“Et Egressus est ignis a Domino, et devoravit Nadab et Abihu”*, или “Надаб и Абиху, сыны Аароновы, взяли каждый свою кадильницу, и положили в них огня, и вложили в него курений, и принесли пред Господа огонь чуждый, которого Он не велел им; и вышел огонь от Господа и сжег их, и умерли они пред лицом Господним”. Лев. X, 1, 2.

В Библии сказано: “Ибо огонь возгорелся во гневе Моем, жжет до ада преисподнего, и поядает землю и произведения ее, и попалает основания гор”. Втор. XXXII, 22. Ибо правосудие Всемогущего, по словам одного из святых Отцов, предвидя все, что должно произойти от начала мира, сотворило огонь вечной геены (о котором ясно сказано у Исаии: *“Quorum ignis non exstinguitur”*, или “... и огонь их не угаснет”). Чтобы положить этим начало мукам и наказанию грешников, без чего пыл и жар этого огня иссяк бы, так как там нет ни дерева, ни угля, ни другого горючего вещества для поддержания его пламени. В этом огне нечестивцы будут вечно терзаемы, после того, как смогут насытиться взаимными оскорблениями. Ведь грехи являются приманкой и пропитанием для данного огня, который благодаря скапливанию злодеяний и беззаконий, нагромождаемых друг на друга, воспламеняет душу страшной мукой. Это подобно горячке, превращающей дородного человека в вялого

и худосочного из-за злоупотребления мясом и других излишеств, влекущих за собой скверные пристрастия.

Душа, обращенная к созерцанию своих изъязнов, смятенная от пронзительных и суровых игл, колющих ее, становится сама себе обвинительницей в угрызениях совести, которые ей уже не могут принести искупления (*quia in inferno nulla est redemptio*¹¹²), являясь собственным свидетелем и судьей, по слову апостола: *“... о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую) в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа”*. Рим. II, 15, 16. Но есть также в этом мире огонь, коим мы должны просолиться и очиститься, чтобы насколько возможно избежать подобного в потустороннем: страдания служат нам тем, чем и миноратиф¹¹³ в медицине, во имя полного очищения, что нам предстоит пройти.

Оба огня можно сравнить с другими веществами: огонь святилища со спиртом (живой водой), а чуждый огонь — с разделяющей водой, истребляющей и разрушающей все, в чем спирт нам служит пропитанием, так как он присутствует в том, что мы пьем и едим, и обретается повсюду, из чего производится пища. Поистине, спирт раскрывается полнее в продуктах питания, нежели в любых иных предметах. Вино — сущность, в которой спирт прояв-

¹¹² В аду никто не искупляется. — Прим. пер.

¹¹³ Миноратиф — лекарственное средство, “чистящее мягко”. Было изобретено арабами. — Прим. пер.

ляется быстрее всего с наименьшими сепарациями и ущербами. После него идет пшеница и пр., так как нет ничего, что могло бы сравниться с этими двумя по оказанной Природе пользе. Спирт называется горючим, поскольку он легко воспламеняем, и есть необходимость в том, чтобы все потребляемое нами в пищу подвергалось бы воздействию огня. Да и как по-иному могло бы действовать природное тепло, слишком несовершенное по отношению к жару огня?

По опыту мы знаем, что невозможно извлечь никакой пищи из камней, металлов, земли и других неподвластных огню сущностей. Если даже волки иногда едят глину, а утки и другие птицы щебень и гравий, то делают они это, чтобы либо избежать пустоты в желудке, либо в лечебных нуждах, усвояемых благодаря тайному инстинкту природы, но вовсе не в целях переваривания сего для пропитания. Похоже, и страусы грызут железо для лучшего и большего выделения у них желудочного сока. Но скажут, что это уподобление противоречит Х главе “Левит”, где были сожжены дети Аарона, принесшие в святилище чуждый огонь. Рабби Симеон считает, что они служили у алтаря в пьяном состоянии, отягощенные вином, после чего *“сказал Господь Аарону, говоря: вина и крепких напитков не пей ты и сыны твои с тобою, когда входите в скинию собрания (или приступаете к жертвеннику), чтобы не умереть. Это вечное постановление в роды ваши”*. Лев. X, 8, 9. На это можно ответить: уподобления не могут во всем совпадать, иначе они бы

являлись той же самой вещью, которую представляют.

Спирт не опьяняет в том случае, если он не принимается сразу в таком количестве, которое способно повредить людям рассудок. И если его отделить от вина, от последнего останется только флегма и осадок, неспособные никого опьянить, прежде естественно не соединившись со спиртом для скрытия его остроты. Тем не менее, на примере Германии и других северных стран, где спирт пользуется большой популярностью, известно, что определенная доза его потребления не опьяняет, в отличие от такого же количества вина, кроме напитка, из которого он выдохся. Добавив немного воды в крепкое вино, получим смесь, которая опьянит скорее, нежели вино в чистом виде.

Кроме того, из собственного опыта я знаю, что если воссоединить спирт с той субстанцией, из которой он был извлечен, этот состав никак не сможет более опьянять, поскольку однажды разделенные, а затем вновь соединенные части элементарных соединений обретают совсем иное естество, нежели раньше. Разумеется, спирт еще и поддержка и облегчение для больного желудка, сделавшегося таким от возраста или по воле случая. Когда занимаются прокаливанием, он обжигает и затемняет жизненно важные части, ибо, будучи столь воспламеняем, он не особенно горючий. Кто пожелает обозреть его значимые свойства, пусть обратится к квинтэссенциям Раймонда Луллия, Рупесциссы, "Небу Философов"

Ульштеда и др. Мы же не хотим здесь на этом останавливаться, как на слишком тривиальной и всем знакомой вещи. Они его называют квинтэссенцией по сходству, которым он обладает с небесным естеством и небом. Ибо небо, являясь как бы иным воздухом, утонченнее, чем элементарный, вмещает звезды, от которых принимает различные воздействия и влияет на нас, сообщая их вниз. Так и спирт легко принимает свойства и специфические добродетели лекарственных трав, настаиваемых на нем.

Кстати, о небе, звездах и их различных влияниях: мы не хотим здесь отказываться от представившейся возможности поговорить о них. Один из действительно превосходных умов граф Пико де Мирандола, основываясь на обширной литературе, в 25-й главе своей 3-й книге против Астрологии проявил весьма пылкую заинтересованность, рассуждая об этом искусстве. Хотим ли мы доказать, спрашивает он, что свойства и добродетели всех звезд одни и те же? Допустим, что небесная Природа способна наиболее четко и последовательно быть выражена словами, тогда небо станет единством всех тел, ибо все в мироздании зависит от Единого, как и от его первоначального истока.

Опираясь на иную практику, можно сделать вывод о том, что свойство и добродетель всякой звезды безразличны, так как зависят от свойств и добродетелей всех элементарных соединений, ее составляющих, не неся в себе иного различия между собой, если случайно это не отразилось на величине небесного тела, как очевидно бывает. Нельзя сказать и того, что

одно влияние на земную вещь превосходит другое, так как все звезды тождественны во всем. И если бы они соединились в единое тело, то получилось бы, что собрали в одно свечение бесконечное множество огней и пламени. Но так оно явилось бы воистину великим только по размеру, но не по своему отличительному качеству и природе, которая не изменяется в скоплении однородных и тождественных субстанций и не ведет к проявлению иных последствий, производимых различными сущностями. Это можно видеть на примере воды и большого факела, стоящего не больше маленькой свечи. От последней, как и от факела, могут зажечься многие светильники, просто факел из-за своей величины, сильнее в тепле, жжении и горении.

Однако невыносимая вещь — опровергать уже сложившееся мнение, тем более, если оно подкреплено авторитетом священного Писания, которое должно быть для нас краеугольным камнем в утверждении наших умозаключений, которые бы смогли в большинстве своем оказаться неверными и ложными, если бы на них не пребывало божественное вдохновение. Ведь сказано псалмопевцем, что Господь *“исчисляет количество звезд; всех их называет именами их”*. Пс. CXLVI, 4. Ибо если имена их особые и разные, то разве не может служить это для отличия их воздействий, свойств, качеств и добродетелей.

Само по себе важно уже имя вещи, согласно сказанному в священном Писании: *“И нарек человек имена всем скотам и птицам*

небесным и всем зверям полевым...”. Быт. II, 20. И Платон в своем “Кратиле” говорит не столь об образе и представлении вещей, сколь об их сущности. В приведенном выше стихе из Библии заключена прекрасная аллюзия: Бог предоставил Адаму именовать земные вещи, но удержал за собой именование небесных, как сказано: *“Caelum caeli Domino, terram autem dedit filiis hominum”*, или *“Небо — небо Господу, а землю Он дал сынам человеческим”*. Пс. CXIII, 24. Это означает, согласно рабину Мозесу Египтянину, его “Мореи или управителя”, 2-й книги, 25-й главы, что Творец Сам сосредоточился в определенной истине небес, которая является их образом, сущностью и движением, но все находящееся под небом он отдал во власть человеку для познания, ведь собственно миром человека предстает земля, где он произведен и обретается в течение всей своей жизни, также огонь и свет связаны с материей. Там же, где причины, на которых мы могли бы основать наши доказательства в отношении неба, выходят за грань нашего понимания и удаляются от него, это и есть место *Неба небес Господнего (Caelum caeli Domini)*. Оно может обозначаться и двойным выражением, повинуюсь пунктуации и чтению: *“Ибо небо принадлежит Господу небес”*. Так полагают некоторые из евреев.

Но кто усомнится в том, что земля Ему принадлежит столь же, сколь и небо? В Писании сказано: *“Domini est terra, et plenitudo eius”*, или *“Господня земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней”*. Пс. XXIII, 1. И у пророка

читаем: *"Nunquid non caelum et terra impleo?"*, или *"... Не наполняю ли Я небо и землю? говорит Господь"*. Иер. XXIII, 24. Другое же гласит, что *"Небо — небо Господу, а землю Он дал сынам человеческим"*. Пс. CXIII, 24. Здесь обычная для священного Писания манера иносказания. *"Si enim caelum, et caeli caelorum capere te non possunt"*, или *"Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо не небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил (имени Твоему, — говорит Саломон Господу.)"*. 3 Цар. VIII, 27. Просто евреи метафорически называют небом слишком удаленные от нашего взора вещи, и мы в подражание им, говорим о коршуне, цапле и кречете, которые так высоко взмывают в небо, что бывает сложно их различить, пока и вовсе не теряются из виду.

Если все находящееся в лунной сфере и вообще все, что выше нас, они называют небом, то небо небес есть эфирная область, простирающаяся от Луны до тверди небесной, или скорее сама твердь или небесный эмпирей. Впрочем, звезды всегда были одинаковой природы, свойства и воздействия, чтобы их считать подобными друг другу, независимо от величины и яркости каждой из них, и это становится видно на примере огня. Поэтому мы и назвали их небесными огнями и светилами, похожими на семена деревьев и растений, что соответствуют друг другу в своем бесконечном множестве, даже когда из них пробиваются первые ничем не отличающиеся ростки, проявляющие свои различия только по мере возрастания.

Евреи утверждают, что нет ни одной грубой травы на земле, которая бы не состояла из трех видов минеральных, растительных и животных соединений и сообщалась бы со своей звездой, поддерживающей и сохраняющей ее. Но как может сочетаться все это? — спросит некто, озадачившись, поскольку, кажется, что все приведенное выше решительным образом противоречит сказанному в Писании. Здесь написано, как на третий день *"произвела земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и по подобию ее)..."* Быт. I, 12.

Однако Солнце, Луна и звезды были сотворены лишь на четвертый день, итог которого и значение сводятся к следующему: *"И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной (для освещения земли и) для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов"*. Быт. I, 14. Иными словами, пока они сами не появились, не было и никакого их воздействия на деревья, растения и другие элементарные вещи.

Но возвращаясь к особенностям камфарного спирта, не будет здесь излишним провести один славный, но малоизвестный опыт, оставив в стороне другие, более грубые эксперименты. Спирт, в частности, никак не растворяет сахар, прежде не соединившись со своей флегмой, обыкновенной водой, виноградным уксусом и другими жидкостями. Поначалу тщательно из двух частей взбивается плотная жидкость, очень действенная против воспалительных катаров и приносящая облегчение от мокрого кашля, донимающего желудок и гор-

тань. В течение одного или двух дней дайте отстояться раствору, сделанному из спирта и соли грубого помола, превратив его в чистый настой. Положите в металлическую ступку очищенный сахар, доведенный до состояния пудры, и для ароматизации смешайте его с несколькими порциями розового сахара. Залейте все спиртовым раствором и поставьте немного разогреть это на углях; затем усильте огонь, подбросив бумаги, хорошенько помешивая состав деревянной палочкой, чтобы спирт не возгорался, и вскоре вы получите очень приятную на вкус жидкость, которая может оказаться и удивительно полезной. Вы можете ее облагородить жемчужным, коралловым или похожим настоем из материй, легко растворяемых в лимонном соке или дистиллированном виноградном уксусе. Для смягчения выпаривайте определенное количество обыкновенной воды или спиртовой флегмы, но, не прокаливайте их с селитрой, как это делает Парацельс с учениками, получая, таким образом, очевидный яд, и идя путем, на котором *frustra fit per plura, quod per pauciora fieri potest, dummodo id aequè rite fiat*¹¹⁴.

Впрочем, каждому хорошо известен способ извлечения спирта через алембик двумя частями стекла или земли Бове, либо из доброго старого вина и дистилляции его на медленном огне в перегонном кубе, наполненном

¹¹⁴ Многие могут обмануться, и лишь немногие в силах сотворить то, на что обыкновенно способна та же самая вода. — Прим. пер.

водой с окалиной. Продолжайте дистилляцию до тех пор, пока вы не увидите появляющиеся на крышке и в реципиенте продолговатые прожилки и волокна, поскольку спирт поднимается первым, а затем уже следует флегма, образуя плотные капли, наподобие слез, обозначающие, что там уже нет никакого спирта. Его можно улучшить, перегнав еще раз, и я согласусь с тем, что, когда с ним это делают неоднократно, он совершенствует свое вещество. Странная штука, как и его сугубая утонченность, ибо он улетучивается в течение пяти или шести мгновений с бумаги, нисколько не замочив ее. Я сам видел, подбросив вверх содержимое целого стакана спирта, что на землю не упало ни капли.

Спирт является непревзойденным снадобьем от всех ожогов, даже от аркебузы, и препятствует образованию от них нарывов и гангрены, что показывает чистоту его огня, которого по праву можно называть небесным. Вот как излагает о его свойствах и добродетелях Раймонд Луллий: не стоит ожидать, говорит он, что квинтэссенция или другая земная вещь сделает нас бессмертными: *“Statutum enim est omnibus hominibus semel mori”*, или *“И как человеку положено однажды умереть, а потом суд”*. Евр. IX, 27. Мы не должны продолжать свои дни сверх отмеренного срока, ведь это в ведении у Господа: *“Breves dies hominis sunt, et numerus mensium eius apud te est. Constituisti terminos eius qui praeteriri non poterunt”*, или *“Если дни ему определены, и число месяцев его у Тебя, если ты положил ему предел, которого он не*

перейдет" (Иов. XIV, 5); но ведь, наоборот, они могут и случайно сократиться. Следовательно, ни спирт, ни все остальные виды восстанавливающих квинтэссенций не в состоянии продлить нашу жизнь ни на один миг, ни на один час. Разумеется, они могут ее сберечь и поддерживать, ведя к конечной цели, предохранив от тления, которое ее сокращает, но защитить от него посредством тленных вещей — невозможно, потому как необходимо искать нетленную сущность, присущую и свойственную нашей природе, способную поддерживать ее сильным теплом, наподобие того, как масло питает свет лампы.

Таков спирт, извлеченный из вина, наиболее укрепляющее и естественное вещество из всех иных, лишь бы только им не злоупотреблять. Плутарх в 3-й книге своих "Застольных бесед" сравнивает вино с огнем, а наше тело с глиной. Если вы обрабатываете, говорит он, гончарную глину умеренным огнем, он ее скрепляет в горшки, кирпичи, черепицу и тому подобные изделия. Если же огонь избыточный, он растворяет глину, делая слишком мягкой и жидкой. Кроме того, спирт хорошо препятствует распаду, как можно видеть на примере заспиртованных растений и животных, благодаря чему они сохраняются в своей целостности. Он укрепляет и поддерживает в человеке силу юности, восстанавливая ее день из дня, придает силы жизненным духам, ободряя их. Спирт растворяет неудобоваримую пищу, принятую натошак, уравнивает излишества и недостатки, одолевающие тело, он оказывает

разнообразные влияния на предмет, к которому применяется, схоже с тем, как делает, наравне с огнем, солнечное тепло, расплавляющее воск и иссушающее топь.

Все это от небесного духа, пребывающего в спирте, столь восприимчивого ко всяким качествам, свойствам и добродетелям: спирт способен увеличить тепло, запечатлевшись на теплых вещах, или холод, взаимодействуя с холодными. Сам же по себе спирт нейтральный, сродни нашей душе, склонной к добру и злу. Он состоит из четырех элементов, и ни один из них не имеет преимущества над другим. Вот почему его называют небом, ибо как последнему принадлежит бесчисленное количество звезд, так и к спирту простые элементы, качества и эффекты которых он усваивает. Следовательно, его можно уподобить небесному огню святилища.

Однако распыляющие и разрушающие все разделяющие воды происходят от чуждого огня; недаром алхимики называют их противоестественным внешним, а также истребляющим огнем. Безусловно, если так поразительны эффекты артиллерийского пороха, слагаемого из столь малого числа веществ и ингредиентов, то можно его попросту именовать адским пламенем, пожирающим род человеческий. Воздействие таких вод не менее сильное: оно испепеляет все соединения, кроме составленных из двух или трех материй. Оно вызывается обычно купелированием, селитрой, купоросом или квасцами, посредством чего растворяет серебро, медь, ртуть и частично железо.

Выравнивание, которое не что иное, как предыдущее действие, только усовершенствованное солью арманиака или обыкновенной солью, растворяет часть железа, свинца, олова и золота, неподвластного всем видам огня.

На самом деле, разделяющие воды не уничтожают металлы и не возвращают их в первоначальное состояние и естество, но обращают в водянистую и текучую жидкость. Разумеется, это была искусная уловка человеческого духа, обретшего столь короткий путь отделения соединенных вместе золота и серебра, весьма однородно перемешанных между собой, когда унция золота сплавлена с сотней марок¹¹⁵ серебра и каждая часть его равномерно распределена в этом составе, что можно видеть по работе пробирных мастеров. Они, проверяя содержание золота и серебра в смутной массе из разных металлов, берут из них тридцать зерен для купелирования, и по пропорциям, обнаруженным в небольшом объеме, судят, сколько будет драгоценных металлов во всей массе. Тогда имеющийся здесь нечистый и несовершенный металл частично выпаривается в дыме, частично пожирается огнем, частично пристает к стенкам купели, под конец, оставляя сверху ее только содержащееся там серебро и золото. Они сепарируются водой, называемой в данном случае разделительной, растворяющей серебро водой, тогда как золото оседает песком на дне; затем выпаривается вода и извлекается серебро. Но можно слиш-

ком много рассказывать о действии разделяющей воды, одной из основных средств алхимии и искусства огня и соли, приводя бесчисленные прекрасные аллегории из священного Писания.

Оба огня можно еще уподобить следующим образом: чуждый — закваске, соленой морской воде, виноградному уксусу, кисшему вино и другим видам ферментов; небесный от святилища — чистому пресному тесту, родниковой воде, спирту, из которого удален уксус, состоянию невинности наших прародителей до грехопадения и простоты их врожденного познания Творца. Но когда Адам и Ева, искушенные честолюбием, захотели по человеческому разумению знать больше, чем нужно, стать утонченнее и мудрее, и отведали плод древа познания добра и зла, их пресное тесто раздулось и возгордилось в воспринятой ими закваске. Она исказила и повредила их тело, низведя его к вещам плотским и чувственным, ведь хлеб, коим мы питаемся, дрожжевой, но хлеб, используемый в церкви не должен быть таковым, поскольку пресный хлеб сохраняется больше полугодия, не покрываясь плесенью и не разрушаясь, тогда как квасной — несколько недель. Вот почему у апостола сказано: *“Modicum fermenti totam massam corrumpit”*, или *“Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины”*. 1 Кор. V, 8. Ибо свойство закваски подвергать своему тлению все, что соприкасается с ее природой, как делает уксус с вином, дрожжи с пресным

¹¹⁵ Марка — мера веса, равная восьми унциям. — Прим. пер.

тестом, а одинаково и сычужный фермент, являющийся одним из ее видов. И когда нет дрожжей, тесто заквашивают виноградным уксусом, пивным осадком, яйцами и подобными субстанциями, которые, разрушаясь, обретают свойство чуждого огня, одинаково обращающего в свою природу все, к чему он не притронется, что видно на примере лихорадки и естественного тепла.

Огонь это обретаётся во всех вещах и все в нем, как полагает Гераклит, вторивший Зоороастру, производившему вещи из огня вслед за его угасанием, так как будучи живым, он ничего не порождает: что делают не больше соль и море, названное Гомером αἰνυετός — бесплодным. Итак, в ведении указанного выше огня — истреблять и разрушать: *Immensa et improba rerum portio, et in qua dubium sit, plura absumat, an pariat*¹¹⁶, говорит Плиний Старший (“Естественная История”, XXXVI книга, последняя глава). Значит, дрожжи являются чуждым огнем, да и в самом деле они очень едкие: приложив их к голому телу, затем увидишь, как на нем появляются маленькие волдыри, свидетельствующие об огненности квасцов (здесь нельзя ничего сделать без соли), называемых на латыни *fermentum, quod servendo crescat*¹¹⁷ и по-гречески ζῆμη от ζεω — *кипеть, гореть*.

¹¹⁶ Большая порция непригодных для него вещей, в которых заключено сомнение, либо уничтожается, либо уравнивается с ним. — Прим. пер.

¹¹⁷ Фермент, способствующий возрастанию. — Прим. пер.

Химики именуют их *внутренним огнем* — *ignem intra vas*; на практике мы видим, что хлеб из пресного теста, как бы он ни был испечен, останется всегда жестким и грубым для пищеварения, к тому же сильно отягощающим желудок, тогда как дрожжи его улучшают и пропекают как бы изнутри. Не по этой ли причине Мозес, столь посвященный и отмеченный божественным духом человек, отверг такую полезную и необходимую вещь, недвусмысленно удалив закваску из своих жертвоприношений, а ведь она большой помощник в нашем главном пропитании — хлебе? *“Nec quiquam fermenti aut mellis adolebitur in sacrificio Domini”*, или *“Никакого приношения хлебного, которое приносите Господу, не делайте квасного, ибо ни квасного, ни меду не должны вы сжигать в жертву Господу”*. Лев. II, 11. И в XII главе “Исхода” он осуждает на смерть тех, кто во время дней опресноков могли есть квасной хлеб, или держали его у себя даже в небольшом количестве. Не от того ли, что в жертвоприношениях идолам использовались дрожжи? Хотя Мозес и не запрещает их повсеместно, ибо в XXIII главе “Левит” желает, чтобы приносились в жертву два квасных хлеба.

Больше всего в жертвоприношениях язычества использовались соль и ладан, а также иные вещи, которые он не воспрещал; следовательно, была некая сокровенная причина запрета дрожжей. Ориген в 5-й Гомилии на “Левит” считает закваску высокомерием, воспринятым нами от ложного мирского учения, раздувающего нас, как и дрожжи хлеб, внуша-

ющего нам гордыню и достоинства больше, нежели оно есть на самом деле. Так мы отступаем от выразительного и точного слова Господа, способного охранить нас от собственного ложного мудрствования; вспомним, в чем Спаситель укорял фарисеев: *“Он сказал им в ответ: хорошо пророчествовал о вас, лицемерах, Исаия, как написано: люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня, но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим”*. Мк. VII, 6, 7. И в другом месте: *“Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской”*. Мф. XVII, 6.

Комментируя “Числа” Ориген говорит, что нельзя думать, будто Бог желал наказать смертью тех, кто в течение празднования опресноков вкушал квасной хлеб, или держал его у себя. Здесь важна иная вещь, а не буквальное значение: под закваской понимается злорадство, зависть, злопамятность, вожделение и подобные испепеляющие нашу душу пороки, заставляющую ее кипеть в постыдных и губительных желаниях, растлевающих, искажающих, извращающих все, что в ней может быть доброго. В этой связи еще раз прислушаемся к слову апостола: *“Modicum fermenti totam massam corrumpit”*, или *“Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины”*. 1 Кор. V, 8. Значит, нам никак нельзя пренебрегать маленьким грехом, поскольку, подобно закваске, он способен вскоре произвести другие.

Не пренебрегайте, говорит святой Августин, мелкими людскими кознями: они напоминают малозаметную огненную искру, которая, если вдруг встретит горючее вещество, в мгновение ока займет пожаром огромные города и селения, леса и целые области. Также и закваска, которой нужно совсем немножко для улучшения муки, но она ее сразу изменяет, приводя к своему состоянию. Сродни ей и ложное учение, постепенно охватывающее страны, как и рак внутри человеческого тела. В 3-й книге “Против Пармениана” у Августина сказано: *“Наравне с грехами, нельзя кичиться и добродетелями, когда можно уподобиться Фарисею из “Евангелия от Луки”. “Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодее, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю”*. Лк. XVIII, 11, 12. *Сравнивать свою невинность с недостатками других это еще небольшая закваска, но превозносится своими беззакониями и злодейством — уже великая”*. Впрочем, закваска, взятая для доброго дела, как и положенная во зло, в священном Писании соответствуют двум огням.

Злого огня мы коснулись выше, сказав о развращающих душу гордыне и скверне. О добром огне идет речь в VII главе книги “Левит”, где предписывается благородная мирная жертва из квасных хлебов (ст. 13) и в XXIII главе, где заповедано: *“От жилищ ваших приносите два хлеба возношения, которые*

должны состоять из двух десятых частей *ефы* пшеничной муки и должны быть испечены кислые, как первый плод Господу". Ст. 17.

Иисус Христос сравнивает Царство Небесное с закваской, "которую женщина взявши положила в три меры муки, доколе не вскисло все". Мф. XIII, 33. Здесь имеется в виду ревностное усердие пылкой веры. Это и есть огонь, в котором мы должны просолиться, ибо как огонь пропекает наше мясо, так соль его приправляет, делая тем самым более полезным, легче усвояемым и приятным на вкус. В данном случае закваска соответствует закону Евангелия, а старые дрожжи — Мозеса, который евреи восприняли только внешне и поверхностно. От повторения этого, то есть всего их суеверия и лукавства, нас и предупреждает апостол: *"Совлеките с себя старую закваску, дабы вам соделаться новым тестом, каковы вы и есть, и, растворившись без нее, в благе совершите приращение, ибо Иисус Христос, наш пасхальный агнец, был заклан за нас. Читите Его Воскресение не в прежней закваске лицемерия и вкрадчивого беззакония, а в нектасных хлебах, чести и истине"*. Здесь закваска, несомненно, являет собой чуждый огонь, пожирающий и уничтожающий нас изнутри, дабы нам умереть, оказавшись живыми для ада.

Мы должны молить Господа зажечь наши сердца небесным огнем алтаря, милосердия, веры и надежды, просолить в нем свои мысли и желания, чтобы в них не возникло никакого тления, подобного тому, какое вызывает к жизни в вещах бранных и телесных низший

огонь. Благодаря небесному огню, послушному проводнику и исполнителю божественного блага, мы способны внести утешение и покой в свою брнную жизнь. Сколь мы тебе обязаны, превосходная частица природы, без которой мы бы пребывали в бедствии? Ты нам светишь во тьме, ты нас радуешь во мраке и приносишь нам новый день. Ты отгоняешь от нас губительные силы, ночные ужасы и иллюзии; ты греешь нас в холод и просушиваешь своим теплом от влаги, Ты готовишь нам мясо. Ты — искусный создатель всех ремесел и рукоделий, открытых нам для борьбы с нашими природными недостатками, которые низводят нас в телесном отношении в самые слабые и хилые животные среди всех остальных. Все это по божественному благодеянию, которое тобой сообщается всем смертным.

И ты, о ясное лучезарное Солнце, видимый образ Бога невидимого, свет коего на тебе преломляется, будто бы на глади прекрасного отшлифованного зеркала, и делает тебя плодотворным во всех видах блаженства, сообщаемого тобой всем чувственным созданиям. До тех пор, пока восхитительно, непринужденно и вольно ты будешь подниматься в сиянии своих светоносных лучей, распространяемых повсеместно, благодаря твоему духу, дыханию и животворящей силе, ты будешь править великим Всем и удерживаешь его. Ты — замечательный небесный светоч, ты — свет всех вещей и вторичный творец всего, производимого в нижнем мире, ибо в своей силе и господстве ты

становишься верховным распорядителем всех благ, преподанных тобой всякому существу.

Своим неутомимым бегом ты осеняешь ежедневно четыре стороны вселенной. Твоя красота и свет, позаимствованные у неведомого и непостижимого для наших чувств Божества, даруются с неимоверной щедростью и без всякого возможного откровения Луне, твоей дорогой супруге, устремляющей на нас свои влияния в отражении твоего негасимого и неисчерпаемого свечения, твоих небесных огней. Взгляни же на нас добрым и благосклонным взором с превосходным великолепием, явленным в тебе, возвысь наш разум до созерцания Того другого, которого не сумеет вынести ни один смертный глаз, а дух способен постичь лишь в проникновенной благочестивой мысли, да и то, когда Он сам снисходит, чтобы вознаградить ее.

О, Ты, державный Отче умозрительного огня и света, как донести к Тебе наши набожные мольбы и славословия? Разожги же огнем Своего Святого Духа стремление и мужество в нас, Твоих смиренных тварях, дабы мы смогли служить Тебе чистым телом и угождать Тебе незапятнанным сердцем во славу Твоего святого имени и спасения наших душ, ради Твоего возлюбленного Сына Иисуса Христа, сущего и правящего с Тобой, предвечный Боже, во веки веков.

ДА БУДЕТ ТАК!

ТРАКТАТ
ОБ ОГНЕ И СОЛИ
ГОСПОДИНА БЛЕЗА ДЕ ВИЖЕНЕРА

Вторая часть

Святого Марка. Мк. IX, 49 сказано: *“Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится”*. Об огне говорилось выше. Остается соль, рассказывать о которой можно никак не меньше. И удивительным образом здесь, как и во множестве других мест, традиции Моисея схожи с языческими церемониями. *“А огонь на жертвеннике пусть горит (и) не угасает; — сказано в Писании, — и пусть священник зажигает на нем дрова каждое утро, и раскладывает на нем всесожжение, и сожигает на нем тук мирной жертвы; огонь непрестанно пусть горит на жертвеннике и не угасает”*. Лев. VI, 12, 13. И в другом месте: *“Всякое приношение твое хлебное соли солью, и не оставляй жертвы твоей без соли завета Бога твоего: при всяком приношении твоём приноси (Господу Богу твоему) соль”*. Лев. II, 13. В “Числах” сообщается: *“Все возносимые святыни, которые возносят сыны Израелевы Господу, отдаю тебе и сынам твоим и дочерям твоим с тобою, уставом вечным; это завет соли вечный пред Господом, данный для тебя и потомства твоего с тобою”*. Чис. XVIII, 19.

И Пифагор в своих символах повелевает не говорить о Боге без света, наказывая применять соль во всех жертвоприношениях. Не только Пифагор, а и Нума, более чем на столетие предшествовавший Пифагору, учредил то же самое, исходя из вероучения этрусков. Но невероятно, чтобы богоугодный Моисей, прославившийся своими откровениями, от которых происходят все завещавший им установления, и яростно преследовавший идолопоклонства и суеверия, хотел бы хоть что-то позаимствовать у язычников.

Наиболее правдоподобно, что в целях создания идолопоклонства на них воздействовал дьявол, как обезьяна копирующий своего Творца, пожелавший извратить священные таинства в нечестивые беззакония, как можно сделать вывод, прочитав “Йозефа против Аппиона” и “Святого Иеронима против Вигилиянтia”. Следовательно, в иудейском законе никак не приносятся языческие жертвы, и соль в нем приемлется, по свидетельству Плиния Старшего (“Естественная история”, XXXI книга, гл. 7) как: *“Maxime autem in sacris intelligitur salis auctoritas, quando nulla conficiuntur sine mola salsa”*¹¹⁸. И у Платона в “Тимее” о ней говорится: *“Есть две разновидности, из которых точно таким же образом удалена большая часть примешанной воды, однако частицы земли в их составе тоньше; обе они отличаются соленым вкусом и затвердели*

¹¹⁸ Больше всего, с другой стороны, разумеется под солью священная власть, когда ничего невозможно произвести без грубой засолки. — Прим. пер.

*лишь наполовину, так что вода снова может их разрушить. Первая разновидность пригодна, чтобы отчищать масляные и земляные пятна: это щелочь. Вторая же разновидность весьма хорошо включается во вкусовые ощущения рта и представляет собой соль: это — любезное богам тело, как именуют ее по обычаю”*¹¹⁹.

По-гречески соль именуют *θεοφίλες σωμα*. Вот почему Гомер ее называет *божественной*, а Плутарх в “Застольных беседах” (кн. V, 10-й вопрос) приводит тому несколько оснований и среди прочих, что соль символизирует душу, идущую от божественной сущности, и пока душа пребывает в теле, она охраняет его от тления. То же самое делает соль с мертвой плотью, куда внедряется вместо души, прежде его сохранявшей. Отсюда некоторые из стоиков могли бы сделать вывод, что свиная туша была бы мертвой, если бы ее не засеяли, наподобие соли, для более длительного избавления от распада: *Quibus anima data est pro sale*¹²⁰. Наши теологи говорят, что обряд соления воды, когда ее благословляют, идет от пророка Елисы¹²¹, как свидетельствует священное Писание (4 Цар. II), который смягчил воды Иерихона и сделал здоровыми их, бросив соль в истоке реки. Это значит, что народ, олицетворяемый

¹¹⁹ Платон. Диалоги. Книга 2, т. 3. М., 2008; “Тимей”, с. 504. — Прим. пер.

¹²⁰ В ней душа заменяется солью. — Прим. пер.

¹²¹ Елиса — *עִלְיָא*, перевод имени этого пророка как “Елисей” неверен. — Прим. ред.

водой (*Aqua multae, gentes multae sunt*¹²²), чтобы обрести освящение, должен познавать слово Господне, уподобляемое соли, с горечью и раскаянием за прегрешение пред Богом.

Как вода составляет исповедание веры и грехов, так и от смешения воды с солью происходит двойной плод, отвращающий от беззаконий и обращающий к добродетелям. И поскольку покаянию в грехах должна предшествовать устная исповедь, то раскаяние, обозначенное горечью соли, благословляет ее раньше, чем вода. Соль сравнивается и с Премудростью: *"Vos estis sal terrae", etc, "Habete sal in vobis",* или *"Вы — соль земли..."* (Мф. V, 13); *"... Имейте в себе соль, и мир имейте между собою"*. Мк. IX, 50. Вот почему во всех древних жертвоприношениях использовалась соль; отсюда и во время крещения соль клали в рот принимающего крещение, прежде чем погружать его в воду. Этого нет сегодня лишь потому, что таинство соли было со временем замешено.

Итак, от огня и соли зависят великие таинства и секреты, разумеемые в двух главных цветах — красном и белом. Зогар полагает, что все вещи суть белые или красные, и между ними большая разница. Бог окрашивает наши грехи, делая их красными, поскольку вожеление исходит от крови и чувственности орошаемой кровью плоти. И мы окрашиваем свои белизну и милосердие в красный цвет или строгость правосудия огнем, распалая-

щим наши плотские желания, влекущие за собой суд, который повсеместно там, где огонь, если последний не смягчить спасительной водой. И когда развращение одолевает мир, как обыкновенно случается, в нем распространяется красный цвет и судилище; все белое скрывается, вскоре перерождаясь в красное, но, не делая красное белым, которое, если превосходит, наоборот все затмевает собой.

Этим двум цветам соответствуют закон Ветхого Завета и Нового Завета; строгость правосудия и милосердие; огненный столп во мраке ночи и белое облако днем; вино и хлеб, кровь и тук, которые не позволялось вкушать: *"Только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте"* (Быт. IX, 4); *"Это постановление вечное в роды ваши, во всех жилищах ваших: никакого тука и никакой крови не ешьте"*. Лев. III, 17.

Это предписание особо повторяется в книге "Левит", XVII глава, где раскрывается его смысл: душа или жизнь плоти растворена в крови, которая мистически представляет собой кровь Мессии. В последней заключена жизнь вечная, поэтому непозволительно было вкушать иную кровь до Его пришествия. Тук, покрывающий внутренности, евреи называли *хелеб* (*cheleb*): он предназначался Господу и отделялся от плоти; по-другому его именовали *шумен* (*schumen*) или то, что дополняет. Но метафорически под туком подразумевалась самая изысканная субстанция: согласно книге "Чисел", глава XVIII, десятиной считались лучшие из

¹²² Много воды, много и людей. — Прим. пер.

плодов, называемые их туком. Так что же мы должны иметь в виду, когда просим, чтобы сделали порцию того или иного блюда пожирнее? И в Писании сказано: *"Cibavit eos ex adipē frumenti"*, или *"Я питал бы их тукom пшеницы и насыщал бы их медом из скалы"*. Пс. LXXX, 17.

Быть может, Мозес, ясно осознавая, что эти две сущности, кровь и жир, являются скверной и нечистой пищей и разлагаются вскоре после того, как оказываются вне тел, потому и запретил их употребление. Пожелав глубже проникнуть в тайну, отметим: кровь составляют жизненные духи огненного естества, а жир очень восприимчив к пламени и пригоден для свечения, которое представляет собой душу. Хотя лампадное масло не запрещено для пищевого усвоения, но мы не видим, что на богослужениях используются сальные свечи.

Обе сущности, огонь и соль, обозначают еще вино и молоко: *"Пришел в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим, наполнил вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!"* Песн. V, 1. Под вином понимается древо познания добра и зла, то есть тщетное влечение к преходящим мирским вещам; под молоком — древо жизни или человеческого благоразумия, к которому Адам лишился доступа, пожелав вкусить плод другого. *"Перед своим грехопадением, — говорит Зогар, — Адам был причастен к Премудрости высшего света и не был еще никак отделен от древа жизни; но когда он возжелал от него отделиться, увлек-*

ишись познанием низших вещей, это влечение прекратилось только тогда, когда он полностью лишился жизни, воплотившись в смерть".

Якоб и Есав — два происходящих от него и наследующих землю. Подобно им роза и лилия: последняя очищается водой и возрастает в тепле огня, делающего ее белой; тогда, как розы бывают красными, как пары, выделяемые кровью и жиром, когда их возжигали Богу, направляя ввысь дым от всеожожения, дабы обозначить, говорит тот же Зогар, что Ему должны приносить только чистую жертву. Красный цвет представляет собой грех и последующее за ним наказание; белый — искренность с милосердием и сопровождающее его дальнейшее вознаграждение. *"Но что же, — спрашивается в Зогаре, — символизируют алые розы и белые лилии? Это — запах жертвоприношения, исходящий от красной крови и белого тука, часть которых предназначена Богу"*. Тук здесь соответствует жертве, или питаемого им человека душевного, тогда как жизненные духи творят кровь. Вот почему и говорится, что когда постишься для изнурения и умерщвления позывов плоти и вождения, приносишь свой тук в жертву Богу, желающему от своего создания души, пребывающей в огне и крови, и тела, то есть тука, коим оно питается. Обе сущности будут незапятнанными, чистыми и нетленными, когда пройдут через огонь и в нем просолятся. Он особенно хочет, чтобы они зажглись Им, представ перед Ним в белом фимиаме и благовонии, ибо дым более духо-

вен, чем материя, которую огонь, истончая, восхищает в каждении.

И в самом деле, весь наш мир лишь восходящий к Богу запах, порой благовонный и приятный, порой скверный и неприятный. Форма вещи, заключенная в ее очертаниях и цвете, пребывает воплощенной в материю, где ее может уловить глаз и к ней приобщиться. Вкус также присущ вещи, когда ее растворяет слюна, чтобы сообщить ее привкусы. Но запах от нее отделяется, издали достигая в незаметном паре чувствительности нашего носа и мозга. Вот почему священное Писание точно определяет благоухание розы и лилии; красного и белого, запах которых никак не исчезает. И если розы бывают красными, то очищающая их вода и дым от их горения делают их белыми, как и ладан во время каждения, о котором сказано: *"Dirigatur oratio mea sicut incensum in conspectu tuo"*, или *"Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое, воздеяние рук моих — как жертва вечерняя"*. Пс. СХL, 2.

Под молитвословием понимаются не только наши мольбы, но все наши желания, мысли, действия и поступки. Так, рабби Елеазар, сын рабби Симеона, автора Зогара, творя молитву, парафразировал ее следующим образом: *"Это вполне известно и явлено пред Тобой, о Господь, мой Бог, Бог наших отцов, что я приношу Тебе свой тук и свою кровь. Я Тебе их приношу в приятном фимиаме в крепкой вере и исповедании, умерщвляя чувственность моего тела. Как приятно Тебе, Господи, что фимиам моей молитвы, исходя из уст моих, ныне направился*

к Твоему лику, как фимиам искупительного жертвоприношения, сжигавшийся для Тебя на алтаре заступничества и Тебе на умилоствление". Он говорит так, поскольку со времени пришествия Спасителя и разрушения Второго храма римлянами, в молитвы обратились все иудейские жертвоприношения, среди которых — кровавые жертвоприношения, обозначаемые красными розами цвета крови и мирные чрезвычайные, как *минхад* (*minchad*), а одинаково подобные этому из муки и зерен, обозначаемые лилиями, по слову священного Писания: *"Dilectus meus candidus et rubicundus: qui pascitur inter lilis"*, или *"Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других"*; *"Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии"*. Песн. V, 10; VI, 2.

Впрочем, четыре цвета, обозначающие четыре элемента: черный — землю, белый — воду, голубой — воздух и красный — огонь, заключают в себе большие секреты и таинства. Прежде читая Плиния Старшего, когда Апеллес изображает Александра Македонского владеющим молнией: *"digiti eminere videntur, et fulmen extra tabulam esse, sed legentes meminerint omnia ea constare quattuor coloribus"*¹²³, я не мог ясно определить, какими были эти четыре цвета, главными в Природе, пока не узнал это из Зогара. Здесь ясно указано, что два цвета связа-

¹²³ Был виден указующий перст, и молния из скрижали выходила, но вырываясь, запомнилось, как она повергала всех в страх своими четырьмя цветами. "Естественная история", XXXV книга, гл. 10. — Прим. пер.

ны с гарью: черный, обозначающий землю, и происходящий от него красный — огонь. Два же других с пламенем: голубой — в корне противоположный черному, и белый — в высшей степени противящийся красному. Но посмотрим, как этот кватернер хорошо приложим к Химической теории, образующей из четырех элементов два плотных и устойчивых и вместе препарируемых — землю и огонь, которые относятся к гари; и два других ускользающих, летучих и текучих — воду и воздух, белое и голубое, каково пламя, ускользающее в вечном движении. И не стоит находить странным, будто воздух, обозначенный голубым цветом, будет ниже воды или высшего белого пламени, поскольку часть воздуха, слагающаяся из масла и жира, отделяется позже и с неохотой от соединения, творящего воду наибольшей противоположностью огню.

Но поглядим теперь проникновеннее на сказанное еще вслед за этим Зогаром. Красный свет как на земле, так и в небе, является началом все разрушающим и рассеивающим, ибо это стебель дерева смерти, что можно видеть на примере лампы, светильника и другого свечения, корень которого находится в земле, или, иными словами, в губительной и разрушающей черноте, насыщающей гать, пусть даже ветви и языки данного пламени будут голубые и белые. Гать со своей чернотой и краснотой есть элементарный мир, а пламя — небесный. Красный цвет повелевает всем, что ниже его, и пожирает это. Если вы скажете, что он господству-

ет также в небе, но не в низшем мире, то можно вам ответить вопросом: сколько в высшем мире разрушительных свойств и сил, рассеивающих нижестоящие вещи? Все высшие сущности, как бы закреплены в этом красном свете, а низшие нет, поскольку они нечисты, грубы и темны. И этот красный свет, соприкасаясь с высшим, истачивает и поглощает их, ибо нет ничего в низшем мире, что бы не разрушалось.

Он пронизывает камни, вторгаясь в них и пробивая навывлет, как и воды способны проходить сквозь, затапливая все пропасти и пустоты земли, где они распределяются равномерно, спеша вновь собраться в своих безднах, проходя через мрак, смешивающийся с ними и предстающий причиной того, что они поднимаются и опускаются (поднимаются, когда устремляются от моря, расположенного ниже уровня земли, к своим источникам, чтобы вновь течь вниз земли, возвратившись на место, откуда вышли). И так воды, мрак и свет, сплавляясь, образуют изнутри иной хаос, который спешит перемешать Природа (благодаря заключенному в нем теплу) по установлению повелевающего ей верховного Дародателя. Всякий поток поднимается по Его гласу, от которого колеблются бездны, крича себе подобным (*Abyssus ad abyssum clamat in voce cataractarum suarum*), или "Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною". Пс. XLI, 8). И что значит сей крик? Откройся со своими водами, и я войду в тебя.

Здесь имеем непростые тайнства для разумения, которые лишь стремятся доказать сходство и родство чувственного мира с познаваемым, и элементарного с небесным. Ибо, как сказано в другом месте, твердь мироздания, называемая твердью небесной, вмещает высшие и низшие вещи, хотя и разнообразными способами. И это разоблачает на примере пламени, в чем чернота является землей, основание трех элементов и цветов, когда красное есть только воспламенение и жар, соединенное с чернотой. Без пламени нет никакого света, олицетворяемого белым и голубым, которые происходят от того же корня. Однако все стремятся слиться с высшим белым пламенем, находящимся выше всех. И все же оно здесь столь чистое и избавленное от всех примесей лишь потому, что не порождается копотью и смрадным черным дымом: от них оно нуждается в очистке огнем, и когда он закончит поедание своей тленности, то обратит ее в совершенную белизну, которая впредь уже не изменяется.

Мы прежде говорили о том, что огонь оставляет после себя два вида отходов в первый раз не вполне чистых; снизу золу, из которой посредством того же самого огня извлекается нетленная субстанция соли, и в конечном счете — стекло, о чем хорошо известно книге Зогар, где в толковании книги “Исход” сказано: *“Ex lixivio ex quovis cinere confecto, educitur sal et vitrum”*¹²⁴. Но впредь что бы ни говорилось, это

¹²⁴ Из щелочи, из какого либо произведенного пепла возникают соль и стекло. — *Прим. пер.*

вещь вполне знакомая и очевидная для тех, кто занимается огнем. Остающийся пепел происходит от жжения и возгорания угля. Однако более духовная копоть устремляется вверх. Она производится пламенем, которое не имеет времени и силы завершить ее очищение, отчего чистое и нечистое поднимается вместе. Разумеется, нет более точного соответствия нашим душам, которые после своего отделения от тела уносятся ввысь вместе со своими непристойностями, обретенными в течение мирского бытия. Необходимо, чтобы они прошли через огонь и в нем совершили бы свое отбеливание от всего: *“Omnis homo igne salietur, et omnis victima sale salietur”*, или “Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится”. Мк. IX, 49.

Нагар и зола представляют собой внешне-го одушевленного человека и его тело. А два пламени, голубое и белое, означают: первое — тело небесное и эфирное, второе — души, лишенные всякой телесности. Это души благочестивых людей, которые пройдут через непрерывно пылающий огонь жертвенника и просолятся солью своего завета по обетованиям Мессии, к Которому князь мира сего не может приблизиться, поскольку действует в адамическом потомстве, исполненном пепла, чего он был устроителем, и гари первородного греха, чем он запятнал Адама посредством своего упрямого развращения. Поэтому мы — ночь, с которой Мозес начинает отсчитывать день. Ведь по плоти мы — рядом с Мессией, возвестившим своим пришествием светлый

день Солнца Истины, каковое каббалисты считают проявлением יהוה (*Jehova*), оболочку которого они называют *Адонай* (*Adonai*). Из нее Бог должен направить Его во внешний мир, ведь Мессия тот, кто очистит праведных и сожжет грешников черным и карающим огнем. С этим совпадает также то, что от престола Всевышнего снизойдет пылающий лев, который пожрет все жертвоприношения.

Есть ангелы, наблюдающие за всяким, кто грешит, в чем они постоянные соглядатаи, ибо любой человек, совершающий проступок получает для себя обвинителя, который к нему будет благосклонен не более, чем должен, так как ему уготавливается огонь свыше, что поразит всякого совершившего беззаконие. Но Иег(х)ова вмешивается свыше, уняв огонь водой милосердия, после чего преступная часть души может быть очищена от своих пороков. И только единственный Ангел мира способен примирить душу с Богом, чего она достигает по заступничеству священного имени. Так полагает Зогар, весьма по-христиански составленный одним рабином, который никогда не был крещен.

Это дает нам повод к одному заключению, о котором поговорим позже. Греческая версия "Евангелия от Марка" передает нам "ката $\text{φωσά αἰ ἀλαφιοῦται}$ ", или "Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится". Мк. IX, 49. В освященном римской Церковью латинском тексте вместо греческого φωσά присутствует аналогичное *victima*, хотя греческое слово обозначает все виды жертвоприноше-

ний, хостий, даров и церемоний. Но Порфирий в 2-й книге "О жертвоприношениях" уточняет, что это относится к травам, приносимым богам. Поскольку изначально жертвоприношение состояло не из фимиама, мирра, росного ладана, стиракса, алоэ, ладана и других похожих ароматических смол, а из определенных зеленых трав и первых ростков, производимых землей. Ибо деревья были сотворены на Земле прежде, нежели животные, и Земля облеклась травой раньше, чем произошли деревья. Таким образом, собирались все травы, росшие под ногами, с их стеблями, корнями и семенами и сжигались в жертвоприношении, а ароматный дым от них исходил к бессмертным богам. Это дымное благовоние греки называли φύμασις , от чего и произошло слово φύσα . Следовательно, это вовсе не относится к кровавым жертвоприношениям. Так, римляне более ста шестидесяти лет, по повелению Нумы Помпилия, не имели никаких изображений богов, а из всех жертвоприношений у них были только с использованием муки и соли, называвшиеся ἀχαΐακτα , то есть бескровными, вплоть до времени Порфирия.

Выше уже говорилось, что нет ничего более знакомого и менее известного, чем огонь. Это же можно сказать и о соли. Почему же Моисей удостоил соль такой чести, заключавшейся в использовании ее во всех жертвоприношениях, называя ее вечным заветом Бога со своим народом. На этот завет, именуемый евреями *берум* (*berith*), указывают три

или четыре знамения, данные в священном Писании: радуга в IX главе, обрезание Авраама в XVII главе книги “Бытия”, вселенский завет соли в XVIII главе “Чисел” и завет закона, принятый на горе Хороб: *“Dominus Deus noster pepigit nobiscum pactum in Horeb”*, или *“Господь, Бог наш, поставил с нами завет на Хоробе”*. Втор. V, 2. Последний являлся с того времени единственным почитаемым наставлением, обращенным ко всем людям: *“Benedicitis mensas salinorum appositum”*¹²⁵, — говорит Арнобий язычника. А Тит Ливий в XXVI главе пишет: *“Ut salinum pateramque deorum causa bebeant”*¹²⁶. И Фабриций, доблестный римский военачальник, никогда не имел ни золота, ни серебра, кроме одной маленькой чашки, доньшко которой было из рога, для возношения жертв богам, и солонка служила ему в его церемониях. Он запретил себе, как передает Плиний Старший¹²⁷, иметь другое столовое серебро, помимо этих предметов. Впрочем, соль была знаком и символом дружбы, поэтому приехавшим иностранцам, сразу давали соль, скрепляя тем самым свой договор о дружбе. И Великий князь Московии, по сообщению Сигизмунда Либера (Sigismundus Liber) в его трактате *“De rebus Moschoviticiis”*¹²⁸, всякому, кому хотел оказать

¹²⁵ Благословен стол с лежащими на нем солонками. — Прим. пер.

¹²⁶ Солонка — причина умиловливания отчих богов. — Прим. пер.

¹²⁷ “Естественная история”, XXXIII книга, гл. 12. — Прим. пер.

¹²⁸ “О делах московских”. — Прим. пер.

большую честь и благосклонность, посылал свою соль.

Архилох, кого упоминает Ориген в произведении “Против Цельса”, упрекает среди прочих вещей Ликамба в том, что он нарушил священную и сокровенную тайну дружбы, заключенную между ними солью и в общей трапезе. И святой Матфей, говоря об Иуде Искариоте, подчеркивает, что тот не имел почтения ни к памяти общей трапезы, ни к соли и хлебу, вкушаемыми ими вместе. И Ликофрон в поэме об Александре называет соль *ἀγνίτης*, очищающей и выбеливающей, делая аллюзию на Еврипида: *“Θαλάσα κλύζω πολυτά τ’ ἀνθρώπων κακά”* или *“Как море смывает грехи людей”*. Море из-за горечи и солёности пифагорейцы называли слезой Сатурна и пятым элементом, предстающим солью, растворенной в воде.

Разумеется, море восхитительная вещь, в большом количестве состоящая из соли, и мы придерживаемся непреложной максимы, что Бог и Природа не творят ничего напрасно. Кроме того, соль находится в земле частично в жидком состоянии, откуда ее нужно выпаривать, а частично в кристаллах, как в саксонском Галле и в Берре в Провансе, порой же в окаменелой породе, как в Теплаге в земле негров. Отсюда ее несут более двух сотен лье на носилках, передавая из рук в руки в пунктах приема на дороге, ведущей в королевство Томбур (Tombur), где она служит в качестве денег в любой из его областей. Так делается и в провинции Каинду (Caindu) в Восточной Тартарии, согласно 38-й главе 2-й книги Марко Поло. И

если бы жители провинции не держали бы ее во рту на всякий случай, их десны бы сгнили из-за господствующей там жары, сопровождаемой влагой разъедающих болотистых испарений. Вот почему они вынуждены постоянно ее иметь, как вещь, мешающую гниению.

Я сам неоднократно убеждался, что из морской воды выделяется примерно половина соли, если неспешно выпаривать воду, смешанную с ней. Какое же огромное количество соли останется, если ее извлечь из всей жидкой субстанции моря? И песок всех пустынных пространств может сравниться с солевыми запасами морей, разве что своей двухтысячной частью: это ответ тем, кто постоянно стремится сопоставить море с землей.

Нам не стоит здесь останавливаться на подробностях, которых касается Плиний, ведя речь о соли в 7-й главе XXXV книги своей “Естественной истории”, когда в большинстве своем они пересказаны по слухам и стремятся показать, что в действительности существует только два вида соли — натуральная и искусственная. Натуральная произрастает в кристаллах сама по себе в скальных породах или в земле, как мы выше указали. Искусственная вырабатывается из морской воды или жидкости, наподобие рассола из солевых источников, имеющих в Лотарингии и Франш-Конте в Бургундии, и сгущается при помощи огня. Приводится много примеров даже того, во что с трудом верится, но оставим сие на совести рассказчика: в области Апулии есть озеро Тарантино глубиной не более, чем по колено,

вода которого летом превращается целиком в соль.

В провинции Вавилона произрастает некая вязкая, текучая минеральная смола, используемая в лампах вместо масла. Эта воспламеняющаяся субстанция, высвобождаясь, остается от соли, которая в ней скрывалась; действительно, на практике мы наблюдаем, что всякая возгораемая вещь может выделяться из соли, но сама соль не поднимается, за исключением присутствующей в ней и не уничтожаемой огнем горючей водянистой маслянистости. Таким образом соль пребывает в золе, и данная соль, говорит Гебер в своем завещании, сохраняет всегда естество и свойство, присутствующие вещи, из которой она выделена, особенно когда это делается в закрытом сосуде, откуда не выпариваются духи, ибо именно ее Евангелие называет “*sal insatuatum*”¹²⁹, о чем мы скажем ниже.

Лучшая и наиболее полезная соль из всех — это вывариваемая из морской воды в Бруаже. По примеру ее, необходимо, чтобы почва повсюду, где добывается морская соль, была бы суглинистой и вязкой, как материал гончара или глина, из которой делается черепица. Итак, нужно хорошенько, возделывая почву, замесить глину, остерегаясь того, чтобы она не смешалась и не впитала в себя воду, которая будет через нее проходить, что делается толчением при помощи большого количества лошадей, ослов и мулов, вместе связанных. Они, утапты-

¹²⁹ *Sal insatuatum* — дословно “неутолимая соль”. — Прим. пер.

вая, делают породу плотнее и крепче, так что площадка будет напоминать провинциальное гумно. Сделав это, прокопайте каналы для воды. Солеварни никак не должны находиться ниже уровня моря (Плиний в 106-й главе II книги вообще полагает, что соль нельзя добывать без соленой воды). Затем установите большой бак, куда будет извлекаться вода, называемый ярдом, и на краю его шлюзный затвор, который делают внизу сбоку и с втулкой, именуемой амезо (l'amezu), откуда стекает вода ярда в садки под названием ложа. От них протягиваются надлежащие скаты, затворяемые двумя втулками, которые называются протоками сковороды, прикрепленными к другим садкам и отсюда называющиеся антаблементами, вирефонами и средствами прогонки воды по различным поворотам и каналам, наподобие лабиринта.

Прежде чем соль должна сгуститься в садках и определенных квадратах, вода проделывает большой путь. Для уменьшения ее количества в процессе перегонки необходимо воздействие солнечных лучей в целях скорейшего попадания на участок, где ее ждет окончательное сгущение. Но чтобы достичь этого последовательно и равномерно, повсюду устраиваются лопасти, поднимающие и опускающие воду, как мельничные крылья. Вся остальная земля, извлекаемая при копании садков и участков, складывается вокруг них в дорожки или насыпи, называемые босси, достаточной ширины, чтобы провести по ним двух лошадей бок о бок. Босси служат для удержания

воды, и на них же кладут груды сгущенной и произведенной соли, называемой коровами. По насыпям можно ходить и передвигаться, как по запрудам между водоемами, и перевозить по ним на домашних животных полученную соль для кораблей, стоящих неподалеку на рейде. Зимой из опасения дождя, снега или чрезмерной влажности воздуха, способной превратить грунт в квашню, их покрывают камышом, специально продающимся в этих целях. Все эти запруды запутаны, витиеваты и не имеют прямых путей. Чтобы добраться к цели на прямом расстоянии одного лье, будешь вынужден преодолеть расстояние в семь или восемь лье. Оказавшись здесь однажды, вполне можно заблудиться, если не узнаешь точного направления или пойдешь без хорошего проводника из-за крутых дорожек, которые нужно точно определить, чтобы прибыть из одного места в другое. Зимой здесь может вообще не пригодиться карта и описание, когда почти все покрыто водой, и идти по ним не стоит без соответствующей подготовки. Соляные водоемы консервируют на весь прохладный период, ведь варить соль в них возможно только в течение мая, июня, июля и августа. Солевары привыкли открывать некоторые шлюзы, чтобы запускать туда морскую воду для заполнения всех форм и садков, иначе морозы их уничтожат. Если во время кристаллизации и отстаивания соли разразится внезапный ливень, это отстрочит процесс, как минимум, на пятнадцать суток, потому что нужно осушить всю воду из форм,

попорченных дождем. В холодные и дождливые годы это делать всегда нелегко.

Здесь уместно вспомнить о неоднократно проводившемся мной эксперименте, принадлежавшем, как представляется, еще Аристотелю. Я беру восемь или десять фунтов обычной соли грубого помола, которую растворяю в теплой воде и снимаю с поверхности возможную грязную пену. Дав ей хорошенько отстояться, выливаю раствор в чан, стоящий на огне, где должен выпарить всю воду, пока соль не превратиться, выпав на дно, в белую, как снег. Затем завершаю ее просушку в горшке, оставляя его на хорошем огне в течение четырех или пяти часов. Остудив все, как было, я распределяю ее в несколько мисок из Бове, чтобы сократить процесс и выиграть время, пока солнце еще не взошло, предназначив это время для вящего растворения, собирая всякое утро все, что было разведено в воде.

По прошествии семи или восьми суток соль полностью растворится, оставив малое количество грязи или праха, которое я откладываю в сторону. Все свои растворы я выкладываю в реторты и дистиллирую воду, которая возгоняется. Пусть вода и остается соленой, но солевая масса начинает постепенно осаждаться на дне сосуда.

В завершении я опять все прокаливаю на хорошем огне, зажженном на высушенном хворосте. Открыв реторту, беру стусившуюся в них соль и растворяю во влаге, как и прежде, так что на поверхности опять всплывают грязь и прах. Дистиллирую все в водной возгонке и

повторяю все действия, пока моя соль не растворится и не очистится в тихой воде, что происходит на седьмой или восьмой раз. Я смываю тщательно водой прах, дабы извлечь из него все, что может оставаться от соли. Так я его вновь прокаливаю и смываю, пока в нем не останется только один осадок или чистая земля без всякого вкуса. С выделенным мной малым количеством соли я должен сделать то же самое: тогда вся моя соль, ничего не потеряв в своей сущности, обратится в пресную воду и почти неощутимый прах, весом не более одной или двух унций. Чем же станет эта засолка соли? Увы, я теряю здесь свою латынь и не знаю, что и сказать вслед за сим; однако все приведенное мной — суцная правда.

Если же кто-то захочет довершить за меня начатое дело, я только обрадуюсь. Ему я советую сочетать его с другими, чтобы прийти к исключительной похвале соли, без которой, по словам того же Плиния, нельзя жить цивилизованно. Все милости, приятности, украшения, удовольствия и наслаждения человеческой жизни нельзя лучше выразить, чем этим словом, которое простирается одинаково к устремлениям души, доброте и спокойствию жизни, возвышенной отраде и отдыху от всяческих забот и трудов. Она возбуждает любовные желания (*Salacitas*), порождая себе подобное, и, никого не рая, давно достигла достоинства жалования у военных людей (*Salarium*¹³⁰), а вместе с ним и

¹³⁰ Отсюда французское *salaire* — заработная плата. — Прим. пер.

забавных шутивых слов и увеселительных встреч (*Sales*). Сам апостол назвал ее Благодарением: *“Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому”*. Кол. IV, 6. Мы ею приправляем и всякое мясо, без чего оно оставалось бы пресным и безвкусным. Как прекрасно выражено в общеизвестной пословице: *“Sale et sole nihil utilius”*, то есть, нет ничего более полезного и необходимого, чем Солнце и соль. О смысле этого и рассуждает Плиний в указанной книге. Плутарх в “Застольных беседах” (4-й вопрос) пишет: *“Без соли ничего не может быть приятным на вкус, ибо даже хлеб, замешанный с ней, становится намного более изысканным; так его обыкновенно готовят для храмов и праздников приглашения на пир Нептуна и Цереры; ибо соленые вещи являются как бы приманками и возбуждителями аппетита”*. Так что перед всякой иной пищей потребляется острая и соленая, если же начинают с другого, то страдают недержанием. *“Едят ли безвкусное без соли, и есть ли вкус в яичном белке?”*, — сказано в Писании. Иов. VI, 6.

Соль делает питье вина более изысканным, предоставляя множество иных средств и удобств жизни там, где утрата соли сделала бы ее чудовищной. Кроме того, она — знак и символ справедливости и правосудия, поскольку сберегает и сохраняет все, что ей обработано и просолено. О дружбе и благодарности, исходя из послания чиновников Артаксеркса своему повелителю, в Писании сказано: *“Так как мы едим соль от двorca царского, и ущерб для*

царя не можем видеть, поэтому мы посылаем донесение к царю...”. Езд. IV, 14. Соль использовалась для заключения великих договоров, ибо она — вещь чистая, непорочная, святая и священная, недаром же солонка с ней всегда остается на столе. Так и Эсхин в своей речи о плохо исполняемой миссии посольств обращает внимание на соль и общую трапезу одного союзного полиса с другим.

И в самом деле, есть ли еще что-нибудь наиболее постоянное и устойчивое в огне и наиболее близкое к нему по своему естеству? Поистине, соль едкая, острая, язвительная, колкая, тонкая, проникающая, чистая, бросающаяся в глаза, несгораемая. Следовательно, она то, что предохраняет все вещи от тления, делаясь в своих приготовлениях светлой, кристальной и прозрачной, словно воздух, ведь по сути стекло не что иное, как очень устойчивая соль, которая может выделяться из всех видов золы: из одних скорее, нежели из других. Однако стекло, даже извлеченное из золы посредством выщелачивания, и жидкое наподобие воды, от усиленного воздействия огня не растворимо в воде, как обыкновенная соль, ведь обе субстанции слишком противоположны по составу и неприменимы друг другу.

В этом принцип всякой текучей, маслянистой и негорючей влаги. Кроме того, от соли первоначально происходят как металлы, камни, в том числе драгоценные, прочие минералы, растения, животные, кровь которых, влага урины и всякая иная субстанция просолены для сохранения от гниения, так и все сме-

шанные и элементарные соединения. Об этом свидетельствует ее растворение в них, и соль предстает как бы другой жизнью всех вещей. Без нее, по словам Мориена, Природа не может нигде ничего раскрыть, а одинаково породить любую из вещей, согласно завещанию Раймонда Луллия. Все Химические Философы сходятся на том, что в элементарном мире нет ничего совершеннее и изысканнее соли. Значит, соль присутствует во всех вещах, и ничто бы не существовало, если бы не имело ее в своем составе. Она, как клей, соединяет все части в единое целое, питая их, а иначе они бы превратились в подобие праха. Ведь соль обладает двумя субстанциями, одна из которых клейкая, липкая маслянистая и мягкая принадлежит воздушной природе. Нет никого, кто питался бы только сладким, горьким и соленым. Другая — расслабляющая и огненной природы: жгучая, острая и проникающая.

Все соли проявляют свое расслабляющее действие, и без их участия ничего не расслабить. Вот почему те, кто, заболев дизентерией, когда пьют морскую воду, умирают от нее быстрее, потому что, как говорит Плиний в “Естественной истории” (XXXI кн., 9-я гл.), нет ничего более разъедающего, чем соль. Либо это материя соляного происхождения, огненная по своей природе, и вместе с тем недруг нынешнего огня. Потому что соль сопротивляется, треплет и потрясает его, въедаясь, впрочем, во все, к чему она не прикоснется, насколько она была более сильной и устойчивой влагой из всех остальных: “*et est humiditas*, —

скажет Гебер, — *quae super omnes alias humiditates expectat ignis pugnam*¹³¹”. Это можно наблюдать на металлах, которые не что иное, как сгущенные соли, длительно и постепенно пропеченные в чреве земном, где обильно закрепилась их влажность, благодаря обретенному ей умеренному теплу.

Эти соли происходят от серного и ртутного естества, которые, соединившись вместе, порождают третью сущность — металлическую соль. Она обладает той же самой плавкостью и растворением, что и обыкновенная соль, взятая за символ справедливости и правосудия, каковы и металлы, только в ином значении, ибо сплавляемые разом из золота, серебра, меди и прочего, они перемешиваются всегда равномерно. Таким образом, если сто или даже двести частей серебра, вы сплавляете с одной частью золота, то где бы вы ни захотели затем проверить общую массу сплава, в любом ее месте будет одинаковая и тождественная масса золота, не больше и не меньше, поскольку металлы обладают свойством распределительного равновесия. Именно поэтому и соль, к чему она не привяжется, будь то мясо, рыба, овощи, сохраняет все от распада. Соль способна сохранить их в целости на протяжении многих столетий, в противоположность огню, который скверный гость, потому что изгоняет и пожирает все находящееся рядом с ним, не прекращая по возможности обращать это в

¹³¹ И есть влага, которая сверх всех других влаг изгоняется сражающимся огнем. — *Прим. пер.*

золу, откуда выделяется соль, прежде в нем содержащаяся. Так что они оба, огонь и соль, согласуясь между собой, соответствуют и в ферментах, которые путем своего воздействия доводят все до определенного состояния.

Плутарх в IV книге, в 4-ом вопросе своих "Застольных бесед", восхваляя соль, отмечает, что мясо или рыба, потребляемые в пищу, являются мертвыми вещами, но когда они просаливаются и обретают соленое свойство, то как бы оживотворяются душой и тогда им придается изысканность и приятность. В 10-ом вопросе V книги, объясняя, почему Гомер называет соль божественной, он полагает, что она представляет собой характер укрепляющий плоть тела, даруя продукту привлекательность и аппетитность. Но это скорее из-за свойства сопротивления смерти, которым соль предохраняет от гниения мертвые тела, свойства, принадлежащего божеству (*Non dabis sanctum tuum videre corruptionem*¹³²) и не позволяющего лишнему жизни слишком быстро уничтожаться со всех сторон. Точно как душа, божественная часть в нас, поддерживающая тело в дни жизни ("*anima data est porcis pro salute*¹³³", как выразился вслед за стоиками Плиний), соль берет покровительство над мертвым телом, чтобы упasti его от тления. Сопоставим с данной добродетелью соли и сльвущий божественной сущностью огонь молнии, ведь всякий, кого он коснется, не убив, проживет долго и безболез-

ненно. Это есть соответствие соли огню, почему Эвен, однажды выпив, сказал, что огонь всегда был лучшим соусом в мире; с тем же самым связана и соль.

Все вышеуказанные вещи подтверждают причину, по которой Мозес, а затем Пифагор отводили соли очень важное место, скрыв за ее аллегорией все, что пожелали выразить в понимании самого предмета. Наши души и сознания, обозначенные человеком у святого Марка, в том числе человеком внутренним, и наши тела, обозначенные жертвой, должны быть принесены Господу Богу чистыми, незапятнанными и нерушимыми: "*Ut exhibeatis corpora vestra hostiam viventem, sanctam, Deo placentem, etc*", или "*Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего*". Рим. XII, 1. Существовал, возможно, и другой повод, почему Мозес столь превосносил соль, объясняемый рабином Мозесом Египтянином в 47-й главе III книги своего "Моря", где излагается смысл большей части церемоний Мозеса. Главной целью пророка и законодателя было низвержение всяческого идолопоклонства и, разумеется, египетского, где оно пустило корни, как ни в одной другой стране мира. Мозес понимал, насколько египетские жрецы возненавидели соль, не пользуясь ею ни под каким видом, ибо в горечи производившего ее моря растворялась и просаливалась пресная сущность Нила, а они были приверженцами

¹³² Не давая своей святостью видеть тления. — Прим. пер.

¹³³ Данная свше душа удерживает здоровье. — Прим. пер.

простой влаги, в которой произрастают и находят пропитание все низшие вещи.

Итак, в противоположность египетским жрецам и вразрез с их традициями, Мозес попытался создать форму завета и договора Бога с иудейским народом, когда во всяком жертвоприношении участвовала бы соль. В XIII главе "Второй Книги Паралипоменон" сказано, что Бог отдал Давиду и его детям государство Израильское по крепкому и нерушимому завету соли, поскольку соль препятствует тлению. И Спаситель наставляет своих апостолов быть солью среди людей, то есть возвещать им чистое и нетленное учение Евангелия, утверждая их в стойкости веры словами и поступками.

Каббалисты, проникая вглубь некоторых таинств, размышляют об определенных тонкостях, исходя из правила гематрии, называемого *Гилкал* (*Ghilcal*), состоящего из равнозначности чисел, передаваемых евреями посредством букв. Так, буквы слова מַלַּח *malach* (*малах*), что значит *соль*, дают в своем сложении 78, ведь *mem* = 40, *lamed* = 30, и *beth* = 8. Если вы разделите подобным образом 78, то всегда получите число, представляющее таинство божественных имен. К примеру, половина его составляет число 39, соответствующее слову חֻזִּי *chuzi* (*хузу*), покров или одеяние великого имени, где *cap*h = 20, *vau* = 6, *zain* = 7, и второе *vau* = 6. Если же разделить на три части, то получится 26, являющееся числом Тетраграмматона יהוה (*Jehova*), когда *vau* = 10, *he* = 5, *vau* = 6, и *he* = 5. Разделив на шесть, получаем 13, что равносильно числу веры.

Тринадцать будет состоять из 6 = *vau*, буквы, олицетворяющей вечную жизнь; кроме того, 6 — это первое совершенное число, поскольку образующие его части идут от шести к единице через три и два¹³⁴; половина его — 3, совершенства которого не имеет ни одно из других чисел; к тому же, в течение шести дней было сотворено мироздание.

Существуют и другие цифровые таинства Писания. Так, XXVI будет священным числом Триединства, ибо умноженное на три даст LXXVIII. Одна вторая от него будет XXXIX, где בֶּת (*beth* (*бем*)) — символ Слова или Второй Персоны и дома Идей Архетипа, который прекрасно познал Платон, но не Аристотель. И, в конечном счете, 78 настолько же обозначает единство, насколько каждый представляет себе единство сущности единого Бога. Вот и слово לֶחֶם *lechem*, что значит *хлеб*, являет собой анаграмму предыдущего и состоит из одних и тех же букв, откуда происходит пословица: "есть соль со своим хлебом". Рабби Шломо, говоря о вышеуказанном союзе Бога со своим народом, скрепленном солью, под которым подразумевается вечный завет священства Мессии, доносит до нас весьма странную и фантастическую по форме аллерию. Когда собрались нижние воды, будучи отделены от небесных, и твердь была поставлена между ними, то Бог для усмирения их, пообещал им постоянное участие в своей службе во всех видах жертв и приношений, как Он с тех пор в законе предписал евре-

¹³⁴ То есть: 6-3-2=1, 1+2+3=6. — Прим. пер.

ям: *"Quidquid obtuleris sacris, sale condies"*, или *"Всякое приношение твое хлебное соли солью, и не оставляй жертвы твоей без соли завета Бога твоего: при всяком приношении твоём приноси (Господу Богу твоему) соль"*. Лев. II, 13.

Впрочем, существуют различные виды солей, обладающих разнообразными свойствами и качествами, в зависимости от вещей, из которых выделены: *"Sal enim retinet proprietatem illius rei a qua ortum est"*¹³⁵, говорит Гебер в своем завещании, отмечая, что имеются запахи и вкусы, целиком происходящие от соли, ибо там, где нет соли, нет никакого запаха и вкуса. И, тем не менее, Плутарх, по естественным причинам, все вкусы сводит к восьми.

Плиний в 27-й главе XV книги своей "Естественной истории" различает их тринадцать. Среди них нет ни одного вкуса, который был бы соленым, потому что вкус, как полагает Платон, идет от воды, текущей как бы по некоему стволу растения, где она и оставляет свою неспособную передаваться соленость, сколь поземному грубой она не являлась бы. Это видно на примере морской воды, когда ее дистиллируют или очищают через песок, в котором теряется ее соленость. Но можно сказать, что у Платона вкус передают не только растения, но животные, минералы и другие элементарные соединения. Вот почему он, Аристотель и другие рациональные философы сосредотачивались только на аргументах и рассуждени-

ях, отражавшихся в их фантазии, достаивая всякое прочее противоречащее их доводам звания недоказанного и даже в большинстве случаев ошибочного и ложного. Если бы они пожелали эмпирически опытным путем проникнуть туда, куда бы их могла увлечь очевидная истина вещи, они бы поверили ей намного меньше, чем это сделали арабы и химические философы, которые захотев удостовериться в чем-то, подвергали это наблюдению со всех сторон беспристрастным взором. Эта взятая на вооружение натуралистами непогрешимая максима, будто прозрачность зависит от того, когда вода в соединении и смешении с землей превосходит ее, а мутность получается, когда земля доминирует над водой. Непростительная преступная гордыня сомневаться в этом, ведь зачем сомневаться, скажут они, когда и так все очевидно.

Я отвечу, что опыт свидетельствует об обратном, по крайней мере, о том, что причина прозрачности и мутности не происходит от того, на что они указывают. Возьмите хрусталь и положите его ненадолго в горячую золу, наподобие того, как кладут туда каштаны. Вынув оттуда предмет, вы обнаружите его полностью помутненным: прозрачность исчезнет как изнутри, так и на поверхности; и это без всякого изменения его субстанции и уменьшения веса. И если, наоборот, над сильным огнем развешать сверху свинец, мутнее которого ничего и не может быть, он превратится на вид в очень прозрачный гиацинт, и сквозь него можно будет читать буквы, представив, что ги-

¹³⁵ Соль сохраняет свойство вещи, которое она имеет от рождения. — Прим. пер.

цинт толщиной с большой палец. Но этот гиацинт благодаря огню вновь обращается в свинец, а свинец в гиацинт. Когда бы эти глубокомысленные созерцатели Природы и ее эффектов пожелали бы сопроводить свои воображаемые рассуждения опытом, благодаря огню раскрывающим свои бесчисленные секреты, они бы не впали в подобные нелепости и смогли бы увидеть без всякой преграды всю полноту вещей, о которых они, усомнившись, судили не иначе, как с закрытыми глазами. Ибо мы не способны разоблачать тайны вещей в их непосредственном происхождении, прежде не проникнув в них самих, скажем так, через переднюю дверь, ведь Природа в своих произведениях уводит в расставленные тенета и ловушки, ускользая через заднюю дверь или из окон; греки называют это *διαλυσίς*: *“Состав каждой вещи познать невозможно, если пренебрегать ее распадением”*, — блестяще выражается Гебер. И это осуществляется при помощи огня, который отделяет части, как было сказано раньше.

Итак, в соли, исходя из разницы ее эффектов, присутствуют две различные субстанции: одна — воздушного происхождения — пресная, клейкая, воспламеняемая, питающая и связующая; другая — острая, едкая, разделяющая и ничего не производящая. Последнюю Поэты в своих мифологиях называли Океаном; а пресную, в которой растворена ставшая жидкой соленость моря, *Temis* (Thetys), вскармливающая и питающая все вещи. Так пишет Плутарх в трактате об Осирисе. Но одной прес-

той воды не бывает достаточно для питания, если в ней не присутствуют вещи, связанные с землей, с заключенной и смешанной в них солью, обладающей мягкой клейкой маслянистостью. И поскольку в морской воде имеются две субстанции, пресная и соленая, постольку их две и в соли. Хотя можно сказать, что она ничего не питает и не порождает. Вот почему, сносая по обыкновению дома предателей, принято засеивать их места солью, как недостойные ничего впредь производить. И в самом деле, соль, как таковая, ничего не производит. Возможно, это происходит из-за того, что ее пресная субстанция столь погружена в соленую, что не в силах возыметь собственное действие, если поначалу она оттуда не вызволена, ведь соленость господствует над ней и скрывает ее.

Но можно ответить на сказанное выше, дескать, не все питает и производит одна пресная вода, когда видно противоположное на примере водорослей, произрастающих посреди вод и камней, как она порождает ракушки, тех же рыб и червей. В итоге ее порождение господствует над тремя видами соединений: минеральными, растительными и животными.

Итак, положите маленькие бульжники в колбу, наполненную водой, и каждый день меняйте эту воду. По прошествии определенного времени камешки столь увеличатся и возрастут, что невозможно их будет вынуть через горлышко, посредством которого они попали в колбу. Но в действительности все это происходит от перемешанного с водой праха: так

порождаются в нем лягушки и другие существа срединной области воздуха, когда солнечные лучи охватывают это с водой, ибо все дожди, снега и подобные погодные явления во многом творятся от праха. Отсюда выходит, что снег унавоживает и удобряет землю, а дождевая вода, хоть и падает с громами и молниями, намного более естественна для деревьев, трав и посевов, нежели вода рек и колодцев. Здесь Плутарх пытается полностью обосновать доводы не столь очевидными естественными причинами. Более того, ведь он мог бы сказать, что небесные воды лучше подготовлены, поскольку сопутствуемы тонким и теплым прахом. Следовательно, они легче перевариваются и усваиваются растениями, наподобие того, как и мясо в желудке животных: одни его лучше переваривают, другие — хуже, в особенности же там, где вода сырая и неудобоваримая.

Мы останавливаемся здесь, рассказывая вкратце о воде, так как соль не что иное, как вода, смешанная и соединенная с землей, мышьяком и возгонкой огненной природы, делающей ее горькой и соленой. Но ненадолго отступая от нашей темы пресной воды, мы коснемся здесь весьма редкого опыта, благодаря которому появятся несколько любопытных соображений.

Пресная вода является столь же однородной, сколь и на вид светлой, прозрачной и текучей сущностью, всеми своими частями соответствующей самой себе и предстающей единой субстанцией, даже когда проходит дистилляции, пусть в ней и обнаруживается иное

плотное и сжатое в виде земли вещество, смешанное с ее жидкой однородностью, от которой оно искусственно отделяется. Именно об этом говорит Аристотель в сочинении "*Turba Philosophorum*": "*Ex grossitie aquae terra con-creatur*"¹³⁶. И это можно видеть на примере вскипающей воды, а после несколько раз очищенной и уменьшившейся, как правило, на пятую или шестую часть, в отличие от своего первоначального состояния.

Итак, нужно взять достаточный объем воды из колодца, родника, реки, либо собранной после дождя, предоставив ей отстояться в течение двадцати или тридцати часов, чтобы на дно выпало некоторое количество выделившегося осадка. Затем возьмите сорок пинт этой воды и попытайтесь выпарить из них половину на довольно легком огне, следя за тем, чтобы вода не вскипала. Отложите двадцать пинт в сторону, налейте сверху новой воды и поставьте выпарить половину ее. Продолжайте делать так до тех пор, пока не получите сто пинт с наполовину выпаренной водой. Из ста пинт выпарите тридцать; из оставшихся семидесяти — двадцать, из пятидесяти — двадцать, из тридцати — десять и, наконец, из двадцати — десять. Выбросьте весь образующийся осадок, представляющий собой только грязь и нечистоту, пока на седьмое или восьмое выпаривание или очищение, в вашей воде не проявится бесчисленное множество атомов или корпускул, постепенно сгущающихся в плот-

¹³⁶ Из водной толщи преобразуется земля. — Прим. пер.

ную субстанцию сероватого цвета, сыпучую, как мука.

Целебные действия последней столь поразительны, что в это с трудом верится, особенно когда применяешь ее при язвах, гангренах, кровотечениях носовых или у недавно разродившихся женщин, болезнях желудка и других случаях. Никакая заживляющая глина, в том числе и жирная армянская, не в силах с ней сравниться. Смешав ее с последними водами, из которых она была извлечена, производят вещество для окуливания. Сами же эти воды — прекрасное снадобье для обработки ран, при застаревших заболеваниях желудка и им подобных, требующих бдительного ухода. Вы также ее можете прокалить в течение шести или семи часов в небольшом огнеупорном горшке, залив сверху дистиллированного виноградного уксуса. Доведя все до кипения, вы растворите ее частично в нем, пропитав остальное. Прокаливайте это опять и растворяйте, пока не получите приятную на вкус белую соль и, растворив ее в масле, вы обретете средство воздействия на само золото. Но морская вода еще эффективнее, нежели воды рек и колодцев, поскольку пресная вода из нее может выделяться в процессе очистки от соли. Это легко сделать возле моря, имея для завершения этого процесса, четыре или пять алембиков из свинцовой земли и еще больше пресной воды, выделяющейся при дистилляции соли, растворенной в испаряющейся жидкости.

Но есть и другой способ выделения субстанций из обыкновенной воды, более духов-

ный, чем предыдущий. Возьмите чистой воды из колодца, реки или родника, и, дав ей отстояться двадцать четыре часа, положите туда золы из костей, которую найдете в земельных горшках из Бовэ, закупоренных для гниения в навозном тепле. В течение сорока дней обновляйте это каждую неделю: фильтруйте воду, доведите ее пять или шесть раз до кипения, снимая пером с поверхности поднимающуюся накипь. Затем разлейте воду по стеклянным ретортам, чтобы она занимала треть объема сосудов, но не более половины; дистиллируйте ее в двух частях третьими. Замените реципиент и завершите дистилляцию всей воды на умеренном огне. Тогда прибавляйте постепенно огонь, и когда увидите поднимающуюся белую дымку, оставьте его на этом уровне, не увеличивая, до тех пор, пока не исчезнет дымка; погасите огонь и остудите сосуд. Соберите соль, осевшую на горлышке реторты или оказавшуюся в реципиенте, храня ее в плотно закрываемой стеклянной емкости в теплом и сухом месте, чтобы она не распылялась и не растворялась. Реторту с содержимым, оставшимся на дне, вновь поставьте на огонь и усиливайте его, пока не увидите поднимающееся красноватое масло; завершите его дистилляцию и потушите огонь. Возьмите остающийся на дне черный осадок, потолките его и положите в сублиматор со слоем добротной земли толщиной с большой палец, но не более.

По прошествии шести часов прокаливания на малом огне, усиливайте его в течение следующих двенадцати часов, пока сублиматор

не раскалится докрасна, и поддерживайте дальше огонь в данном состоянии. Потом дайте сосуду остыть и соберите выступившую соль, положив на хранение, как и предыдущую. Это вторая летучая соль армониака, извлекаемая из воды. Вместе с первой солью она обладает прекрасным свойством растворения золота и не заключает в себе никакой опасности. Можно получить и грубую соль армониака, наносящую большой вред тогда, когда она выделена из столь обыкновенной для человеческого тела субстанции, как пресная вода.

Теперь возьмите весь пребывающий на дне сосуда осадок и, подробив его, растворите в первично дистиллированной вами воде. Потом подогревайте ее, чтобы она растворила в себе соль, которая может в ней находиться. Дайте отстояться раствору, затем уберите его и принимайтесь за дистилляцию половины этой воды. Замените реципиент и на умеренном огне дистиллируйте остаток воды, сохраняя затем ее части в прохладном месте. Но не завершайте процесс сгущения соли на дне, когда остается мало влаги для образования кристаллов. Если получившаяся соль недостаточно белая, то прокаливайте ее в течение трех или четырех часов в земляном незапечатанном горшке; потом растворите ее во вторичной воде, отфильтруйте, сгустите и храните ее в сухом месте, поскольку эта соль устойчивая и легкоплавкая. Если при извлечении первичной летучей соли армониака, масло окажется невосомым и поднимется вместе с ней, то необходимо положить масло и соль в новую воду и

очистить их, вызвав гниение, как и прежде, и повторив заново весь процесс, поскольку в данном случае важен именно осторожный подход.

Есть и другой, наиболее короткий способ получения желаемого результата: *"Nam plures sunt viae ad unum intentum, et unum finem"*¹³⁷, — говорит Гебер. Возьмите дождевой или родниковой воды и налейте ее в реторту, стоящую на песке и греющуюся на медленном огне, и дистиллируйте ее до четвертой части, которая наиболее острая и тонкая. Продолжайте процесс и после дистилляции до тех пор, пока не появится осадок, который нужно выбросить. Сделайте так, чтобы вы имели достаточное количество этой промежуточной субстанции, дистилляцию которой вам необходимо повторить семь раз, выделяя всегда четвертую часть, выходящую первой и являющуюся флегмой, в то время как осадок станет прахом. В четвертой части вы обнаружите сернистые образования всевозможных цветов в виде белым и блессток. По завершении семи дистилляций положите вашу промежуточную субстанцию в алембик, подвергнув весьма легкому огню бани и убрав, таким образом, все, что еще, будучи флегмой, в состоянии подняться. После вы увидите образование лапиллей и блессток всякой расцветки, которые станут осаждаться на дне. Прекратите дистилляцию и дайте всему отстояться. Затем осторожно уберите все остающееся

¹³⁷ Поистине многие пути ведут к одной цели и одному завершению. — Прим. пер.

ся от воды, сделав то же самое с вашей промежуточной субстанцией во время образования лапиллей.

Получив определенное количество последних, положите их в потрескавшуюся стеклянную колбу и держите при свете лампы или чего-то подобного в течение трех-четырех месяцев. Так ваше вещество стугится, станет фиксированным, за исключением его малой доли, которая улетучится прочь из сосуда. Следовательно, здесь присутствует срединная субстанция первичной материи, предстающая водой. Но чтобы никого не вводить в заблуждение, все эти практики представляют собой только наполовину очерченный набросок того, чего нужно придерживаться в процессе расщепления жидкостей. Другими словами жидкостей, где растворены все виды солей, от щелоков до винных и им подобных, мягкой и маслянистой субстанции, всплывающей на поверхность воды с имеющейся в ней соленостью и горечью, и после устранения воды, пребывающей в соли, осевшей на дне сосуда. То есть речь идет об отделении масла от солей, что происходит с большим трудом. Но неразумно раскрывать и разоблачать это слишком откровенно, не оставив ничего за строчкой из-за боязни ошибиться в исследовательском пыле ученых людей, обязанных самостоятельно претерпеть муки и труды на пути к познанию этих удивительных таинств.

Нам представлялось необходимым обозреть вышеописанные опыты с водой не столько по причине, заключающейся в них важнос-

ти и уникальности, сколько потому, что это зависит от соли, составляющей главную часть всех вод, в том числе и моря, когда при выделении из него пресной субстанции, соль стугается в плотную массу. Но даже из этой растворяемой влагой соли, благодаря дистилляции извлекается большее количество пресной воды.

И здесь, не удаляясь от нашей темы, нельзя не отметить, что вода является как бы телом моря, а в соли заключены неуловимые для взора, хоть и весьма резкие на вкус, жизненные духи, а также маслянистая воспламеняющаяся субстанция, облекаемая солью, душа и жизнь воздушного естества или ветра: *"Memento quia ventus est vita mea"*¹³⁸. Значит, в море и, следовательно, в соли присутствуют две субстанции: одна — жидкая, летучая и поднимающаяся вверх; она двойственна по природе и пресна, слагаясь из воды и масла. Другая субстанция — устоячивая и плотная, обладающая горечью и соленостью. Вот почему Гомер называет Океан отцом богов и людей, ибо распространяясь чрез все видимые и невидимые пределы земли, он целиком ее объемлет. И если бы какая-нибудь сухая глыба оторвалась от скалы, и провидение произвело бы ее сепарацию, то она оказалась бы из двух субстанций — пресной и соленой. Ведь морская вода, проходя теми же путями, теряет свою соленость, как если бы ее дистиллировали в алембике или реторте, или неоднократно пропускали бы через песок.

¹³⁸ Помни, что в ветре моя жизнь. — Прим. пер.

Часть воды пребывает в нем в смешанном с землей состоянии для порождения и пропитания растений. Другая часть проходит по источникам и родникам, из которых образуются потоки и реки: *“Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь”*. Еккл. I, 7. Часть поднимается вверх, благодаря Солнцу и светилам, увлекающим и пьющим ее как для своего пропитания, так и для образования дождя, снега, града и других водяных явлений воздушной среды.

Более грубая, тяжелая и земная соленость пребывает клейкой массой в жилах и протоках земли, где тамошнее тепло ее готовит, переваривает, изменяет и преобразует в иную природу для порождения всех видов минералов. Это осуществляется посредством части пресной воды, перемешанной с ней, растворяющей и очищающей все соли, пока не приведет их к последней степени совершенства, определенному велением Природы. Значит, море не столь стерильно и бесплодно, как полагали о нем некоторые поэты и философы: даже Платон в своем “Федоне” говорит, что оно не в силах ничего породить, что было бы достойно Юпитера, так как все порожденные морем существа свирепые, неукротимые, непокорные, и в них не ощущается ни дружбы, ни кротости. Но мы скажем о спасшем Ариона дельфине и некоторых других упоминаемых Плутархом в своем трактате. Какие существа более сообразительны, морские или земные? Ведь использовали же прирученных рыб инду-

сы в качестве приманки? Но рыбы здесь не указ, если не отступаться от того, что однажды удалось приручить. Разумеется, ни легавая, ни другая собака не сумеют быть выше и учнее этой рыбы, если, по крайней мере, верно то, что рассказывал несколько раз очевидец Гонсало де Уиедо в 10-й главе XIII книги своей “Естественной истории Индии” и Дом Пьетро Мученик о другой рыбе, называемой *Манати (Manati)*, которая была поймана в море еще совсем маленькой и, живя с тех пор в озере, сделалась домашней, научившись брать из рук людей хлеб, и не нужно было слишком долго ждать, когда ее окликали. Предаваясь в ее распоряжение, и верхом на ней, люди, как на плоту, доставлялись с одного берега озера на другой. Но умнее ли пресноводные рыбы своих морских собратьев?

Египетские жрецы ненавидели море, называя его последним пределом, смертью и разрушением всех вещей из-за того, что его вода убивает всех животных, ее пьющих. Подобно тому, как море является могилой всех рек, в него впадающих, так и земля — погребением для всех тел, без чего ни то, ни другое бы не изобиловало. Об этом говорит и Хиия (Chiia) в Зогаре, оплакивая смерть его автора раббина Симеона, распростершись на земле, обняв ее и изрекая такие слова: “О, земля, земля, прах, прах, как ты черства и безжалостна, ибо все, что наиболее желанно для взора, ты подымлешь и делаешь безобразным. Ты сокрушаешь блистающие столпы мира. Сколь загасила ты сияющих светильников, воспринявших свой

свет от вечного источника, которым повсюду прославлен мир? Эти главы и властелины, данные народам для управления и руководства правосудием, на коих они основываются и существуют, внушают в тебе лютую зависть. Но ты в себе пребываешь непреклонной, никогда не насыщаясь телами, которые в тебя возвращаются, дабы мир мог в тебе уничтожиться и истлевать, а затем неожиданно возрождаться: все его превращения заложены в тебе”.

Однако море египетские жрецы ненавидели настолько, что не могли видеть ни моряков, ни островитян, как людей, которые по вине слишком сурового оскорбительного и безжалостного пятого элемента повсеместно были прокляты за торговлю живым товаром (“*Semotosque orbe Britannos*¹³⁹”). Но воздерживались от соли они не только по этой причине, но еще и потому, что она вызывала сладострастие. Хотя море отвергали они не единственно по мистическим и аллегорическим соображениям, видя, что оно не смывает пятен и грязь; так что Гомер со смыслом упоминает, как Навсикая, дочь Алкиноя, стирает свои облачения в пресном источнике на берегу моря, ибо на самом деле морская вода ничего не смывает. Вот почему Аристотель считает, по словам Плутарха в 9-м вопросе первой из своих “Застольных бесед”, что из-за рассола, которым всегда наполнена морская вода, она не является порожней и не может воспринимать нечистоты. Но не то же ли самое содовая вода

¹³⁹ Об отдаленной Британской земле. — Прим. пер.

для стирки, еще более наполненная солью и намного маслянистее и жирнее морской воды? Ведь по свидетельству опять же Аристотеля морская вода пригодна для ламп и их более ясного свечения, а брошенная в костер, она возгорается. В этом возможно есть некое таинство, касающееся огня и соли и их общего сходства. Посему очевидно, что соль является врагом грязи и нечистот и не желает с ними, впрочем, как и огонь, ни соединяться, ни сообщаться: “*qui non vult nisi res puras*¹⁴⁰”, говорит добрый человек Раймонд Луллий.

Исходя из вышесказанного, Плутарх в своих “Естественных причинах” полагает, будто морская вода не питает деревья и растения, поскольку груба и тяжела и не в силах подниматься к их корням. Ее тяжесть и грубость видна хотя бы потому, что она намного тяжелее обыкновенной пресной воды, и так как это идет от растворенной в ней соли, она более земная и, следовательно, мало способна к проникновению. Кроме того, по мнению Платона, Демокрита, Анаксагора и других, деревья во всем подобны земному животному, которому она не может доставлять пропитания: “*nam amarum non nutrit, sed dulce tantum*¹⁴¹”. Но что скажем мы тогда о рыбах, которые порождаются и питаются в море, о водорослях и морских растениях?

¹⁴⁰ Не стремясь к очищению всякой вещи. — Прим. пер.

¹⁴¹ Действительно, горьким не питаются так, как сладким. — Прим. пер.

Франсиско д'Уiedo в 5-й главе II книги рассказывает, что в первой экспедиции Христофора Колумба они обнаружили в открытом море на расстоянии более двухсот лье от берега как бы зеленые и желтые прерии, поросшие травой, называемой *сальгацци* (*salgazzi*) и плававшей на уровне воды в зависимости от того, как ветры разносили ее из стороны в сторону. В донесении Франциско Уллоа (Francisque Vloa) говорится, что корень травы, которой он дает описание и рисунок, не погружается в воду ниже двенадцати или пятнадцати морских саженьей, впрочем, являясь желтым, как воск. Но видно достаточно иных трав и кустарников, произрастающих не только на просторах морских пляжей, но даже и в самом море. Правда, Плутарх настаивает, что растения, имеющиеся на побережье Красного моря, порождены и питаются прахом, который к ним несут туда впадающие потоки. Хотя он совсем мало говорил о большем море, иначе Понте Евксинском. Плиний в 22-й главе XVIII книги своей "Естественной истории" считает, что рождаемые в воде травы питаются только дождями, но как тогда происходит, что они хорошо появляются и в тех местах, где дожди крайне редки.

Аристотель с уверенностью связывает это с жирной и маслянистой соленостью, перемешанной с водой. Поскольку морская вода жирная и маслянистая, в этом и причина того, что она не тушит так легко огонь, как пресная. Данная соленость равномерно распределяется по всему морю. Тот же Плиний в 11-й главе XIX

книги "Естественной истории" отмечает отдельные травы, которым соленые воды приносят большую пользу. Все это секреты Природы, и к разгадке их человеческое разумение мало продвинулось, ибо травы благодаря провидению способны добывать из соленой воды пресную, от которой они получают свое происхождение и пропитание, как и рыбы. Но это не является нашей главной темой. Мы же стремились показать здесь, что соль не только небесплодная, но есть и причина плодovitости, вызываемой Венериным желанием, отчего богиню именуют *Афродитой* (Афродитη), то есть рожденная из моря. Так что соль дается животным для их большего возбуждения, потому им и дают есть соленое, как рассуждает Плутарх в 3-м вопросе "Естественных причин".

По опыту известно, что на кораблях, груженных солью рождается больше крыс и мышей, нежели на других; это столь же обесценивает соль по отношению к святым вещам, откуда должна изгоняться всякая похотливость, пусть соль и пребывает в числе сущностей, применимых к добру и злу. О добром назначении соли мы уже приводили некоторые фрагменты. Теперь приводим о злом и в данном случае о бесплодности: "*Все они соединились в долине Сиддим, где ныне море Соленое*". Быт. XIV, 3. И в XIX главе "Бытия", как и далее в Писании, говорится о превращении заслушание слова Ангела в соляной столб: "от которых во свидетельство нечестия осталась дымящаяся пустая земля и растения, не в свое время приносящие плоды, и памятником неверной души — стоя-

щий соляной столб". Прем. X, 7. И в IX главе "Книги Судей" сказано, как Абимелех¹⁴² "разрушил город и засеял его солью". Ст. 45. И у пророка: *"Посему, живу Я! говорит Господь Цебаот, Бог Израелев: Моаб¹⁴³ будет, как Содом, и сыны Аммона будут, как Гоморра, достоянием крапивы, соляною рывиною, пустынею навеки; остаток народа Моего возьмет их в добычу, и уцелевшие из людей Моих получат их в наследие"*. Соф. II, 9. Но мы видим, как на местах возвышенных соляных болот Ксэнктонжа (Xainctonge), где осушается грязь, просоленная наподобие моря, произрастают лучшие и в большом количестве зерновые культуры и не менее превосходные виноградники.

Но есть и другой подход в использовании этого, как, например, в Марне и в арденнском Эссаре (Essard d'Ardenne), где выжигается семи, восьмилетняя лесная поросль и таким образом создается негашеная известь, занимающая место грязевых топей в земле. Сама по себе зола вместе с солью ничего не производят, однако они являются причинами порождения, поскольку согревают и удобряют землю. Есть еще и иное, рассказываемое Плутархом: повсюду, где в земле присутствует соль, ничего не стужается и не вызывает заупорку, ведь всякое затвердение почвы мешает пробиваться траве. Кроме того, от соли происходят бесчисленные медикаменты и снадобья, но ими я уже не стану здесь морочить голову, а отошлю к Диоскوريدу,

¹⁴² אֲבִימֶלֶךְ — Абимелех, в переводе Библии на русский язык это имя как "Авимелех" переведено неверно. — Прим. ред.

¹⁴³ מוֹאָב — Моаб, но Моав переведено неверно. — Прим. ред.

Плинию и другим, которые разбирались в их несметных тонкостях с закрытыми глазами. Думаю, с моей стороны, здесь это окажется тривиальным и неуместным.

Итак, оглянувшись вокруг, коснусь лишь одного эксперимента, удивительные эффекты которого наблюдал, когда всеми фибрами тела дрожал от ломоты и не мог найти себе покоя. Этот опыт следующего рода. Возьмите среднее свежее яйцо и столько же соли грубого помола; взбейте из них некое подобие мази, и между двух кусочков белой материи и компрессов приложите ее ко лбу. Это не охладит мгновенно мозг и не причинит таких последствий, как лепестки роз или уксус из них, но принесет намного больше облегчения.

КОНЕЦ

ВОСКРЕСЕНИЕ ФЕНИКСА — МАГИСТРА ОГНЕННОГО ИСКУССТВА

“Тут я спросил: “Неужто не приходит к этому источнику докторили кто-либо из других людей?”

— Нет, — сказал он, — никто не приходит, кроме стражника, который помимо прочего поддерживает постоянное тепло, так что все вокруг окутано дымом.

— У стражника этого много забот?

— Поначалу немного, но к концу их становится больше, ибо источник воспламеняется.

Я спросил: “Многие ли видели это?”

— У всех это перед глазами, только постичь это они не в силах”.

Из главы “Бернгард Тревизанский”
книги Жака Садуля “Сокровище Алхимиков”

СКУПЫЕ ПОДРОБНОСТИ ЖИЗНИ БЕРРИЙСКОГО ДВОРЯНИНА

Востребованность творчества того или иного писателя и философа в веках порой играет с ним злую шутку. Некоторые авторы известны и остаются таковыми надолго. Их произведения еще при жизни изучают в университетах студенты, им посвящают свои монографии и исследования ученые филологических и философских факультетов. Вторые занимают достойные себя места, уже покинув земное бытие. Третьи, воспользовавшись славой и почетом при жизни, отходят во второй ряд, становясь как бы фоном для истории деятельности лите-

ратурных корифеев, благо, о них еще помнят! Четвертые безвозвратно предаются забвению. Но есть еще и пятые, — напроць забытые вскоре после смерти, а затем, подобно птице Феникс, воскресающие спустя столетия. К последним можно с полной уверенностью отнести дипломата, историка, алхимика, криптографа, мифографа и переводчика Блеза де Виженера.

Трудно сказать, в чем больше преуспел этот даровитый французский дворянин: на дипломатическом ли поприще, в герметической философии или в исторической науке и искусстве перевода. В личности Виженера удивительно сочетались и гармонировали самые разнообразные способности. Именитый профессор из Коллеж де Франс Марк Фюмароли (1932 г.р.) поспешил связать это с дипломатическим призванием Виженера. И действительно, среди дипломатов эпохи Возрождения встречаются яркие личности, оказавшие весомое влияние на европейскую культуру, если судить по “эрудиту-утописту”, как назвал его Умберто Эко, Гильому Постелю (1510-1581), выходцу из нормандских простолюдинов и старшему современнику Виженера. Но консерватор, католик и роялист Блез де Виженер вовсе не схож с харизматичным космополитом и революционным экуменистом Гильомом Постелем, пытавшимся уже в XVI в. объединить три религии: христианство, иудаизм и ислам. Бесспорно, что противоположность обоих личностей кроется за рамками их дипломатической службы и лишь оттеняет разницу между двумя гуманизмами — фундаментально-христианским и либерально-окультизм, возобладавшим ныне в странах западной демократии.

Нашему читателю Блез де Виженер стал известен своим произведением “Описание Польского королевства”¹, переведенным К. Мельником в конце позапрошлого столетия. Сегодня ждет своего часа, исследователя и переводчика другое значимое историческое сочинение Виженера “Хроники и анналы Полонии” (1573 г.), повествующее о жизни западных славян, поляков и сопредельных с ними народов с незапамятных времен до избрания на польский трон Генриха III Валуа. Здесь важно отметить, что Блез де Виженер был первым, кто систематизировал источники по истории Польши и, по сути, написал первую полноценную историю польского государства. Кроме того, изучавшие историю химии знают, что Виженер открыл бензойную кислоту, а всякий специалист по криптографии вам расскажет о знаменитом и до недавней поры не раскрываемом шифровальном ключе Виженера: его методику и правила французский дипломат изложил в своем замечательном “Трактате о шифрах или тайных способах написания” (1586 г.). Но обратимся к скучным вехам биографии Блеза де Виженера, которую, по словам профессора Марка Фюмароли, предстоит еще по крупицам восстанавливать.

Блез де Виженер родился 5 апреля 1523 года во французской исторической провинции Берри в Сен-Пурсэне-на-Сиуле, что на границе с Овернью (это событие произошло ровно за сто лет до появления на свет другого великого Блеза — Паскаля). Его отец шталмейстер Жан де Виженер был владельцем имения Сен-Поль, а мать Маргарита, в девичестве дю

Лион, являлась дочерью владельца Пасса возле Мон-Люсона. Уже в раннем возрасте Блез де Виженер выказал склонность к наукам и по достижении двенадцати лет был послан в Париж для продолжения образования. После прохождения курса обучения в Коллеже его представили к французскому двору и приняли на службу к первому государственному секретарю короля Франциска I генералу Байяру, на службе у которого он состоял до 1545 г., пока не отправился вместе с господином де Гриньяном на имперский сейм, традиционно заседавший в Вормсе. После прекращения работы сейма Виженер путешествует по разным историческим областям Европы. Тогда же впервые оказавшись в Риме, он знакомится с сочинениями по криптографии Леона Батисты Альберти, Йоханна Тритемия и Джованни Батисты делла Порты. Находясь под их впечатлением, создает собственный знаменитый “шифр Виженера”.

Вернувшись из странствий в 1547 г., Виженер занимает место секретаря у герцога Неверского. Герцог умирает в феврале 1562 г., а его сын граф Эйжен гибнет в сражении при Дрё (Dreux) в декабре 1563 г. Последнее подвигло Виженера оставить службу и возобновить свои занятия. В это время он берет уроки у Тюрнеба и Дора, самых сведущих в древнегреческом языке ученых, и параллельно изучает древнееврейский язык, знание которого обеспечивает ему место в востоковедческой коллегии Gallia Orientalis у Коломье.

Виженер продолжал свои ученые труды до 1566 г., когда, по сообщению дю Вердые, был направлен с дипломатической миссией в Рим в должности королевского секретаря. Вернувшись на родину в

¹ См. “Мемуары, относящиеся к истории южной Руси”. Выпуск I (XVI ст.). Киев, 1890. — *Прим. пер.*

1569 г., он женился в возрасте 47 лет, как принято считать, на Мари Варе. В 1573 г. Блез де Виженер в составе свиты герцога Генриха Анжуйского, избранного ненадолго на польский престол будущего французского короля Генриха III Валуа, находился в Польше, где трудился над “Хрониками и Анналами Полонии”, опубликованными в Париже в том же году. Можно предположить, что Виженер покинул Польшу вслед за случившимся побегом из нее Генриха Валуа 19 июня 1574 г. лишенного спустя год польской короны. По прошествии веков уместно сказать, что единственной пользой от недолгого жительства не блещущего благочестием двора Генриха Анжуйского в Польше как раз и было написание Виженером упорядоченной истории этой славянской державы.

Последующий период Виженер, судя по всему, пребывал в доме герцогов Неверских, поскольку говорит в своем “Трактате о шифрах”, вышедшем в 1586 г., что состоит у них на службе вот уже 40 лет. В 1585 г., по некоторым данным, он занимал пост секретаря Королевской Палаты.

Ни современные, ни прежние исследователи не смогли определить точной даты смерти неутомимого дипломата, герметического философа и переводчика. Умерший в 1600 г. дю Вердые полагал, что Виженер прожил 70 лет и умер в 1593 или в начале 1594 г. Сейчас принято считать, что Блез де Виженер умер от рака горла в 1596 г. в возрасте 73 лет. Основание — гравированный портрет, появившийся вскоре после его смерти, которому сопутствует легенда, дескать Виженер умер, когда ему уже исполнилось 73 г. Впрочем даже младшие современники выдающегося беррийца уже сомневались в этом, а

источник той поры, приписываемый аббату Ле Клерку, сообщает, что Блез де Виженер скончался 22 февраля 1599 г. Как бы то ни было, Виженера похоронили в парижской церкви Сен-Этьен-дю-Мон. Там же покоятся и останки Жана Расина и Блеза Паскаля.

Блез де Виженер был очень трудолюбивым человеком. Мемуарные источники того времени свидетельствуют, что до самой своей смерти он не прекращал работать по восемь-десять часов в день, являя собой пример истинного адепта Королевского Искусства.

ОСЕНЬ РЕНЕССАНСА ВО ФРАНЦИИ. ВИЖЕНЕР И МОНТЕНЬ

Виженер жил в беспокойное время религиозных войн и смут, сотрясавших Европу и его родину, когда фортуна попеременно склонялась то на сторону протестантов, то на сторону католиков. Поразительно, но именно этот период, называемый Осенью Ренессанса, характерен расцветом наук, искусств и появлением разноречивых харизматических личностей, вознамерившихся реформировать религию и государственный уклад, преобразовав весь мир на умозрительных утопических началах. Тогда же возрождаются многие ереси, обретя свое продолжение в определенных сектах и течениях, и начинают действовать тайные общества, которые легализуются под эгидой франкмасонства намного позже — в первой трети XVIII ст.

Уже накануне Реформации со второй половины XV в. в Западной Европе платоновской философией, каббалой, алхимией и астрологией интересовались очень многие. Такие интересующиеся пытались стать послушниками Гермеса: одни ради личной наживы, другие ради либерализации общества, третьи ради утверждения христианских истин. Почему-то последний аспект европейские литературоведы и историки философии вообще не привыкли замечать. Но ведь именно этому посвятил свое научное и дипломатическое служение Блез де Виженер.

Виженер был современником братьев Бодери, Гильома Постеля, Альфонса Дельбена, Франциска Сальского, Агриппы д'Обинье, Джордано Бруно, Филиппа Сиднея и других выдающихся личностей второй половины XVI в. Профессор Марк Фюмароли совершенно верно резюмирует, что Блеза де Виженера затмила писательская слава Мишеля Монтеня (1533-1592). И тут же добавляет: по складу ума и философскому дарованию Виженер уступал Монтеню — поэтому все закономерно. Профессор сам не заметил, как оказался в плену у либеральных мифов и стереотипов. Правда, он, ощущая определенную нелепость посылки, все же оговаривается: Виженер был намного универсальнее Монтеня.

Впрочем, преданность интеллектуальным идеалам никого не красит, и Фюмароли едва ли в глубине души не осознает, сколь пагубное влияние оказала философия Монтеня на всю последующую французскую историю и культуру. Достаточно вспомнить, что по Монтеню, человек существует не для того, чтобы создавать себе нравственные идеалы и стараться приблизиться к ним, а для того, чтобы быть счастли-

вым: "Я живу со дня на день и, говоря по совести, живу только для самого себя²". Здесь выражена квинтэссенция мировоззрения Монтеня, все остальное у него — от нарочитых самокопаний до реминисценций из Эпикура и стоиков — есть прикрытие и антураж пошлого безбожия. В этом смысле достойным преемником сибаритствующего Монтеня мог бы стать люциферианский гностик и медиум прошлого века Алистер Кроули. Перефразировав высказывание Монтеня, и соединив его затем с основной заповедью Кроули, получим: "коль живешь для себя, то делай, что хочешь". Так рациональный эгоистический культ, абсолютизовавший знание, с течением времени вырождается в суеверное иррациональное ремесло черного мага.

Прямая противоположность Монтеню Виженер. Вся его жизнь была преисполнена жертвенным служением — христианской монархии, французской словесности, науке и культуре. В отличие от Монтеня, происходившего из семейства аноблированного буржуа, долг дворянина и государственного мужа являлся для Виженера главной мотивацией в его деятельности. Поэтому неудивительно, почему во Франции его быстро предали забвению, ведь в этой стране самым высшим сословием популяризовались иные ценности, а в религиозной среде царил формализм, что и привело к безумной французской революции.

Вся история христианства опровергает "теплохладность" индивидуалистической философии Монтеня, ибо только в этой религии человек живет

2 Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб.: 1890-1907, Т. 19А (38): Михаила орден — Московский Телеграф. — 1896; статья "Монтень" В. Стороженко. — *Прим. пер.*

не ради своего бренного бытия, а во имя жизни вечной. Христианство и есть мыслительное приближение к свету нравственно-вероисповедного идеала, торжество над необходимостью и устремленность к Творцу всего сущего: "Где смерть твое жало, где ад твоя победа?". Этому пути старался следовать Блез де Виженер, будучи тихим тружеником и исследователем забытых истин. Переведенная им на французский язык "Псалтирь" поражает своим изяществом и покаянной проникновенностью.

С другой стороны, Виженер не мог принадлежать к партии религиозных фанатиков и политических авантюристов, учинивших резню гугенотов в ночь на 24 августа 1572 г. Являясь католиком, Виженер отрицал протестантизм как таковой, но желал вернуть межконфессиональную полемику в государство к духу Христовой любви. Правда, в ту пору мало кто прислушивался к мнению опытного дипломата, ученого и верного сына Римской церкви: глас вопиющего в пустыне.

Но если влияние рефлексирующего интеллектуала Монтеня распространилось на столетия, то воздействие Виженера на французскую культуру не простирается и до середины XVII в. После этого периода он буквально предан забвению и упоминается только в специальных книгах по истории алхимии, химии и криптографии. Да и его блестящие переводы Торквато Тассо, Гая Юлия Цезаря и других авторов с той поры не теряют своего значения лишь для библиофилов и редких почитателей таланта вдохновенного труженика осени Ренессанса. Казалось бы, начало XVII в. виженеровское, и его отметину несут на себе благочестивые произведения Франциска Сальского и живописные полотна

Туссэна Дюбрёйля при Генрихе IV и Николя Пуссена при Людовике XIII. Однако эта тенденция ограничивается 1640 г. Хотя несомненным продолжателем дела Виженера в христианской мистике и эзотерике, на наш взгляд, становится Блез Паскаль. Что касается мировоззренческих преемников Монтеня, то один из них — безбожный Вольтер.

ДИПЛОМАТИЯ И АЛХИМИЯ

Ренессанс — это, по сути, крушение и фрагментация христианского космоса Европы, яркая индивидуализация его отдельных осколков. Для восстановления прежнего, пускай порой и формального религиозно-политического единства, помимо военной силы, требовалось тонкое дипломатическое искусство. Вот почему дипломатия тогда рассматривалась в качестве определенного синтеза искусств, сродни архитектуре и священнодействию, поскольку должна была приводить к согласию противоположности, сближать различные темпераменты и характеры, одним словом, выделять из хаоса гармонию и совершенствовать своей методикой несовершенную человеческую природу. И если врач лечит тела, священник — души, то дипломат, бесспорно, врачеватель политических организмов. В этом смысле алхимия сильно сопряжена с дипломатией, их объединяют знание языков, владение шифрами и тайнописью. У дипломатии идеал умеренность, Сократова "золотая середина": когда прекращают беседовать дипломаты, начинают говорить пушки; у алхимии — Философский

Камень, преображающий герметическим золотом душу адепта. Значит и здесь, и там присутствует своеобразный золотой стандарт.

До сих пор мало известно о веках дипломатической карьеры Блеза де Виженера. Нет сомнения, что в период религиозных и гражданских войн, захлестнувших Европу XVI в., дипломатическое поприще было не только крайне беспокойным, но и опасным. Кроме того, как сообщает профессор Фюмароли, Виженер в Италии выполнял миссию тайного агента французского двора и, следовательно, являлся в этой стране резидентом разведки своего государства. Отсюда увлеченность Виженера криптографией, каббалистикой и нумерологией, и в итоге создание собственного полиалфавитного шифровального ключа. Его основные принципы он объясняет в знаменитом "Трактате о шифрах", опубликованном в 1586 г. Для Виженера *res* (вещь) и *signum* (знак) в словах представляют собой единое целое; здесь он унаследовал традицию толкования слов, восходящую к Платону и изложенную в его диалоге "Кратил".

Каббала представлялась Виженеру универсальным знанием, частью ветхозаветной сакральной традиции, необходимой для изучения в христианских университетах. Виженер одним из первых разделяет ее на теоретическую и практическую, относя к первой "Меркабу" ("Божественную Колесницу"), науку об ангелах и нисхождении божественного Света, тайно преподавную свыше праотцу Абрахаму.

Однако Виженер внес вклад и в развитие современной "профанической" науки. Так, занимаясь возгонкой росного ладана, он открыл бензойную кис-

лоте, и лишь спустя века в 1832 г. немецкий химик Юстус фон Либих определил ее структуру и исследовал, как она связана с гиппуровой кислотой. До сих пор бензойная кислота широко используется в консервировании продуктов питания, а на ее антигрибковые эффекты в 1875 г. обратил внимание другой немец — физиолог Эрнст Леопольд Зальковски. Специалисты по истории химии вообще считают, что Виженер уже обладал ясным представлением о существовании кислорода. Феномен света, вокруг которого по сей день спорят ученые сообщества мира, объяснялся им следующим образом: свет небесных тел производится духами или тонкими эманациями, служащими пропитанием огню небес. Это уже явная аллюзия на эфир, как на всепроникающий астральный агент и пластический медиатор, служащий для всех явлений и порождений. В "Трактате об Огне и Соли" Виженер сообщает, что ему однажды удалось создать нечто подобное солнцу, сверкающему во тьме. Правда, что это был за светильник, им не конкретизируется. Не вызывает сомнений, что проводя алхимические опыты и изучая в них внешние и внутренние световые манифестации, Виженер уже стоял на пороге оккультной гипотезы об астральном свечении, столь популярном у адептов герметического искусства нового времени.

Изысканная итальянская культура Ринасименто, впитавшая в себя ловкую дипломатию городов-государств, оказала огромное влияние на Блеза де Виженера, и мы вправе предположить, что находясь на службе именно в этой стране и при Папской курии, он усвоил все сокровенные тайны алхимии и каббалистической мистики, которые затем при-

менял в собственной разносторонней деятельности. Уместно даже сказать, как нечто разумеющееся: дипломатия у Виженера трансмутировала в алхимию, и алхимия — в дипломатию. И в этом нет ничего удивительного, ведь Виженер принадлежал к блестящему семейству европейских дипломатов своей эпохи, архетип которого прекрасно выразил Рафаэль в портрете Бальдассара Кастильоне.

“ТРАКТАТ ОБ ОГНЕ И СОЛИ”

 то произведение Блеза де Виженера увидело свет только в 1618 г., спустя много лет после смерти автора. Оно было издано попечением вдовы знаменитого французского книгопечатника Авеля Анжелье, поставлявшего свою продукцию для королевского двора. В трактате ярко раскрылся дар Виженера, как адепта Королевского Искусства, рассмотревшего соотношение и родство двух элементов герметической философии — огня и соли, без которых в древности не совершалось ни одно из религиозных жертвоприношений. К тому же Соль, отчасти представляя собой сгущенный огонь, есть срединный уравнивающий элемент алхимической триады, куда входят еще Сульфур и Меркурий. И если дух это огонь, а тело соль, то находящаяся между ними и соединяющая их субстанция души (монада) творит свою телесную оболочку при помощи астрального агента или пластического медиатора. Собственно

Виженер уже вплотную подошел к учению об иерархии монад и множеств, формировавшемуся в христианской эзотерической философии, начиная с XVII в.

Виженер называл себя магистром огненного искусства, и это нельзя воспринимать вне контекста эсхатологических настроений, царивших тогда в Европе. Многие ожидали огненного крещения и второго пришествия Спасителя. Осень Ренессанса накрыла пучина религиозных смут, сопровождавшихся чумной и другими страшными эпидемиями. Но, к счастью, многого беррийский аристократ уже не успел застать, переместившись в мир иной и оставив по себе, наряду с другими произведениями, свой замечательный герметический трактат.

Соль, по Блезу де Виженеру, есть сгущенный уплотнившийся огонь, сущность которого у Виженера прекрасно разобрал философ и основоположник аналитической психологии швейцарец Карл Густав Юнг (1875-1961). Так, он писал: “Согласно Блезу де Виженеру (Blaise de Vigenere) у огня не два, а четыре аспекта: познаваемый, который есть весь свет; небесный, причастный и теплу и свету; стихийный, один из первоэлементов, принадлежащий нижнему миру и состоящий из света, тепла и жжения (ardor); наконец, адский, противоположный познаваемому, пылающий и жгущий без всякого свечения. Здесь мы вновь сталкиваемся с четверичностью, древними ассоциировавшейся с огнем, как можно видеть это на основании египетских представлений о Сете и четырех сыновьях Гора, равно как и на основании образа огненной области севера в видении Иезекиеля. Есть

некоторая вероятность того, что Виженер в данной связи имел ввиду именно Иезекиеля³

Обратим внимание, что в "Трактате об Огне и Соли" Виженер продолжает развивать традицию алхимической каббалы Парацельса, оказавшую значительное воздействие на всю последующую европейскую герметическую философию. Эта каббала стала ключом толкования новой алхимической теории, введенной в научный оборот Блезом де Виженером вместе с Гайнрихом Кунратом (1560-1605) и Михаелем Майером (1568-1622). По сути, они приложили к алхимии закон аналогии или подобия, уже использовавшийся в иных оккультных знаниях, в том числе в гомеопатии. С тех пор троичность сделалась основным иерархическим принципом Королевского Искусства, когда Природы господствуют Сульфур, Меркурий и Соль, начала всех вещей, воплощенные в материи. В мире человеческом, или на уровне микрокосмоса — тело, душа и дух, соединенные в индивидуе. В мире божественном — три персоны Святой Троицы, пребывающие нераздельно в Едином Боге. Или, как сказал бы их предшественник и алхимик XV в., под конец жизни, обретший Философский Камень, граф Бернгард Тревизанский, "три заключаются в единице, и единица — в трех, ибо здесь тело, дух и душа, а там — Сульфур, Меркурий и Соль". Отсюда и Великое Делание должно обладать тройственной целью, состоящей для адепта применительно: к миру Природы — в трансмутации металлов и достижении их совершенства в золоте. К миру микрокосмоса — в

нравственном возрастании и духовной трансформации человека, когда он представляет собой символический атанор, в котором закаляются добродетели. К божественному миру — в созерцании познаваемого, истинного света.

По Виженеру, тела ангельские состоят из огня, и огонь связывает воедино всю Природу. Сакральная аллегория этого — Тетраграмматон, тайное начертание имени Божия из четырех букв.

Что касается низшей триады Природы, то в ней герметические философы отождествляли: Меркурий с материей или женским пассивным началом; Сульфур с силой или мужским активным началом; и Соль с движением, благодаря которому сила образует материю, придавая ей форму. В Королевском Искусстве Соль занимает важное промежуточное положение, играя роль соединяющего оба полюса принципа. Соль андрогинна и бесполо, а потому и нетленна; она синоним аскезы и вместе со своим близнецом огнем — путь к бессмертию. Для Блеза де Виженера Великое Делание это и есть движение срединной субстанции ускользающего огня, претворяющегося в соль, по приведенному выше слову священного Писания: "Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится". И в данном смысле каждый человек является жертвой своему Богу и Творцу.

Мы вовсе неслучайно предпослали статью эпиграфом из книги Жака Садуля "Сокровище алхимиков", в котором воспроизводится фрагмент рассказа графа Бернгарда Тревизанского "Аллегория источника" из его "Трактата по естественной философии металлов". Понятно, что постоянно изменяющийся, а затем запылавший водный

³ "Aion" Исследование феноменологии самости. Глава X. Символ рыбы в алхимии. 203. — *Прим. пер.*

источник символизирует собой одну из частей алхимического магистерия с фазами Великого Делания и вызревания Философского Камня. Но в плане микрокосмоса это купель огненного крещения, в которую должен погрузиться дух истинного адепта и, сгорев там без остатка, восстать, подобно фениксу, просолившись жертвенной солью герметической философии. После чего адепт уже становится стражем срединного огня и магистром огненного искусства, живым атанором, переплавившим внутри себя в золото и серебро добродетелей ущербный свинец изъянов и недостатков человеческой природы. Однако огонь этот внутри себя нужно непрерывно поддерживать, не давая ему иссякать и превращаться в зольный осадок. Ибо, как сказал в “Семи главах” Гермес Трисмегист, “Великое Делание у вас и с вами, так что, находя его в себе, где оно находится постоянно, вы его имеете всегда, где бы вы ни были, на земле или на море”. Однажды обратившись в приверженца огненного христианства, Блез де Виженер прошел до конца по пути совершенства, сумев не угасить и сохранить для вечности источник своего срединного пламени. Многие другие, обладая большими дарованиями и возможностями, прельстились тщетными мирскими благами и, не удержав своего светильника, оступились. И если капризная судьба не отнеслась благосклонно к творческому наследию Виженера после его смерти (о чем мы сказали выше), то ее ошибку исправил божественное Провидение, рыцарем которого он по праву считался. По прошествии времени вновь появился неподдельный интерес к выдающейся личности беррийского мастера и его блестящим трудам...

Первый перевод “Трактата об Огне и Соли” Блеза де Виженера вышел на латыни в Страсбурге в 1661 г. в герметической серии “Химический театр” и был осуществлен Йоханном Якобом Гайльманном. Сама серия выпускалась с некоторыми перерывами на протяжении более шестидесяти лет начиная с 1602 г. немецким издателем Лазарем Цецнером и его наследниками. Любопытно, что в этом издании, в отличие от французского оригинала, произведение Виженера разбито на семьдесят глав и имя автора дано в его исконной форме, как Бласий — Blasius (Theatrum Chemicum. VI. 1661. Ex Germanica et Gallica lingua in Latinum translatus Johanne Jacobum Heilmannum. Tractatus de igne et sale).

Другой перевод трактата увидел свет на немецком языке в Бреслау в конце XVIII в. Его сделал чело-век, скрывшийся под латинскими инициалами D.A.P.D.E.F.U.L.K.K., а опубликовал в 1782 г. шлезский книгоиздатель Вильгельм Готтлиб Корн. Именно это издание привлекало немецких романтиков, углубленно развивавших христианский мистицизм. Во многом возрастающим в последние десятилетия интересом к личности и творческому наследию Блеза де Виженера мы обязаны неутомимому труженику и ученому Франсуа Секре (1911-2003), руководителю исследовательского центра знаменитой французской Практической школы высших исследований Сорбонны (Ecole pratique des hautes etudes). До 1979 г. Секре был первым профессором, преподававшим курс “эзотерического христианства” в главном университете Франции; он написал блестящую источниковедческую монографию по связям христианского герметизма с каббалой “Христианские каббалисты Ренессанса” (1964 г.), ставшую в своей

области хрестоматийной. На Виженера Секре обратил особое внимание, когда исследовал творчество и окружение харизматического эрудита XVI в. Гильома Постеля, в ту пору предвосхитившего явления синкретического экуменизма нашего времени и наступление “Нью-Эйдж” или “Новой Эры”. После этого стали предприниматься первые, пускай еще робкие шаги, по изучению произведений Виженера. Наконец, в 1994 г. увидел свет коллективный сборник “Блез де Виженер, поэт и мифограф времени Генриха III”, улучшенный и переизданный исследовательским центром Сонье в 2009 г. Вышли переводы “Трактата об Огне и Соли” на испанский (1992 г.), итальянский (1998 г.) и другие европейские языки. Правда, стоит отметить, что другие сочинения Блеза де Виженера по-прежнему продолжают пребывать под спудом библиотечных хранилищ и ждать своего часа. Если “Трактату об Огне и Соли” удалось попасть в обиход главных алхимических книг Ренессанса, а фрагментам “Трактата о шифрах” сделаться до сего дня пособием по криптографии и практической каббале, то “Хроники и анналы Полонии” (1573 г.) незаслуженно забыты.

Однако воскресение творчества магистра огненного искусства, чему энергично способствовал Франсуа Секре, уже необратимо. И лишнее свидетельство тому — перевод на русский язык “Трактата об Огне и Соли”. Ныне предельно ясно, что на пороге грядущих событий, способных до неузнаваемости изменить лицо мироздания, уже изжито узкое гедонистическое мировоззрение в стиле Мишеля Монтеня, выродившееся в культ золотого тельца, и мы движимы навстречу Завету огненного христианства, глашатаем которого был беррийский дворя-

нин Блез де Виженер: “Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится”.

На титуле “Трактата об Огне и Соли” помещен выгравированный аллегорический рисунок, изображающий пламя всежжения святилища и надпись на ленточной строке вокруг него: *“sacrum pingue dabo nec macrum sacrificabo”*. Последнее — словесный палиндром, составленный святым Марком Новелльским из Флоренции, который им выразил отношение к божественному жертвоприношению двух сыновей наших прародителей. Точнее и целиком палиндром будет звучать так *“sacrum pingue dabo non macrum sacrificabo, sacrificabo macrum non dabo pingue sacrum”*; то есть: *“я приносил от священного тука, не жертвовал худое; я жертвовал худое, не приносил от тука священного”*. Всякому человеку в жизни дан свободный выбор, какой станет его жертва пред Богом. Христианин Блез де Виженер и скептик-гедонист Мишель Монтень давно совершили каждый свою жертву, и излишне здесь объяснять, чья жертва оказалась милее и приятнее Создателю.

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт